

ПИТЕР СВЕНСОН

ВСЕ ЕЕ СТРАХИ

ВОЖДЕЛЕНИЕ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ

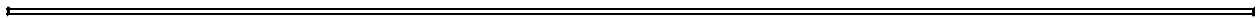
Annotation

С детства Кейт Придди жила в мире страхов, которые усилились после того, как ее похитил бывший бойфренд. Ревнивый параноик пытался пристрелить ее, но застрелился сам. Девушка мечтает покончить с прошлым и своими страхами, поэтому соглашается на предложение троюродного брата Корбина поменяться жильем. Девушка переезжает из Лондона в Бостон и готова начать все сначала... Внезапно соседку Корбина находят мертвой. Полиция расспрашивает Кейт о Корбине. Неужели убийца – он? Страхи из прошлого вновь возвращаются к Кейт...

- [Питер Свенсон](#)
-
- [Часть 1. Длинноногие зверушки](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
- [Часть 2. Поровну](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
- [Об авторе](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

Питер Свенсон

Все ее страхи

© Peter Swanson, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018

* * *

Это произведение – чистый вымысел. Имена, герои, места и происшествия – плоды воображения автора, не имеющие никакого отношения к действительности. Все совпадения с реальными событиями, местами, организациями или людьми, живыми либо мертвыми, абсолютно случайны.

Сьюзен, Джиму, Дэвиду и Джереми

Каждый страх – возжеление. Возжеление – страх. Сигареты тлеют под деревьями, Где стаффордширские убийцы ждут своих сообщников И жертв. Каждая жертва – сообщник.

Джеймс Фентон Стаффордширский убийца

Часть 1. Длинноногие зверушки

Глава 1

Самый короткий путь от аэропорта имени генерала Логана в центр Бостона пролегал через полуторакилометровый тоннель Самнера. Темный, сырой, с низкими сводами – казалось, что Самнер построен сотню лет назад. Впрочем, это недалеко от истины. И в пятницу, 24 апреля, теплым весенним вечером, у первокурсника Бостонского университета как раз посреди тоннеля кончилось горючее, из-за чего привычная в час пик двухполосная тянучка на дороге преобразовалась в однополосную. Кейт Придди, которая еще ни разу не была в Бостоне и даже представить не могла, что окажется заблокированной под Бостонской бухтой, сидела на заднем сиденье такси, застрявшего в пробке, и уже начала паниковать.

Это был не первый приступ паники за сегодняшний день. Утром, когда она выходила из своей лондонской квартиры в Белсайз-парке в прохладный серый рассвет, ей внезапно показалось, что квартирный обмен – худшая из авантур, на которую она когда-либо соглашалась. Но она выполнила свои дыхательные упражнения, повторила мантру и сказала себе, что уже слишком поздно идти на попятную. Ее троюродный брат, с которым она никогда не встречалась, в это время летел ночным рейсом из Бостона в Лондон. Он будет обитать в ее жилище на протяжении полугода, а она поживет в его квартире в Бикон-Хилле.

Но приступ паники в застрявшем в темном тоннеле такси был куда хуже всех предыдущих. Она чувствовала себя в нескончаемом тоннеле с изогнутыми гладкими стенами как внутри огромной змеи. У Кейт свело желудок, во рту пересохло.

Такси ползло вперед. От сиденья шел запах тела и цветочного автомобильного дезодоранта. Кейт хотела открыть окно, но постеснялась, ибо не знала, как отреагирует американский таксист. Снова свело желудок, начались колики. *Когда же я в последний раз ходила в туалет*, подумала она, и ее паника шагнула на следующую ступеньку. Настолько знакомое ощущение, когда сердцебиение учащается, конечности стынут, мир сжимается перед глазами. Но она знала, что делать. В голове звучал голос врача. *Это обычный приступ паники, случайный выброс адреналина. Он не ранит тебя и не убьет, никто даже не заметит. Просто прими. Поброди с ним. Оседлай его.*

Но сейчас совсем по-другому, размышляла Кейт. Опасность воспринималась как абсолютно реальная. И вдруг она снова увидела себя в

коттедже на Уиндермире: она сидит, съежившись, в закрытом шкафу, ее ночная рубашка мокрая от мочи, а Джордж Дэниэлз – с другой стороны двери. Сейчас у нее точно такие же ощущения – как будто чьи-то холодные руки внутри скручивают живот, как кухонное полотенце. Выстрел из ружья – и вселяющая ужас тишина, длившаяся нескончаемые часы. Когда ее наконец вытащили, конечности были застывшими, а голосовые связки болели от визга. Она не понимала, как осталась живой, как этот ужас не убил ее.

Звук перекликающихся клаксонов вернул ее обратно в такси. Она отбросила мысли об Уиндермире, о Джордже и сделала глубокий-глубокий вдох, хотя казалось, что грудь что-то сдавливает.

Смирись. Прими. Выпусти это. Пусть время течет своим чередом.

Слова больше не работали, и Кейт почувствовала, как сжимается горло, а легкие неистово пытаются втянуть кислород. В такси стоял такой же запах, как тогда в шкафу, – затхлый и гнилой, как будто там что-то сдохло много лет назад. Кейт думала о побеге, и переполняющие ее мысли вгоняли в еще большую панику. Она вспомнила о назначенных ей транквилизаторах – бензодиазепинах. Кейт редко их принимала, но всегда брала с собой, как ребенок, который не хочет расставаться с одеяльцем, хотя и не нуждается в нем. Однако таблетки находились в чемодане, который лежал в чертовом багажнике. Она пыталась что-то сказать таксисту, попросить его открыть багажник, но слова застряли в пересохшем горле. В этот момент – и такое случалось множество раз – она была уверена, что действительно умирает. *Приступы паники не могут убить тебя. Конечно, не могут*, думала она. Она зажмурилась, как будто на нее несся поезд. Напрасно она это сделала. Мир растворился в шкафу, заполненном мраком. Смерть подступила слишком близко. Нутро начало плавиться.

Смирись. Прими. Выпусти это. Пусть время течет своим чередом.

Такси продвинулось вперед на расстояние корпуса автомобиля и снова остановилось. От этого непродолжительного движения немного полегчало, словно именно ее мантра заставила машину ехать. Она повторяла спасительные слова снова и снова, чередуя их с дыхательными упражнениями.

Водитель махнул рукой, растопырил пальцы и что-то пробормотал в грязное лобовое стекло на непонятном Кейт языке. У нее почему-то сложился стереотип, что американские таксисты – сплошь и рядом низкорослые дядьки в кепках с недокуренными сигарами в зубах. И у них обязательно должны быть громкие голоса. Но этот – в чалме, с густой

бородой, – если исключить тот факт, что он сидит с левой стороны, а не с правой, мог вполне сойти за лондонского.

– Далеко ли еще до конца тоннеля? – спросила Кейт через перегородку. Ее голос показался ей надломленным и робким.

– Там впереди что-то есть.

– Здесь всегда так?

– Иногда, – ответил водитель и пожал плечами.

Кейт махнула рукой и, отодвинувшись от перегородки, потеряла коленки. Машина рывками продвигалась вперед, преодолевая по несколько метров за один раз, но когда они миновали пробку, которую создал «Шевроле», открылись обе полосы, и такси медленно, но верно стало приближаться к выезду из тоннеля. Кейт сделала глубокий вдох носом и выдох через рот. Она разжала кулаки, похрустела суставами и начала по очереди постукивать большим пальцем по кончикам остальных. Дыхание немного восстановилось.

Они наконец выехали из тоннеля, и едва Кейт успела заметить проблески распушенных облаков, громоздящихся в небе, как такси нырнуло в следующий тоннель, правда, пронеслось сквозь него без всяких заторов. Прежде чем они выскочили на другую скоростную дорогу, выющую вдоль берега реки Чарльз, таксист успел наверстать потерянное время. Было достаточно светло, и Кейт смогла разглядеть слева задние стены кирпичных домов. По гладкой поверхности реки скользила спортивная гребная лодка.

Неожиданно водитель резко взял влево и выехал на узкую дорогу. Площадь, кирпичные дома на другой стороне, цветущие деревья вдоль тротуара.

– Бери-стрит, – сообщил таксист.

– Дом номер сто один.

– Понял.

Таксист разогнался, затем притормозил и внезапно остановился перед кирпичной аркой с вырезанными цифрами «101», заехав одним колесом на тротуар. Кейт удалось рассмотреть дворик с низеньким фонтанчиком, защищенный с трех сторон стенами трехэтажного п-образного жилого дома. Немного болел желудок – отголоски паники, – и она почувствовала вину перед своим троюродным братом Корбином Деллом, прибывшим в тот же день в ее заурядную квартиру в северной части Лондона. Но он знал, на что шел. Перед этим они обменялись несколькими письмами. Ее двухкомнатная квартира была уютной, недалеко от метро, но Корбин, если верить присланным фото, являлся обладателем чего-то роскошного, как в

романах Генри Джеймса^[1]. Тем не менее ее удивил вход во двор – прямо как итальянский, совсем не похожий на ту небольшую часть Бостона, которую она успела увидеть.

Она стояла на обочине, а водитель тем временем доставал ее багаж – чемодан на колесиках и большую спортивную сумку. Доллары она купила в своем лондонском банке еще на прошлой неделе, поэтому без проблем заплатила таксисту тонкими бумажными банкнотами. Правда, точно не знала, сколько оставлять чаевых, так что, возможно, дала больше, чем следовало бы. Когда он отъехал, она поставила спортивную сумку на чемодан с колесиками и направилась в арку.

Она прошла через двор, вымощенный плитами и кирпичом, как вдруг распахнулась центральная дверь и из нее вышел темнокожий привратник с седыми, слегка несимметричными усами.

– Эй, привет, – помахал он ей рукой. Он был одет в длинный коричневый плащ поверх костюма и форменную фуражку. Под фуражкой – очки с толстенькими линзами в темной оправе.

– Привет, – попыталась улыбнуться Кейт. – Я Кэтрин Придди, должна остановиться в квартире Корбина Делла.

– Ага. Я в курсе. Мистер Делл переезжает на полгода в Лондон, а вы – сюда. Подозреваю, Лондон много потерял, а Бостон приобрел. – Он подмигнул ей, и напряжение, которое все еще сжимало грудь, отступило.

– Не знаю, – призналась Кейт.

– Я редко ошибаюсь, – уверял он. Кейт где-то читала, что бостонцы печально известны отсутствием теплого отношения к приезжим, но душевная щедрость этого швейцара доказывала обратное.

– Гляжу, все свое вы носите с собой, – заметил он, осматривая багаж. Кейт скорее почувствовала, нежели увидела, как мимо нее промелькнула девушка и вошла в здание. Привратник, казалось, не заметил.

– Если вы возьмете чемодан, я потащу сумку, – предложила Кейт. Вдвоем они перебрались через три старые мраморные ступеньки, ведущие в вестибюль. Он оставил чемодан на кафельном полу и живо проскочил на другую сторону стойки регистрации. Учитывая его вес, можно сказать, что он обладал довольно легкой походкой.

– Я обещал миссис Вэлентайн, что позвоню, когда вы придете. Она председатель жилищного кооператива и хочет провести для вас экскурсию по квартире.

– О, здорово, – согласилась Кейт, осмотревшись вокруг. Вестибюль был узеньким, но привлекательным. С высокого потолка свисала стеклянная четырехламповая люстра. Стены были окрашены блестящей

краской кремового цвета.

– Мисс Придди здесь, в вестибюле, – сообщил он кому-то по телефону и положил трубку. – Она сейчас спустится. Давайте занесем ваш багаж в лифт. Квартира находится в северном крыле на третьем этаже. Оттуда открывается прекрасный вид на реку Чарльз. Вы бывали когда-нибудь в Бостоне?

Пока Кейт рассказывала, что никогда прежде не посещала Штаты, по одной из боковых лестниц спустилась высокая болезненно худая женщина лет семидесяти – ее туфли цокали по кафельным ступеням. На ней было длинное черное платье, вокруг шеи обмотан цветочный шарф. Седые волосы собраны в замысловатый узел. Кейт стало интересно, всегда ли она так одевается или собралась на какую-нибудь встречу. Дамочка представилась как Кэрол и пожала Кейт руку. Ее кисть была похожа на связку палочек, покрытых тонким слоем папиросной бумаги.

– Уверена, Кейт, что вы и сами могли бы освоиться в квартире Корбина, но, думаю, радушный прием комитета не помешает. – Привратник погрузил багаж в лифт, а Кэрол взяла у него ключ и повела Кейт по винтовой лестнице. – Вы не прочь пройтись пешком? Я так ежедневно тренируюсь.

Кейт призналась, что счастлива прогуляться, и с облегчением выдохнула, обрадовавшись, что не придется ехать в лифте.

На третьем этаже Кэрол повернула налево, Кейт последовала за ней – в темный, с ковровым покрытием коридор, в котором виднелись дверные проемы слева, справа и в конце. В дверь слева стучалась девушка примерно одного с ней возраста, и Кейт показалось, что это та самая, которая промелькнула мимо нее во дворе.

– Чем могу помочь? – громко обратилась к посетительнице Кэрол.

Девушка повернулась. Она была в джинсах и свитере с глубоким вырезом. Волосы темные, коротко стриженные – ее лицо вполне могло показаться милым, если бы не отсутствие подбородка. Изъян был так заметен, что Кейт предположила: возможно, она когда-то попала в жуткую аварию.

– Вы работаете здесь? Могу ли я получить ключ от этой двери? Я беспокоюсь о своей подруге, – сказала она гнусавым, высоким от волнения голосом.

– Почему вы беспокоитесь? – спросила Кэрол. – Что случилось?

– Она мне не отвечает. Мы планировали пообедать, но она не пришла. Я позвонила ей на работу, но она там не появлялась. Я ужасно волнуюсь.

– Вы уже говорили с нашим швейцаром?

– Нет, я пошла напрямик сюда. Это так непохоже на нее, я писала и звонила ей тысячу раз.

– Извините, – сказала Кэрол. – У меня нет ключа. Вам следует поговорить с нашим швейцаром Бобом. Он что-нибудь узнает. Как зовут вашу подругу? – Кэрол продолжила движение, и Кейт последовала за ней.

– Одри Маршалл. Вы ее знаете?

– Я знакома с ней, голубушка, но знаю о ней немного. Поговорите с Бобом. Он поможет вам. Нужно было *сразу* к нему обратиться, как только приехали.

Кейт шла по краю коридора, едва ли не касаясь плечом обшитой панелями стены. Расстроенная подруга соседки своим визгливым от волнения голосом спровоцировала у Кейт новый приступ паники – тревога внутри нее раздувалась, как воздушный шар. Она подумала о таблетках в косметичке, которая по-прежнему находилась в чемодане, а тот, в свою очередь, ехал в лифте.

– Так странно, – заметила Кэрол, всовывая ключ в замочную скважину двери в конце коридора. – Как она прошла мимо швейцара? Надеюсь, ни с кем ничего страшного не случилось. – Она сказала это так, как будто в мире никогда ничего плохого не происходило. Нелепое, хотя и наполненное благими намерениями утверждение – такими часто грешил ее отец. Между тем Кейт с того самого момента, как увидела встревоженную девушку, неистово стучащую в соседнюю дверь, уже знала: кто-то умер. Так работал ее мозг. И понимание особенностей своего мышления – она постоянно запускала логику по пути с наихудшим финалом – не уменьшало ее уверенности. В тот день Кейт уже *знала*, что подросток в зале ожидания – с потным лбом и едва пробивающимся юношеским пушком над губой – тащил в рюкзаке самодельное взрывное устройство. Она *знала*, что турбулентный вихрь над Атлантическим океаном разбухнет с такой силой, что разорвет самолет на части с той же легкостью, с какой ребенок-садист отрывает крылья бабочке. Пока ничего не случилось, но это не значит, что за той дверью, дальше по коридору, не было мертвой или умирающей девушки. Конечно же была.

Кейт переключила внимание на Кэрол, которая все еще возилась с ключом. Она успела подумать, что сувальды замка, пожалуй, слишком зажаты для птичьих костяшек Кэрол, и тут же услышала маслянистый щелчок – дверь, к счастью, наконец открылась. Хотя она никогда не была в квартире Корбина, но мысленно уже устремилась туда. Ей ужасно хотелось поскорее попасть внутрь, в уютную безопасность дома. Казалось, прошли годы с тех пор, как она вышла из своей комфортной лондонской квартиры,

дважды проверив замок, хотя мини-такси уже стояло на обочине с заведенным двигателем. Кэрол толкнула дверь, и в этот момент в коридоре снова слышались голоса. Кейт повернулась и увидела швейцара Боба, который тащил ее спортивную сумку. Девушка без подбородка тараторила о своем.

– Позвольте мне сначала позаботиться об этой гостье, а затем посмотрим, что там с вашей подругой, – говорил он.

Кэрол провела новую жилищу в ее квартиру, и Кейт сразу же спросила о туалете.

– Конечно, дорогая, один примыкает к спальне, – показала Кэрол, и Кейт поспешила туда, не обращая внимания на роскошную обстановку.

Она закрылась в огромной, выложенной черным и белым кафелем ванной и села на крышку унитаза. Хотя и знала, что таблеток там нет, но все равно открыла свою сумочку. Флакон с транквилизаторами оказался в боковом кармашке. Увидев таблетки, она вспомнила, что утром действительно переложила их из чемодана в сумочку. Как она могла так быстро забыть? Дрожащими руками она вытащила одну таблетку и проглотила ее, не запивая. По всему телу расползлось чувство ужаса – столь же сильное, как недавний приступ паники.

Ей не следовало приезжать в Америку.

Глава 2

Хотя квартира действительно была огромной, Кэрол Вэлентайн не стоило растягивать экскурсию на целых полчаса, но она явно наслаждалась своей ролью. Показала дубовые полы, моренные под орех, кессонные потолки, рабочий камин, а также, как она выразилась, балкон Джульетты, который на самом деле был обычными перилами на уровне бедер, в полуметре от французской двери. Кейт точно знала, что никогда не откроет эту дверь. Квартиру нельзя было назвать особенно высокой, но высоты вполне хватало.

– Вам нравится? – спросила Кэрол, завершив обход, хотя Кейт уже раз тридцать выразила свое восхищение.

– Да. Я в восторге. Очень уютно.

– Она превосходно обставлена, правда? Кто бы мог подумать, что такой молодой человек, как Корбин... – Кэрол не закончила мысль и улыбнулась. Тонкая кожа на ее лице так натянулась, что, казалось, сквозь нее проступили точные контуры женского черепа. – Какая у вас квартира в Лондоне?

– Она вся поместилась бы в этой гостиной, – призналась Кейт. – Мне как-то даже не по себе. Сделка неравноценная.

– Да, но Лондон...

Кейт зевнула, быстро прикрывшись рукой.

– Дорогуша, вы, должно быть, утомились. Я совсем забыла о разнице во времени.

– Да, я устала, – сказала Кейт. – Дома я бы уже давно спала.

– Попробуйте не ложиться дольше обычного, так вы быстрее привыкнете к местному времени. А как только обоснуетесь, обязательно загляните ко мне – нам с вами надо выпить. Я живу на другой стороне, как раз напротив. У меня такая же планировка. Эти крайние квартиры – самые лучшие в доме. Особенно ваша – с видом на город и на реку. – Она понизила голос, как будто другие квартиры могли услышать, что она говорит.

– Жилье превосходное, – в который раз восхитилась Кейт.

– Вы знаете, здание спроектировано по образцу венецианского палаццо^[2].

– Я так и подумала, что это итальянский стиль. Внутренний дворик подсказал.

– Архитектор из Бостона, но он вдохновился в Италии. Это, конечно, было *много лет* назад. Мой муж с удовольствием расскажет подробно, когда вы заглянете к нам на бокальчик чего-нибудь горячительного.

Кэрол ушла. Кейт закрыла за ней дверь и еще с минуту стояла ошарашенная всем происходящим, вспоминая, что случилось в ванной. Начала снова рыться в сумочке в поисках таблеток, забыв, что уже приняла одну. Она успела немного прийти в себя и успокоиться. Возможно, пилюля начала действовать, распространяя успокаивающие лучи по всему организму.

Она снова обошла квартиру, на этот раз самостоятельно, обращая внимание на детали: встроенные книжные полки, изображения на стенах. Каждая комната была великолепно меблирована, но как-то безлико, как будто все предметы подбирались наемным декоратором. В спальне напротив королевского размера кровати с мягким изголовьем стоял низкий комод, загроможденный примерно пятнадцатью фото в рамках. Семейные снимки, в основном черно-белые, большей частью праздничные. Лодки и пляжи. Кейт с интересом рассматривала их. Она узнала отца Корбина, двоюродного брата ее матери, которого она видела только на фотографиях. Он присутствовал на большинстве снимков с Корбином и с другим своим сыном – ее кузеном Филипом. Кейт задумалась, почему у Корбина нет фотографий с его мамой, но потом сообразила, что квартира принадлежала разведенному отцу Корбина, которого уже нет в живых, и, должно быть, фотокарточки принадлежали Деллу-старшему, а не его сыну.

Кейт гадала, что еще в этой квартире осталось в духе отца. Она полагала, что большая часть обстановки была в его стиле. Из того, что она узнала от своей мамы, Ричард Делл переехал в Бостон со своей американской женой примерно в 1970-х. Его работа была как-то связана с финансами («Движение огромных денежных средств», – говорила Люси Придди своей дочери), и в 1980-х он нажил целое состояние. Ричард жил со своей женой Амандой в особняке в городе Нью-Эссекс на северном побережье. Когда их дети достигли подросткового возраста, они развелись. Аманде остался дом на берегу моря, а Ричард купил квартиру на Бери-стрит в Бостоне. Недвижимость перешла к Корбину после смерти Ричарда – тот утонул во время отдыха на Бермудах.

Кейт выведала всю эту информацию двумя месяцами ранее во время воскресного обеда со своими родителями.

– Со мной связался твой троюродный брат Корбин, – сказала Люси. Они сидели в зимнем саду. С обедом уже управились, но продолжали пить вино. Патрик, отец Кейт, ушел гулять с бордер-терьером^[3] Элис.

– О! – воскликнула Кейт.

– Думаю, вы никогда не встречались. Ты знакома с ним?

– Он сын твоего двоюродного брата Ричарда, правильно? Того, который погиб несколько лет назад?

– Он утонул, да. Ты действительно познакомилась с Ричардом на свадьбе Шарлотты. Не знаю, помнишь ли ты. Корбина я впервые увидела на похоронах его отца. – Родители Кейт поехали в Массачусетс на автомобиле, совместив печальный повод с путешествием вдоль побережья штата Мэн, куда они давно хотели.

– Он был очень милым. И таким красивым. Почти как актер из сериала «Призраки», которого ты любишь. Руперт, кажется.

– Руперт Пенри-Джонс. Зачем ты мне это рассказываешь? Такое ощущение, будто ты сейчас сообщишь, что вы договорились о моем замужестве с троюродным братом. Нас что, занесло в прошлое?

Люси засмеялась. Спонтанная версия, а не высосанные из пальца разговоры, принятые в социуме.

– Да, милая. Мы договорились. Но не о свадьбе. Я еще не впала в полный маразм. Корбин Делл на шесть месяцев переезжает в Лондон – командировка или что-то типа того. И он написал мне, поскольку знает, что ты живешь в Лондоне.

– Он же не собирается остановиться у меня?

– Нет-нет. Конечно же нет. Но он просил узнать, не заинтересует ли тебя обмен домами. Он сообщил, что ему будет приятно, если ты поживешь в его квартире в Бостоне, а он мог бы остановиться у тебя. Таким образом, он сэкономит немного денег, а у тебя появится возможность провести полгода в Америке.

Кейт глотнула белого вина. Оно было очень сладкое.

– И что мне делать в Бостоне?

– Я подумала: может, ты пошла бы на курсы, о которых говорила. У них должны быть курсы графического дизайна. Ну и, конечно, продолжала бы рисовать.

– А как же моя работа? – Кейт как раз перешла на полный рабочий день в художественном магазине в Хэмпстеде.

– Ну это ведь не та карьера, о которой ты мечтала, правда?

В данном вопросе Кейт была согласна с мамой, но тем не менее на нее накатило раздражение, хотя она ничего и не сказала. Какой-то частью своего сознания она понимала, что глупо отказываться. Шесть месяцев в другой стране. Она никогда не была в Америке, а Бостон, должно быть, приятный город. Она слышала, что он очень удобный, в отличие от Нью-

Йорка, Чикаго или Лондона. Жилье у нее будет. Возможно, даже в красивом месте. И чем больше разумных доводов приходило ей в голову, тем больше она тревожилась, понимая, что, вероятно, придется отклонить предложение. Тем более что она еще не оправилась после всего, что произошло.

– У меня такое ощущение, что я только что освоилась в Лондоне и все идет гладко. Не знаю, стоит ли раскачивать лодку.

– Безусловно, Кейт. Он спросил, вот я и решила поинтересоваться у тебя. Я все понимаю.

Кейт показалось, что мама не верит, будто она действительно согласится переехать на полгода в Бостон. Эта мысль не выходила из головы остаток дня. Отец вернулся с прогулки с Элис, и все трое решили заскочить в бар «Белый лебедь» в центре Брайнтри. Вечером Кейт села в поезд, который шел в Лондон. Она была немного навеселе, ее мозг рисовал картинки всего самого хорошего, что могло произойти в Бостоне, затем – самого плохого. Она продолжала размышлять о маминых интонациях. Она разговаривала с ней так, как будто точно знала, что Кейт собирается сказать «нет». Именно этот факт больше, чем что-либо другое, повлиял на Кейт. Возвратившись в свою лондонскую квартиру, она позвонила родителям и сообщила, что передумала.

– О! – воскликнула мама.

– Думаю, глупо не поехать. Ведь именно сейчас меня ничего здесь не держит. Кроме тебя и папы, конечно.

– Мы бы приезжали в гости.

– Скажи Корбину, что я не против переехать. А еще лучше – вышли мне его электронный адрес. Я сама скажу.

В тот же вечер, чтобы не дать себе возможности передумать, она написала Корбину. Она волновалась. Они условились об обмене с конца апреля до начала октября. Кейт предупредила на работе, что уезжает, потом нашла школу графического дизайна, где можно пройти курсы «ИнДизайн» и «Иллюстратор». И вот она здесь, ее первое занятие состоится в понедельник днем. Кейт пошла по коридору в гостиную, где привратник Боб оставил ее сумки. Она решила, что следует их распаковать, но ее накрыло волной усталости. А тут еще и голод дал о себе знать. Она пошла на кухню, оборудованную столешницами с известняковым покрытием и техникой из нержавеющей стали. Кухня выглядела так, словно ею никогда не пользовались. Она открыла холодильник. На средней полке в гордом одиночестве стояла бутылка шампанского, к которой была прилеплена желтая записка. *«Добро пожаловать, Кейт! Наслаждайся!»* – написал

троюродный брат неразборчивым почерком. Кейт испытала чувство вины – она ничего не оставила Корбину в своей квартире, хотя записка ее была гораздо длиннее, с приветствием и описанием района.

Если не считать шампанского и приправ, то холодильник был практически пуст. Она открыла морозилку и обнаружила там грудку замороженных обедов от продуктовой сети «Трейдер Джоуз». На обратной стороне упаковки она нашла способ приготовления замороженной говядины по-бургундски и решила, что справится. Инструкция в целом знакомая, только вместо граммов – унции, а энергетическая ценность измеряется в калориях. Она разобралась с микроволновкой и начала разогревать ужин, затем выпила стакан воды из-под крана, не успев подумать, пригодна ли она для питья. На вкус нормальная, но несколько отличается от той, к которой она привыкла. Более минерализованная, что ли. Налив себе шампанского, она пошла с бокалом к входной двери и прижалась к глазку, гадая о том, что же случилось с пропавшей девушкой, которая живет дальше по коридору. Разрешил ли Боб ее подруге войти в квартиру? Вероятно, нет, решила она и попыталась предположить, что подруга будет делать дальше. От полиции, наверное, никакой пользы. Кейт достаточно наблюдала за американскими полицейскими детективами, чтобы понять: нельзя подать заявление о пропаже человека, если он отсутствует менее суток. Коридор был пуст. Может, Кейт приняла ситуацию слишком близко к сердцу и ничего страшного на самом деле нет? Возможно, девушке просто наскучила назойливая приятельница с покатым подбородком.

Кейт съела ужин, на удивление вкусный, устроившись на кухне – на одном из барных стульев у г-образной гранитной стойки островного типа. Налила себе еще бокал шампанского, сделала один глоток и снова почувствовала слабость. Голова отяжелела, в желудке было как-то нехорошо. Она собиралась распаковать багаж, достать ноутбук, отправить сообщения родным, надеялась посмотреть какие-нибудь американские телепередачи, но вместо этого закатила чемодан в спальню, зарылась в него и вытащила оттуда свои туалетные принадлежности, а также трусы-боксеры и футболку, в которых любила спать. Потом почистила зубы, умылась и забралась в чистую свежую постель. Несмотря на усталость, она некоторое время лежала без сна, слушая едва различимые звуки: отдаленный гул уличного движения, приглушенное щелканье системы отопления и что-то еще – какое-то тихое шипение, по звуку она не могла определить, что это. Кровать, подумала она, перед тем как уснуть, была самой удобной из тех, на которых она когда-либо лежала. И девушка

отдалась ее власти.

Неожиданно Кейт проснулась. Вдоль диагонали высоких потолков отражались синие проблесковые сигналы. «Где же сирены?» – подумала Кейт. А затем: «Где я?» После нескольких секунд замешательства вспомнила. Во рту пересохло, ее чрезвычайно мучила жажда. Она слышала что-то похожее на звуки далекого поезда. Она перевернулась на другую сторону, выискивая светящийся циферблат часов, чтобы узнать, который час, но, если не считать проблесковых маячков полиции, мелькающих сквозь занавешенные окна, в комнате царила темнота.

Кейт села на кровати, затем снова легла. Она чувствовала себя такой уставшей, что была не в силах встать и пойти в ванную, чтобы выпить воды. Как же звали ее соседку? Пропавшую девушку? Одри Маршалл, вспомнила Кейт. Она отлично запоминала имена. В этом ей не было равных, считал Джордж. Он окрестил ее Девушкой-Никогда-Не-Забывающей-Имена. Кейт закрыла глаза, услышала, как кто-то нашептывает ей во сне, и, вздрогнув, снова проснулась. Голоса исчезли, а комната по-прежнему была погружена в темноту. Может, ей и полицейские огни приснились? «Об этом я узнаю завтра», – подумала она и позволила себе провалиться в черную бездну сна.

Глава 3

Она действительно узнала об этом, но, правда, в конце следующего дня.

Она проснулась рано, в комнате все еще было темно. Она понимала, что нужно попытаться поспать немного дольше, чтобы перестроиться на бостонское время, но организм полностью проснулся и настойчиво требовал кофе.

Пришлось потратить немного времени, но она все же отыскала кофе, кофеварку и разобралась, как все это работает. Пока готовился кофе, она снова обошла огромную квартиру. В окна начинал проникать слабый утренний свет. Из центральной гостиной – самой большой комнаты в квартире – открывался замечательный вид на реку Чарльз, которая неспешно катила свои воды в сумрачном рассвете, и по ее спокойной глади расстилались облака тумана. Дальше, через реку и соседнюю дорогу, раскинулся пешеходный мостик.

Гостиная выглядела так, как будто ее подготовили для коктейльной вечеринки. Об этом свидетельствовали расставленные стулья, а также два больших дивана, стоящих друг напротив друга, а между ними – кофейный столик со стеклянной поверхностью. Кейт ненавидела такую мебель. Когда она ставила что-нибудь на стеклянный стол, ее не покидала мысль, что он должен сию же минуту разбиться вдребезги, ну или, по крайней мере, расколоться. Она всегда жила следующим моментом, причем моментом трагическим. По этой причине она ненавидела низкие перила, дорогу с оживленным движением и официантов, таскающих высокие стопки посуды. Подобные вещи всегда беспокоили, вызывая фобию, но с другой стороны, пятью годами ранее произошел случай с Джорджем, и ее жизнь изменилась навсегда. Она не могла выйти из дома больше года. Нет, хуже. Она не могла даже представить себе, как выходит из дома. Страх и горе сделали ее неподвижной. Родители вместе с врачами медленно вытаскивали Кейт из этой дыры, и жизнь приобретала смысл. Для нее было немыслимо, что она может осуществить поездку в Штаты, оказаться в огромной квартире со стеклянным столиком. Она не любила стеклянные столы, но научилась с ними сосуществовать.

В гостиной не было телевизора, и она ужаснулась, предположив, что в квартире может вообще не оказаться телевизора. Затем вспомнила, как Кэрл Вэлентайн произносила слово «кабинет», имя в виду комнату,

обшитую мореными деревянными панелями, с мягким кожаным диваном. Несколько мгновений она не могла вспомнить, где же этот кабинет, – он был за коридором, ведущим к двум гостевым спальням. Она оказалась права: телевизор нашелся – гигантский экран прятался за деревянными дверьми встроенной книжной полки. Перед диваном на столике (к счастью, не стеклянном) поверх ламинированного списка, в котором значилось не меньше ста каналов, лежал универсальный пульт.

В кабинете также стоял большой деревянный письменный стол, и Кейт заметила на нем записку. В ней значилось имя беспроводной сети («Ангелочек») и пароль. Это натолкнуло ее на мысль, что следовало бы дать о себе знать родителям, а также написать Корбину, чтобы убедиться, что он нормально добрался до ее квартиры.

Кейт достала из чемодана ноутбук и адаптер, заскочила на кухню за кружкой черного кофе и вернулась в кабинет. Девушка в очередной раз поразилась размерам квартиры. Она села за стол, кожаное кресло закрипело. Ей пришлось много писем, большей частью спам, но одно было от мамы и еще одно – от Корбина. Первым она открыла письмо от брата:

«Кейт,

Водитель всего несколько раз неправильно повернул, но в конце мы все же отыскали твою прекрасную квартиру. Прочел твою чрезвычайно содержательную записку. Стыдно, что я не написал такую же для тебя, и мне нет оправдания, но как только я привыкну к смене часовых поясов, вышлю исчерпывающий список хороших баров и ресторанов неподалеку от моей квартиры. Обещаю.

Небольшой вопрос: смотрю, у тебя есть стиралка, но нет сушилки. Я что-то пропустил?

Более подробно расскажу потом. Я предвкушаю эти следующие шесть месяцев.

Корбин».

Кейт ответила:

«Я тоже. Когда зашла к тебе, подумала, что ошиблась квартирой. Так пышно! Честное слово, мне стыдно за мою

жалкую квартиру со стиралкой и сушилкой «два в одном». Вот почему ты сбит с толку. Инструкция к ней, кажется, в ящике слева от мойки. Однако помни: не стоит ожидать сухой одежды в день стирки. Пожалуйста, не стесняйся писать мне по любому вопросу. Я действительно в восторге от твоей квартиры. С наилучшими пожеланиями, Кейт.

P.S. Спасибо за отличное шампанское, которое, конечно же, уже выпито».

Следующим Кейт прочла сообщение от мамы: «Горжусь тобой, милая» – и тоже ответила на него. Она потягивала свой кофе – он был куда лучше растворимого, к которому она привыкла. Издалека донеслись звуки полицейской сирены, и вдруг она вспомнила ночь и отблески синих маячков на потолке. Явь или сон? Какое-то время она не понимала, и ее снова наполнило чувство страха – то самое, которое охватило ее, когда она нашла в сумочке таблетки, будучи уверенной, что их там нет. «Я схожу с ума? – спросила она себя и тут же ответила: – *Нет, это был не сон*». Безусловно, что-то происходило. Может, с той девушкой из соседней квартиры действительно случилась беда.

Кейт распаковала свои туалетные принадлежности, затем приняла душ в ванной, смежной со спальней. Он был огромен. Прямо с потолка на нее низвергались мощные потоки воды. Кейт снова вспомнила о своей квартире в Лондоне и о ванне, преобразованной в душ с резиновым шлангом, который всегда выпадал из держателя. Приняв душ, Кейт надела темные колготки, любимое платье из магазина «Боден» и решила бросить вызов внешнему миру. Перед приездом в Бостон она изучила гугл-карты окрестностей и определила местоположение ближайшей аптеки и рынка. Она намеревалась выйти и приобрести предметы первой необходимости, чтобы пережить следующие несколько дней. В понедельник у нее начинались занятия в Институте графики в Кембридже, а до него около пяти остановок на метро. Нельзя сказать, что она ожидала поездки с нетерпением, но была уверена, что справится: Лондоне она проводила подобные тренинги с врачом.

– Метро – это выбор, – говорила Кейт Теодоре. – Такси я могу взять в любом случае.

– Мы всегда делаем выбор, ведь так? – отвечала врач.

Когда Кейт впервые встретилась с Теодорой, безмятежный северный акцент крайне раздражал ее, но она привыкла, точно так же как привыкла к

ореолу ее курчавых волос и лиловым джемперам.

– Ну, я предпочитаю не прыгать с парашютом. Вы же не заставите меня, правда?

– Нет, я не стану принуждать вас к экстремальным действиям, но хотела бы убедить пользоваться подземкой, подниматься на десятый этаж на лифте и совершать перелеты. Все это часть полноценной жизни, не так ли, Кейт?

Конечно же, она была права. Жизнь переполнена тесными пространствами и перекрытыми выходами. Она научится справляться с трудностями.

Кейт вышла из квартиры, закрыв за собой дверь. Она замедлила шаг и превратилась в большое ухо, когда проходила мимо двери пропавшей девушки, но так ничего и не услышала. Спустилась в вестибюль, прошла мимо привратника, который сменил Боба, и вышла прямо во двор. Небо было серым и волнистым, а свет таким сумеречным, что Кейт даже встревожилась – не проспала ли она весь день? Ноздри уловили запах сигаретного дыма. Кейт бросила курить сразу после университета, но ей по-прежнему нравился табачный дух. Она поискала источник запаха и увидела мужчину, сидящего на краю центрального фонтана во дворе. Он затушил сигарету о плиту. Кейт как раз проходила мимо него, когда он начал подыматься.

– Извините, – смутился он, показывая на погасшую сигарету.

– Мне все равно, – сказала Кейт, останавливаясь и глядя на него. Он был худой, почти костлявый, но с широкими плечами. На узком лице доминировал большой нос с горбинкой. У него были серовато-зеленые глубоко запавшие глаза, а кожа лица была покрыта редкими оспинами. По идее, он должен выглядеть уродливо, но ничего подобного не наблюдалось. Его нестандартные черты формировали печальное и красивое лицо.

– На самом деле я не курю. Бросил. Но вот нашел сигарету в ящике стола и представил, как выкуриваю ее, чтобы напомнить себе, как это ужасно.

Голос был глубоким и приветливым, и Кейт, которая не успела акклиматизироваться и все еще путалась во времени, почувствовала слабость в ногах.

– Неужто ужасно? – спросила она.

– Нет, конечно же нет. Было здорово.

– Курение – это здорово, – согласилась Кейт.

И почему они общаются как старые друзья? Неужели в Америке так разговаривают с незнакомцами?

- Вы курите?
- Было дело. Бросила. Пришлось нелегко.
- Как вы это сделали?
- Просто не курила.

Мужчина засмеялся. У него были пугающе белые зубы – верхние ровные, а нижние немного искривленные.

- Я Алан Черни.
- Кейт, временно живу здесь. – Она вдруг решила проявить осторожность и не стала называть свою фамилию.
- Вы англичанка? – поинтересовался он.
- Да. Остановилась в квартире кузена, а он – в моей лондонской.
- Вы в какой квартире? – Глаза Алана Черни бегло просканировали здание.

Кейт кивнула в направлении своего крыла:

- Э-э-э, резиденция Корбина Делла. Наверху.
- А, северное крыло. Я живу на другой стороне, третий этаж. Я знаю Корбина. Немножко.

- Вы знаете его лучше меня. Мы никогда с ним не встречались.
- Забавно, – рассмеялся Алан. – Как так вышло?

Кейт рассказала ему историю, упуская то обстоятельство, что к этой поездке ее частично побудила потребность преодолеть травмы прошлого.

- Хорошая сделка, – сказал Алан. – Довольно милые апартаменты.
- Вы долго здесь живете?
- Немногим больше года. Переехал сюда с богатой подругой, а она ушла, и теперь я не могу себе позволить такое жилье, так что пора подыскать новое место.

- Жаль.
- Чего жаль? – лукаво улыбнулся он. – Что я остался без девушки или что мне придется выехать?

Кейт расхохоталась:

- Не знаю. И то и другое.

Он приподнял брови:

- А мне как жаль! Вот привык к богатой девушке и красивой квартире, а в следующем месяце – уже один и в какой-то лачуге.
- Что-то вроде того.

Порыв ветра подхватил мокрый желтый лист с той части двора, которая была вымощена кирпичом, и прилепил его к ботинку Кейт. Она наклонилась, чтобы прогнать непрошеного гостя, а когда выпрямилась – наступила минута тишины. Кейт поняла, что разговаривает с незнакомцем

почти пятнадцать минут.

– Ладно, – вздохнула она и запнулась. Отвела от него взгляд и почувствовала, как щеки заливаются румянцем. На один короткий миг Кейт показалось, что, если он попросит, она последует за ним куда угодно – в его апартаменты, прямоком в постель. Он был красив, да, даже большой крючковатый нос его не портил. И она пошла бы за ним, поскольку возникло такое чувство, будто они давно друг друга знают.

– Вам нужно идти, – произнес он ее мысль.

– Да. – И они оба захохотали.

– Я обитаю в квартире 3L, – объявил он. – Похоже, не скоро съеду, так что еще увидимся.

– Отлично, – сказала Кейт.

Она отошла на два шага и остановилась:

– Вы не знаете девушку по имени Одри Маршалл? Она живет здесь.

Алан вскинул бровь:

– Я действительно знаю Одри. Точнее, знаю, кто она. На самом же деле мы незнакомы.

– Когда я въезжала прошлым вечером, ее искала подруга. Беспокоилась, что Одри пропала.

Кейт надеялась, что он как-то успокоит ее, но вместо этого услышала:

– Звучит не очень хорошо. Она не из тех, кто пропадает.

– Что вы имеете ввиду?

– Ой, даже не знаю. Наверное, то, что она постоянно где-то рядом. Я всегда ее вижу. Часто. Уверен, что она вернется.

Кейт достала из сумки распечатанную карту окрестностей, хотя на прошлой неделе так тщательно ее изучила, что могла запросто обойтись без нее. Она пошла вниз по Бери-стрит, свернула на Чарльз-стрит и решила заглянуть в «Старбакс» – там она позавтракала сэндвичем и выпила кофе. Вторая чашка была ошибкой – она стала напряженной и очень нервничала, совершая покупки в престижном продовольственном магазине с узкими, заставленными товаром проходами. Она планировала закупить ингредиенты на свою любимую пасту с копченым лососем, но, почувствовав приближение паники, взяла только буханку хлеба из бездрожжевого теста, сыр чеддер, пакет молока и две бутылки красного вина. На улице теплый дождик смешался с порывистым ветром. Приятно было ощущать его на коже после душного магазина, и она медленно пошла назад вдоль Чарльз-стрит, отмечая, что здесь есть хорошо освещенный приветливый бар, а также кофейня, где не такое столпотворение, как в

«Старбаксе».

Она умышленно пошла через освещенную газовыми фонарями улицу, которая вела обратно на холм, к Бери-стрит, и продолжила бродить по окраинам городского сада Паблик-гарден. Сумка с продуктами обрывала руки, но ей очень хотелось увидеть знаменитый парк^[4]. Дождь набирал силу, и родители спешно уводили детей от выстроенных в ряд бронзовых уток. В пруду мерцали ивы. Она почти вошла в парк, но передумала. Она пробудет здесь полгода – успеет еще.

Кейт заскочила в вестибюль. Представилась швейцару по имени Санибел – художнику мужчине с высокими скулами и черными волосами. Он предложил помочь с сумками, но она отказалась:

– Нет, спасибо, – улыбнулась Кейт. Белый кот, сидевший на стойке регистрации, прыгнул на пол и потерся о ее ноги.

– Это Сандерс, – прокомментировал швейцар.

– Ваш?

– Нет-нет. Его хозяйка – миссис Гальперин. Сверху. – Он кивнул в направлении квартиры Кейт. – Хотя он любит бродить по всему дому, чего не скажешь о миссис Гальперин.

Кейт пошла вверх по лестнице, Сандерс побежал следом. Кэрл Вэлентайн упоминала Флоренс Гальперин – она жила в том же крыле, что и Кейт. Проходя мимо ее квартиры, девушка заметила, как дверь со скрипом открылась, вероятно для Сандерса, но кот пошел за Кейт и даже умудрился проскользнуть в ее квартиру, хотя она и пыталась преградить ему путь ногой.

Она сложила купленные продукты и пошла искать Сандерса. Кот по-хозяйски запрыгнул на подоконник и наблюдал в окно за каплями дождя. Кейт резко подхватила его, ожидая, что он начнет вырываться, но четвероногий гость положил голову ей на плечо и тихо замурлыкал. Кейт недолюбливала кошек, но к этому созданию почувствовала некую расположенность, что, впрочем, не помешало выдворить его:

– Ты ошибся квартирой, Сандерс, – сказала она и, бросив его на ковер в коридоре, быстро закрыла дверь.

Кейт пошла в спальню и достала альбом, который привезла с собой из Лондона. Совершенно новый – то, что нужно, чтобы ознаменовать начало ее пребывания в новой стране. Она вытащила угольный карандаш из новой пачки, села на пышно укрытый коврами пол и решила нарисовать Сандерса. Однако вместо кота на бумаге появилось лицо Алана Черни. Оно получилось почти идеальным, но чего-то не хватало: глаза размещены слишком близко друг к другу, волосы немного длиннее, чем нужно. Она

достала ластик и подправила рисунок. Понадобилось больше времени, чтобы исправить эскиз, чем на сам портрет, но в итоге все вышло удачно. Она написала его имя, ниже – дату и еще добавила: «БОСТОН, МАССАЧУСЕТС». Она рисовала портреты почти всех людей, которые встречались на ее жизненном пути. У нее была кipa таких альбомов, самые первые – из начальной школы. Она часто перелистывала их, особенно когда не выходила из дома. Это как читать дневник – здесь были лица близких друзей, зарисованные спустя несколько часов после их первой встречи, и лица людей, о которых она позабыла. Глядя на портрет Алана, она пыталась спрогнозировать, узнает ли его через десять лет. А может быть, это портрет ее будущего мужа, нарисованный в день встречи? Вероятнее всего, первое.

Она перевернула лист, закрыла глаза и попыталась представить Кэрл Вэлентайн – старушку, которая показывала ей квартиру. Вспомнила ее глаза, лоб, волосы, шею, но рот и нос всплывали в памяти не очень отчетливо. И вместо того чтобы нарисовать старушку, Кейт изобразила себя. Она прекрасно помнила, как выглядела тем утром в зеркале ванной. Недавно остриженные волосы с одной стороны убраны за ухо. Немного опухшие глаза – сказался длительный обезвоживающий перелет. Она пририсовала себе улыбку – получилась испуганная гримаса взволнованной подружки невесты, которая собирается произнести речь. Настроение передано не совсем точно, но она оставила все как есть. Она почти никогда не подправляла автопортреты.

Следующий лист она посвятила Санибелу – привратнику, с которым только что познакомилась. Она не стала рисовать лицо, а изобразила его в полный рост у стойки регистрации. А внизу еще добавила Сандерса. Раньше она не увлекалась кошками, и Сандерс не получился – он выглядел каким-то свирепым, хотя на самом деле был каким угодно, но точно не свирепым.

Кейт закинула альбом под кровать и встала – голод снова позвал на кухню. Она сделала себе бутерброд с сыром и с удовольствием съела. Хотела было открыть вино, но передумала. За окном хлестал дождь, и ей представился художник, взбалтывающий аэрозольную краску перед холстом. Она какое-то время всматривалась в кухонное окно, размышляя о том, как ей хорошо в этих апартаментах. И не потому, что они роскошны: ей нравились высокие потолки и большие окна, она могла здесь дышать. Она решила приготовить себе чай, но вспомнила, что забыла его купить. Правда, потом нашла коробку «Рэд роуз» в одном из высоких буфетов. Наполнила чайник водой, поставила на газовую плиту, пошла в гостиную и

стала рассматривать книжные полки, встроенные в стену. Здесь были добротные издания – большей частью в твердом переплете, хотя нашлась целая полка с книгами американского писателя Джона Данна Макдональда в мягкой обложке. Она вытащила одну. «Темнее, чем янтарь». Приключения Трэвиса Макги. На обложке – сочная картинка с изображением сексапильной девушки в коротком топики. Страницы пожелтели от времени. *«Книги, должно быть, принадлежали отцу Корбина, – подумала Кейт. – А где же книги Корбина? Были ли они у него?»* Под чтивом о Трэвисе Макги располагались другие детективы в мягком переплете. Она достала роман «Перелом» английского писателя Дика Фрэнсиса – кажется, она его еще не читала – и отправилась к длинному бежевому дивану, стоящему под самым большим окном комнаты. Она улеглась, прочла первые несколько абзацев, после чего глаза сами собой закрылись, – и она моментально уснула.

Ей снился парк, пруд, укрытый рябью, и яростный дождь. Она стоит под ивой, под ее желтыми ветвями. На другой стороне пруда – Джордж Дэниэлз. Кейт не удивилась, что он в Бостоне и до сих пор жив – в ее снах он всегда жив и всегда приходит за ней. Внезапно он замечает ее, спрятавшуюся под ивой, и начинает переплывать пруд. Кейт держит винтовку, и, когда Джордж выходит из воды, мокрый и улыбающийся, она несколько раз стреляет в него, но пули лишь оставляют след на рубашке и больше ничего. Одна из пуль попадает ему в подбородок, а он смахивает ее, как слепня, и продолжает идти.

От ужаса она проснулась, шея и грудь покрылись испариной. В воздухе висел запах чего-то горького и острого. Вспомнив о чайнике, она вскочила с дивана и побежала на кухню. Дик Фрэнсис со стуком упал на пол. Чайник выкипел и начал подгорать. Она открыла пошире окно и, ухватив дымящуюся посудину полотенцем, выставила на подоконник. Капли дождя падали с неба на горячий металл, и чайник активно возмущался, издавая резкие шипящие звуки. Капал дождь, и капали слезы из глаз Кейт. Она вспомнила свой сон. Джордж в парке и пули, оставляющие царапины на его рубашке. Кейт глупо улыбнулась, понимая, что в ее снах он последовал за ней в Америку. Конечно же, он поехал за ней. Если бы ее сны были царством, то Джордж оставался бы там королем всю жизнь.

Когда чайник перестал шипеть, она убрала его с подоконника. Дно полностью почернело, так что придется покупать новый. Метал все еще оставался теплым, потому она поставила его в глубокую мойку из нержавеющей стали и вернулась на диван. На этот раз, прежде чем снова уснуть,

она успела прочесть половину книги.

Ее разбудил стук в дверь. Она моментально проснулась, не понимая, как долго спала и который теперь час. За окном все еще было светло, но в квартире стало темно и уныло. Снова послышался стук – все громче и громче. Она встала, в коленном суставе что-то хрустнуло. Сколько же она проспала?

Кейт подошла к двери и заглянула в глазок. Она ожидала увидеть Алана, но там оказалось лицо женщины с короткой прической, кофейного цвета кожей и карими глазами, в которых отсутствовал интерес. «Полиция», – догадалась Кейт. «Одри Маршалл мертва», – раздался в голове тихий голос. Это Джордж Дэниэлз шептал у нее в мозгу. Кейт распахнула дверь.

Глава 4

Женщина представилась детективом Джеймс, отстегнула значок от пояса и показала Кейт. Девушка пригласила ее войти и, закрывая дверь, заметила еще двух офицеров в форме, стоящих немного дальше по коридору, у одного из них трещала рация.

– Одри Маршалл мертва? – автоматически спросила Кейт.

– Откуда возник такой вопрос? – поинтересовалась в свою очередь детектив, слегка удивившись.

– Я, э-э-э, слышала, что она пропала.

– Когда слышали?

Кейт рассказала о своем вчерашнем приезде и о подруге, колотившей в соседнюю дверь.

– Когда именно? – задала уточняющий вопрос детектив, вытащив блокнотик из внутреннего кармана темно-серого пиджака.

Кейт назвала приблизительное время и, пока представитель полиции записывала показания, изучала ее. У нее было длинное, с высокими скулами лицо, и девушке показалось, что она никогда не пользуется макияжем. Детектив оторвала глаза от блокнота, и Кейт увидела, как у нее ежеминутно расширяются ноздри.

– Я оставила чайник на плите, – пояснила Кейт.

– Извините. Я не...

– Час назад я забыла выключить чайник и сожгла его. Оттуда и запах.

– Вот оно в чем дело! Я действительно почувствовала запах.

– Не хотите ли присесть?

Детектив бегло осмотрела комнату:

– Нет, спасибо. Сейчас я просто собираю показания. И мне хотелось бы получить от вас немного информации в хронологической последовательности.

– Она мертва, да? – не унималась Кейт.

– Нас направили расследовать подозрительную смерть в соседней квартире. Мы еще должным образом не идентифицировали тело.

– Понятно.

– Вы сказали, что только что переехали из Лондона, правильно? Вы ее не знали?

– Нет, я никого здесь не знаю. Так, значит, это убийство?

– Мы расследуем происшествие как подозрительную смерть. Что вы

можете рассказать о владельце данной квартиры?

– Он мой троюродный брат. Корбин Делл. На самом деле я с ним не знакома. Мы никогда не встречались – просто организовали обмен квартирами из-за его командировки в Лондон.

Детектив записала еще что-то в свой блокнот и задала следующий вопрос:

– Полагаю, вам неизвестно, в каких отношениях с Одри Маршалл находился Корбин Делл?

– Понятия не имею.

– Номер телефона вашей лондонской квартиры?

– Как ни странно, там нет телефона. Я пользуюсь мобильным. Но у меня есть электронный адрес Корбина. Могу дать, если хотите.

– Было бы здорово, – обрадовалась детектив.

Кейт прошла в кабинет и, включив компьютер, открыла страничку своей электронной почты. В глаза бросилось несколько непрочитанных сообщений, выделенных жирным шрифтом, включая ответ от Корбина. Она открыла письмо:

«Спасибо за совет насчет бара “Говядина и пудинг”. Вряд ли я туда забрел бы, если бы действовал самостоятельно. Он немного напомнил мне о местечке под названием “Таверна св. Стефана” неподалеку от тебя. Зацени. Познакомился с твоей соседкой Мартой. Она, похоже, узнала меня или, услышав резкий американский акцент, просто угадала. Надеюсь, у тебя все хорошо. К.».

Кейт нашла клочок бумаги и записала электронный адрес Корбина. Позже она будет волноваться о Марте.

Она принесла листочек детективу Джеймс, которая в тот момент смотрела на экран своего смартфона:

– Спасибо. Я напишу ему, – поблагодарила она, согнула листик пополам и засунула в карман пиджака.

– Я хотела бы его предупредить. Только что получила от него сообщение и собираюсь ответить...

– Можете проинформировать его, что была полиция и с ним выйдут на связь. Не стоит делать никаких заявлений насчет Одри Маршалл, пока мы не опознаем ее, хорошо?

– Да, конечно.

– Вы нам очень помогли. – Она повернулась к выходу. Кейт обошла ее и открыла дверь. В коридоре уже собралась небольшая толпа, включая

пожилого мужчину в костюме, который сразу же бросился к детективу Джеймс:

– Надо же! Вот вы где!

Перед тем как уйти, детектив предупредила:

– Нам, возможно, придется обыскать ваши апартаменты. Вы дадите согласие?

– Зачем? – не поняла Кейт.

Детектив поджала губы:

– Если найдем связь между смертью девушки и вашим кузеном, мы будем вынуждены провести обыск. Это все, что я могу сказать.

– Думаю, со мной проблем не будет, – пообещала Кейт.

– Большое спасибо. Будем на связи. – Детектив вручила Кейт свою визитку и ушла. Закрыв дверь, девушка уставилась на карточку. «РОБЕРТА ДЖЕЙМС, ДЕТЕКТИВ». Под именем был изображен знак бостонского департамента полиции, номер телефона и электронный адрес.

Кейт прижалась ухом к двери, пытаясь разобрать, что происходит в коридоре. Однако кроме невнятных шумов – треска раций и гула неразличимых голосов – ничего не расслышала. Посмотрела в глазок и увидела, как Роберта Джеймс стучится в третью квартиру, расположенную в коридоре. Дверь распахнулась, детектив показала свой значок, но Кейт не удалось заглянуть в ту квартиру. Пока опрашивали других соседей, с лестницы в коридор зашли двое офицеров в штатском и перекрыли обзор. Оба были плотного телосложения, в темных костюмах, один был чисто выбрит, другой носил седую козлиную бородку.

Кейт накрыла волна паники – не столько из-за убийства, сколько из-за того, что полицейские заблокировали все входы и выходы. Выйти в коридор, заполненный полицейскими и следователями, не представлялось возможным. Кейт направилась обратно в квартиру, методично делая вдохи носом, а выдохи – ртом. Успокоившись, она воссоздала в памяти короткий разговор с детективом. Интересно, это у них обычная практика – после убийства обыскивать соседей? Кейт полагала, что нет. Она подошла к компьютеру и погуглила Одри Маршалл. Обычное имя – выскочило множество сайтов с родословными и несколько профилей «Фейсбука». Она добавила в поисковую строку «Бостон» и нашла заблокированный профиль в социальной сети «ЛинкдИн», но зато с прикрепленным фото. Она щелкнула мышкой – открылась небольшая черно-белая фотография девушки с чрезвычайно огромными глазами и по-мальчишески короткой стрижкой, почти как у Джин Сиберг из фильма «На последнем дыхании». Она работала в издательском доме в Бостоне, а вся ее предыдущая трудовая

деятельность проходила в Нью-Йорке. Кейт знала, что это та самая Одри Маршалл. Она пристально вглядывалась в ее мозаичные глаза на мониторе, а те, в свою очередь, буравили Кейт. *«Я мертва, – говорили прекрасные глаза, – но так я выглядела при жизни»*. Одри Маршалл была довольно красивой, и Кейт стало интересно: возможно, Корбин Делл действительно как-то связан с ней. Они, скорее всего, знали друг друга – во всяком случае, в коридоре точно пересекались, и наверняка довольно часто.

Кейт понимала, что нужно сделать. Она очень хорошо осознавала, что *хочет* сделать. Ей следует самой обследовать квартиру. Пока полиция не пришла с обыском, она может первой осмотреть жилье и, возможно, найти важную улику. Это подскажет ей, что делать дальше. Она начала со спальни – пробежалась по всем ящикам, выискивая тайники и заглядывая под матрац. Она впервые осматривала это место и была поражена отсутствием личных вещей. В углу гардеробной нашла старый обветшалый комод, наполненный фотографиями. Большая часть из них находилась в тех же конвертах, в которых их принесли из фотоателье. Она быстро перелистнула несколько штук – ясно, что все они принадлежали отцу Корбина. Старые семейные праздники. Празднование Рождества. Целая пленка, похоже, посвящена старенькому спидстеру^[5] марки «Порше». А где фотографии Корбина? Там же, где и ее, – в личном компьютере и телефоне.

Она обыскала ванную, затем гостиную и перешла в кухню. Именно в кухне она нашла то, что могло иметь значение. В одном из ящиков за лотком для столовых приборов лежали несколько несвязанных ключей – одни без каких-либо меток, к другим были прикреплены белые круглые бирки с надписями. «КЛАДОВКА», «ДОМ Н.Е» и инициалы «ОМ». Неужели Корбин хранит ключи от квартиры Одри Маршалл? Если да, то почему? Это может означать что угодно. Возможно, у них были романтические отношения, достаточно близкие, и они обменялись ключами. А может, она просто дала ему ключ, чтобы он поливал цветы, когда она в отъезде.

Кейт продолжила поиски в остальной части квартиры и везде находила следы жизнедеятельности исключительно Ричарда Делла, но затем обнаружила нечто, принадлежащее Корбину. В кабинете, в шкафу, она наткнулась на картонную коробку с видеокассетами, на которые были наклеены стикеры типа СВАДЬБА КЛАРИССЫ и ПРОКАТ ЧАТЕМА, 95. В коробке также валялся старый кожаный футбольный мяч. Кейт пробежалась пальцами по пыльной кожаной поверхности. Коробка с видеокассетами и мячом стояла на огромном пластиковом ящике, который, похоже, когда-то служил приложением к шкафу. Кейт сдвинула коробку с

видеокассетами и вытащила ящик. Внутри была кипа тетрадок из колледжа – что-то, связанное с экономикой. Там же хранились два диплома в рамках: магистра бизнеса Колледжа Андруса в Нью-Йорке и бакалавра гуманитарных наук Колледжа Мазера в Коннектикуте. Оба выписаны на имя Корбина Гарримана Делла. Она вытащила ящик на середину кабинета, которая была лучше освещена. Случайно ли Корбин спрятал свои вещи под коробку отца? Она внимательно просмотрела содержимое ящика. Между тетрадками оказалась связка документов, несколько фотографий и маленький блокнотик – все было перевязано бечевкой. Она пролистала края документов и фотографий. Вроде бы какие-то ведомости об успеваемости из колледжа или бизнес-школы. Но тут ей на глаза попало фото – глянцевого изображение темноволосой девушки, судя по всему студентки, которая сидела на пляже, обдуваемая холодным ветром. На ней были джинсы и большой свитер под горло. Взгляд направлен мимо объектива, рот приоткрыт – видимо, что-то говорит. Кейт перевернула фотографию и прочла на обороте надпись: «РЕЙЧЕЛ НА ПЛЯЖЕ АННИСКВАМ». Без даты. У Кейт застучало в висках: «Где сейчас Рейчел? – В голове возникли сцены трагедий и убитых девушек. Она вздрогнула и сжала пальцы. – *Просто оттого, что я что-то придумываю, это не становится правдой*», – сказала она себе. Еще одна целительная мантра.

Кейт начала запихивать фотографию обратно, но внезапно решила посмотреть еще и блокнот. Она развязала бечевку и вытащила его. Он был в кожаном переплете, с тисненой печатью Колледжа Андруса. Кейт открыла его, пытаясь избавиться от чувства вины: в конце концов, это обычный ежедневник. Исписанный острым мелким почерком, он был начат шесть лет назад. Она прочла несколько записей – в основном расписания занятий, даты выплаты долгов и, конечно же, время встреч вроде «Выпивка с Г.» или «Вечеринка в Эстерхаусе». Она закрыла дневник, вернула его обратно в связку и положила в ящик.

Девушка прошла по квартире, размышляя, надо ли отписаться Корбину в Лондон, как вдруг услышала стук в дверь. На пороге снова стояла детектив Роберта Джеймс, на этот раз в сопровождении двух офицеров в форме.

– Мы хотели бы осмотреть ваше жилище, если позволите. – Лицо детектива было напряжено, голос сдержанный.

– Полагаю, что позволю, – сказала Кейт и тут же засомневалась. А вдруг она делает ошибку, позволяя полиции обыскивать апартаменты Корбина? Может, следовало попросить ордер?

– Это не займет много времени, – пообещала детектив, пока ее спутники, направляясь в квартиру, надевали светло-голубые латексные перчатки. Кейт заметила, как они повернули налево, в спальню. Она обратила внимание на пистолеты, которые американские полицейские по обыкновению носят на поясе. Кейт стало интересно, что будет, если она прикоснется к оружию. Ее сразу же бросят на пол и наденут наручники? – У меня возникла парочка вопросов, – продолжила детектив Джеймс. – Мы можем где-нибудь поговорить?

Кейт повела детектива в гостиную, и они уселись на двух диванах, стоящих друг напротив друга.

– Красивые апартаменты, – начала издалека детектив Джеймс.

– Знаю. Вы тоже так думаете? Моя квартира в Лондоне совсем не похожа на эту. Просто обычная каморка.

– Итак, во время ваших переговоров насчет квартирного обмена не было речи о соседях? Упомянул ли Корбин когда-нибудь об Одри Маршалл?

– Нет, ничего подобного. Он вообще ни о ком не говорил. Могу я спросить, что вы надеетесь здесь найти?

Детектив сжала челюсти:

– Я не *надеюсь* что-то найти, но мы должны все осмотреть. У нас нет причин подозревать Корбина в чем бы то ни было, если вас это интересует.

– Нет-нет, я знаю.

– Что вы можете рассказать о перелете вашего кузена в Лондон?

– Все, что мне известно, – это то, что у него был ночной рейс и он добрался до Лондона в пятницу утром. Таким образом, получается, что вылетел он в четверг вечером.

Детектив Джеймс записывала ответы Кейт в блокнот. Один из полицейских прошел через гостиную, направляясь в другую часть квартиры. Кажется, они быстро справились с обыском.

– А вы не встречались с ним в Лондоне перед отъездом?

– Нет. Как я уже говорила, я никогда в жизни с ним не виделась, как бы странно это ни звучало.

– Ладно. – Детектив спрятала блокнот во внутренний карман пиджака, положила ладони на колени и поднялась. – Пойду посмотрю, как продвигаются поиски. Должно быть, почти закончили. Вы не находили здесь запертых дверей? Или, возможно, вам запрещено входить в какие-нибудь комнаты или чуланы?

– Нет, ничего такого.

Детектив Джеймс медленно пошла на западную сторону квартиры и

остановилась у окна. Кейт осталась сидеть. Дождь прекратился, тучи рассеялись. Детектив пальцем отодвинула штору, посмотрела на улицу и пошла дальше. Она была высокая, с идеальной осанкой, и Кейт тоже автоматически расправила плечи. Один из полицейских с латексными перчатками в руках вернулся в гостиную. Детектив вопросительно взглянула на него, но он покачал головой:

– Ничего, – сказал он сдавленным голосом, как будто был простужен.

Другой полицейский вышел из кухни. Кейт не слышала звука открывающихся ящиков. Стоит ли упоминать, что она видела ключ с инициалами? Может, они и пытались отыскать что-то подобное?

Пока она собиралась с мыслями, все трое направились к выходу. Детектив поблагодарила Кейт за помощь и попросила позвонить, если что-нибудь произойдет. Кейт встала, и прежде чем сообразила, что ответить, они уже были за дверью. Она снова осталась одна в огромной квартире.

Глава 5

Кейт снова сделала бутерброд с сыром на ужин и открыла бутылку вина. Она ела в кабинете, лениво переключая каналы кабельного телевидения, пока не остановилась на американском реалити-шоу о ловцах крабов на Аляске. Когда передача закончилась, она нашла другой канал, по которому шел триллер «Полуночное кружево» с Дорис Дэй и Рексом Харрисоном. Она начала смотреть. Фильм показался не очень интересным, но сюжета было вполне достаточно, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей о том, что случилось дальше по коридору.

Посреди фильма Кейт обнаружила рычаг на кожаном диване, с помощью которого он раскладывался. Она ловко сманеврировала им и теперь могла растянуться и продолжить просмотр ленты. Внезапно она почувствовала такую усталость, как будто конечности превратились в омертвевшие отростки. И почти мгновенно началось другое кино – что-то черно-белое, хотя там тоже снимался Рекс Харрисон. Он был с бородой, одет в водолазку. Фильм был какой-то знакомый, и Кейт подумала, что уже видела его раньше. Она уснула – должна была уснуть, – даже не поняв, как это случилось. Она чувствовала себя дезориентированной и встревоженной. Часы на декодере показывали 5: 45. Губы слиплись, после выпитого вина раскалывалась голова. Ей казалось, что прошедший день содержал в себе много дней, разделенных короткими снами – такими же глубокими, как полноценные ночные сны. Еще только воскресенье, а такое ощущение, будто она в Бостоне уже неделю.

Она выключила телевизор, вернула диван в нормальное положение и встала. Из носа текло, и рука скользнула в карман платья за носовым платком. Ничего подходящего не нашлось, но пальцы наткнулись на ключ. Она вытащила его из кармана. Это был ключ, который она видела раньше в ящике со столовыми приборами, – тот самый, с надписью «ОМ» на белой бирке. Кейт не помнила, как положила его в карман. Когда она это сделала? Когда первый раз заглянула в ящик или уже позже? Она быстро помотала головой, пытаясь растормошить себя и заставить вспомнить.

Она пошла на кухню. Воздух казался плотным, как резина. Боже, она выжата как лимон. Прошло много лет с тех пор, как она пересекала часовые пояса и испытывала сбой биоритма. Она положила ключ на барную стойку и начала готовить кофе. Пока он варился, Кейт снова взяла ключ и вдруг поняла, что ей необходимо выяснить, подходит ли этот ключ к

замку квартиры Одри Маршалл. *«Я просто поверну его, а потом сообщу полиции»*, – уговаривала она себя. Возможно, этот ключ вовсе и не подходит. «ОМ» могло означать все что угодно.

Даже не обувшись, Кейт вышла из квартиры и направилась к двери Одри Маршалл. Дверь была ограждена крест-накрест сигнальной лентой из кинофильмов о преступлениях. Она засунула ключ в замок, провернула его и толкнула дверь. Дверь распахнулась. Зная, что не следует так делать, но понимая, что это ее долг, Кейт нырнула под ленту и вошла в квартиру. Из-за страха и усталости ей казалось, что она ничего не делает, а просто смотрит на себя со стороны. Она закрыла за собой дверь и осталась стоять, привыкая к темноте. Бросила взгляд из короткого коридорчика в гостиную – гораздо меньшую, чем у Корбина, но такую же изысканную. Кейт внимательно исследовала пол, пытаясь вычислить, где нашли тело Одри Маршалл, но ничего не увидела. То ли это место? Она сделала три аккуратных шага вглубь квартиры. В воздухе чувствовался химический запах. Темно, но шторы открыты, и слабое зарево утреннего неба позволило разглядеть очертания мебели, кофейного столика, захламленного книгами и бутылками из-под вина.

«Убийство произошло не здесь, – подумала она. – Где кровь, где перевернутый стул, где запах смерти?» Ей сейчас это снится или снилось раньше?

Даже с такими мыслями Кейт была на удивление спокойна. Один из парадоксов ее беспокойной жизни заключался в том, что в хаосе своих опрометчивых действий она чувствовала себя самой нормальной. Все происходило так, как будто тревога, всегда сопровождающая ее, имела право на существование. Стоя в квартире убитой девушки на следующее утро после обнаружения тела, она размышляла не о ней, а о своем участившемся сердцебиении и остывших конечностях. Она уже собралась было возвращаться домой, но вместо этого зачем-то сделала несколько шагов вперед, и перед ней открылся замечательный вид из большого венецианского окна. Окно выглядывало во двор, и Кейт удалось рассмотреть слабый оранжевый свет над плоской крышей противоположного крыла. Все окна в том крыле были темными, а в окне прямо напротив Кейт не увидела, а скорее почувствовала некое движение. Она инстинктивно отступила назад, в полумрак квартиры.

Она заметила, как на той стороне включился свет и комнату пересекла фигура, потом остановилась и посмотрела в окно. Освещения как раз хватило, чтобы у Кейт не осталось сомнений, что фигура принадлежала Алану Черни – мужчине, с которым она познакомилась во дворе. Те же

волосы, угловатые черты, покатые плечи. Кейт перестала дышать, опасаясь, что любое движение может выдать ее. Так они стояли друг напротив друга долгую ужасную минуту. Кейт была не в силах пошевелиться. Он продолжал смотреть. Вот он поднял руку и потер левый глаз. Над крышей скользнули первые лучи солнца, пробивающиеся с востока, и Кейт вдруг сообразила, что Алан вполне мог заметить ее. Она двинулась назад, ступая по своим следам, – так делают люди, когда не хотят оставлять лишние отпечатки на снегу.

Он продолжал смотреть, а Кейт вжалась спиной в дверь, опасаясь, что он ее увидит, и одновременно не в силах отвести взгляд.

Глава 6

Алан пристально вглядывался в окно квартиры Одри Маршалл. На мгновение показалось, он мог бы поклясться, что оттуда кто-то смотрел на него. Он почти не спал последние сутки, и серый полумрак размывал и приглушал его сознание. И хотя ноги дрожали от усталости и его тошнило от голода, он все равно не сводил глаз с окна – как кот, который гипнотизирует мышь, вынырнувшую из щели в полу.

Полицейские автомобили все утро ездили взад-вперед по улице. Прибыла скорая помощь, по зданию то и дело сновали офицеры в форме.

Зачем он все еще наблюдает за апартаментами Одри? Наверное, привычка. Он так долго следил за квартирой, что изучил ее хозяйку до мельчайших подробностей. Знал, как она ходит по квартире, в чем спит, как долго чистит зубы. Он выяснил об Одри все – ну или почти все, – наблюдая за ней через окно.

Это началось год назад, через несколько месяцев после того, как Алан начал жить с Куинн. Была вторая суббота декабря, обычная суббота с Куинн. Они пообедали с друзьями, затем прошлись по магазинам, сходили в спортзал, купили рождественскую елку – такую большую, что еле затащили ее в квартиру, усыпав сосновыми иголками лестницу и коридор. Они собирались в тот вечер остаться дома – украсить елку (их первую елку), выпить рождественский эгг-ног^[6] и посмотреть фильм. Но ее лучшая подруга Вив написала, что все собираются в новом баре отеля, который только что открылся.

– Пойдем, – сказала Куинн, допивая эгг-ног, от которого не могла оторваться вот уже более получаса.

– Ты серьезно?

– Будет весело. Бармен – тот самый парень, который работал в баре «Улей». Помнишь его напитки с шерри, от которых ты был без ума?

– Астон Мартин.

– Правильно. Астон Мартин. Пойдем выпьем по одной.

Алан прикончил свой эгг-ног и уже готов был согласиться, но вдруг удивил сам себя:

– Пожалуй, останусь сегодня дома.

– Ты с ума сошел? – возмутилась Куинн, стаскивая штаны для йоги Лулулемон, в которых она ходила по дому с тех пор, как они вернулись.

– Я устал, – оправдывался Алан. И это было вранье. Он хотел остаться

дома, чтобы побыть в одиночестве. В голове ощущалось приятное помутнение от бренди, который входил в состав эгг-нога, и идея провести субботний вечер с самим собой внезапно показалась чрезвычайно удачной. Он мог продолжить выпивать, найти хороший ужастик – что-нибудь изумительно кровавое, что никогда не нравилось Куинн.

– Если не хочешь, можем не ходить, – предложила Куинн.

– Ты иди. Никаких проблем. Это очередной этап в отношениях. Ты уходишь, а я остаюсь, и никто не против.

– О, ты только предполагаешь, что я не против, – надула губки она, хотя глаза смеялись. В конце концов Куинн переоделась, выпила еще коктейля, накрасилась и ушла.

Алан, конечно же, и раньше оставался один в квартире, но в прекрасный субботний вечер, когда Куинн ушла к друзьям, это было совсем по-другому. Прежде чем искать фильм, он поставил пластинку «Поет Чет Бейкер» на старый проигрыватель, который таскал за собой с квартиры на квартиру, приготовил себе еще коктейля и пошел настраивать светильники – душа требовала более приглушенного освещения. Еще до того как они с Куинн вернулись домой с елкой, в городе пошел снег, и теперь Алан решил проверить, что там с погодой. Он подошел к большому венецианскому окну в гостиной и раздвинул шторы. Снег прекратился, но все вокруг было укрыто тонким чистым белоснежным ковром. Он начал рассматривать следы во дворе, пытаясь определить, какие из них принадлежат Куинн, но там уже успели изрядно натоптать.

В квартире, расположенной напротив, в другом крыле, горел свет. Алан заглянул внутрь сквозь не до конца зашторенное окно. Через минуту глаза привыкли, и он смог рассмотреть обительницу квартиры. Алан не припомнил бы ее имени, даже если бы знал. Девушка сидела на диване спиной к подлокотнику, а на коленях лежала открытая книга. От единственного светильника исходил конус теплого желтого света. На кофейном столике перед диваном стоял бокал красного вина, а рядом – открытая бутылка. Это была такая безупречная картина, почти клише, что Алан громко рассмеялся. Он шагнул влево, чтобы девушка оказалась идеально обрамленной в пространстве между приоткрытыми шторами.

Неожиданно она слегка вздрогнула и оторвала глаза от книги. Алан инстинктивно отшатнулся. Он был почти уверен, что его каким-то образом заметили. Девушка встала и, не глядя в окно, исчезла из виду. Затем вновь появилась в поле зрения. Следом за ней в комнату вошел белый кот Сандерс. Он запрыгнул на кофейный столик, а хозяйка снова устроилась на диване и, лениво поглаживая Сандерса, вернулась к чтению. Кот

принадлежал женщине, которая жила на другой стороне дома, но ему разрешали бродить повсюду. Алан часто видел его в вестибюле, иногда кот дремал на стойке регистрации.

Алан выключил ближайшую лампу, из-за чего гостиная погрузилась в темноту, и продолжил наблюдать за девушкой. Она выглядела такой спокойной и умиротворенной в своей скромной обители, что Алан почувствовал почти физическую боль в груди и резкое желание быть с ней. Он представил, как лежит в ее комнате с другой стороны дивана и их босые ноги соприкасаются. Он знал, что в этих беззаботных мечтах они совершенно счастливы друг с другом.

Заканчивалась песня «Мой приятель», и Алан вдруг понял, что смотрит в окно уже довольно долго. Он задернул шторы и сел на диван. Завибрировал телефон: пришла эсэмэска от Куинн, сообщившей, что она в баре. Он ответил, попросив передать всем привет. Она отписалась через полсекунды: «Майк хочет сказать, что ты слабак!»

Пластинка закончилась, и Алан продолжал сидеть в тишине. Немного поразмыслив, что же делать дальше – поставить следующую пластинку или поискать фильм, – он не придумал ничего лучше, чем продолжить наблюдение за девушкой. Он встал, вернулся к окошку и снова начал всматриваться вдаль. Она все еще читала, сидя на диване, но уже без Сандерса. Она подтянула ноги так, что книжка лежала на коленях. Алан вспомнил, что у него есть бинокль, небольшой такой, он приобрел его в том же году, в котором они с другом по колледжу в складчину купили сезонный абонемент в верхнем ярусе на игры баскетбольного клуба «Селтикс». Где именно хранился бинокль, он точно вспомнить не мог, но полагал, что прибор все еще в брезентовой плечевой сумке, которую он носил в те времена. Он решил проверить – и угадал. Держа бинокль в руках, он колебался, понимая реальную разницу между простым наблюдением за соседкой через окно и тотальной слежкой с помощью бинокля. «Всего одну минутку», – сказал он себе. Прибор поможет действительно хорошо рассмотреть ее, а может, даже увидеть, что за книгу она читает.

Он вернулся к окну и начал наблюдать. В бинокль она выглядела так, словно находилась в метре от него. Он мог четко рассмотреть ее черты лица, текстуру одежды, то, как она машинально касается пальчиком мочки уха. Книга с крупным черно-белым шрифтом на красной обложке называлась «Волчий зал»^[7]. Девушка облизнула кончик пальца и перевернула страницу.

Алан почувствовал, как дыхание замедлилось и стало более глубоким. Рассматривая ее вблизи, он ощущал себя похотливым животным,

осознавая, что поступает неправильно, но был не в силах остановиться. На ней были старые джинсы с протертыми коленями и облегающая водолазка в черную и коричневую полоски. Она зевнула, выгнула спину, и он заметил островок ее розового животика. Алан почувствовал напряжение в штанах, и эта реакция испугала его – он опустил бинокль, закрыл шторы и отошел от окна. Его накрыла волна лихорадочного стыда, как будто он вдруг заболел.

Он положил бинокль в ящик с нижним бельем, разделся, натянул боксеры и футболку, почистил зубы и лег в постель. Решил немного почитать. Под руку попался «Шпион, выйди вон!» Джона Ле Карре. Алан уже читал его, но еще в средней школе. Глаза быстро скользили по словам, но мысли вертелись вокруг девушки в окне. Ему было интересно, чем она живет, есть ли у нее парень. Может, зря он не ушел вместе с Куинн? Хотя нет, правильно сделал. То, как девушка вела себя в квартире, навело его на мысль, что она живет одна.

Он попытался продолжить чтение, но потом захлопнул книгу, выключил свет и просто лежал, слушая, как из-за температурных перепадов потрескивает паркет. Сегодня он никак не сможет уснуть, подумал он, и уснул.

Куинн скользнула к нему под одеяло. От нее пахло красным вином и сигаретами «Мальборо лайтс».

– Ты курила? – спросил Алан. Недавно они вместе бросили.

– Ш-ш-ш-ш, – прошипела голая Куинн. Она провела рукой у себя между ног и взобралась на него. В темноте она казалась серой, без каких-либо характерных черт, и Алан представил в полудреме, что это соседка – девушка, имени которой он не знал, – скачет на нем верхом.

Ему понадобилось не так много времени, чтобы узнать ее имя. В следующий понедельник, как только Куинн ушла на работу, Алан пошел в другое крыло. Вычислить ее дверь было легко – квартира 3С. Спустившись в вестибюль, Алан попросил у швейцара связку только что прибывшей почты. В ворохе корреспонденции было ходатайство по кредитной карте: Одри Маршалл, квартира 3С.

За зиму он выучил ее график наизусть – знал, когда она просыпается и возвращается домой с работы. У нее редко кто бывал. Один или два раза заглядывала худая простодушная женщина. Они пили шампанское, гостя неустанно болтала, а Одри внимательно слушала, изредка вставляя замечания. Однако обычно она была одна, и именно в эти часы он любил за ней наблюдать.

– Что тебя так заинтересовало? – спросила однажды ночью Куинн, когда он думал, что подружка смотрит телевизор.

– Показалось, что кто-то кричит во дворе. Вероятно, это где-то на улице.

– Да сколько угодно, – неожиданно окрысилась она.

– Что ты имеешь в виду?

– Да то и имею, что ты постоянно пялишься в окно. А вот когда в последний раз смотрел на меня дольше секунды, припомнить не могу.

– Мы сегодня обедали вместе, помнишь? И все время смотрели друг на друга. Я еще помог тебе достать семечко кунжута, застрявшее между зубами. – Алан засмеялся.

Куинн пожала плечами. Шел март, и Алан был почти уверен, что в жизни Куинн появился кто-то еще – некий Брендон, работающий в ее учреждении и включенный в группу сотрудников, собирающихся после работы на выпивку. Как-то она небрежно упомянула его, сказав что-то вроде: «Ну и, конечно же, Брендон тоже там был». Алан не расстроился. Он даже не ревновал. У него была Одри.

Как весна сменяет зиму, так лето сменяет весну – соседи распахивали окна, Алан и Одри тоже. Тихими летними вечерами, когда легкий ветерок дул в его сторону, он случайно мог услышать музыку, доносящуюся через двор. Во время чтения Одри слушала классику, а читала она много, обычно в одном и том же положении – на диване в гостиной, как и в первый раз, когда он шпионил за ней. Иногда она читала в спальне, особенно в жаркую погоду, поскольку у нее в спальне, как и у Алана, были установлены потолочные вентиляторы. Он никогда не видел ее абсолютно обнаженной, но много раз – в negligé. Чаще всего, когда она собиралась утром на работу или как только возвращалась домой, всегда около шести вечера. Однажды в жаркую ночь Одри оставила шторы раздвинутыми. Алан подтащил стул к окну в своей неосвещенной спальне и наблюдал в бинокль, как она читает книгу в мягком переплете «Маленький незнакомец». На ней были только черные трусики. Алан представил на миг, как он открывает окно и перелетает через весь двор прямо в ее спальню.

В конце лета Куинн выехала, сославшись на то, что Алан отдалился, хотя до него дошли слухи, что она начала встречаться с коллегой Брендонем. У Алана осталось совсем немного мебели и месячная плата, которую он не мог себе позволить. Зато теперь у него больше времени, чтобы сосредоточиться на Одри. У Алана сложился план, как с ней познакомиться, чтобы это выглядело естественно и соединило их надолго. Периодически Алан начал следить за Одри не только в квартире, но и за ее пределами. Теперь он знал, где она работает – в Кембридже, сразу за рекой, в небольшом издательстве. Он также выяснил, что по выходным она любит

заглядывать в кафе с низкими потолками на Гарвард-сквер – «Памплону» – и читать там. Он намеревался как-то поехать туда пораньше, подойти к ней, сообщить, что она показалась ему знакомой, завести разговор. В конце концов выяснилось бы, что они живут в одном доме в Бостоне, и надо же, как это забавно, встретились в Кембридже, и, может, имеет смысл собраться еще раз, но уже на своей стороне реки.

Но его планам так и не суждено было осуществиться. Все изменилось в феврале. К Одри начал заглядывать мужчина. Высокий атлетически сложенный парень в костюме всегда появлялся с бутылкой вина. Алан знал, кто это. Его звали Корбин Делл, и он тоже жил на Бери-стрит, 101, прямо по соседству с Одри.

Глава 7

Алан познакомился с Корбином Деллом вскоре после переезда на Бери-стрит. Это произошло еще до того, как он начал следить за Одри Маршалл. Они с Куинн были молодой влюбленной парой и только что начали жить вместе в этих апартаментах.

Алан и Корбин познакомились в вестибюле своего дома. Корбин разговаривал с привратником Бобом, а Алан проверял почту по дороге на тренировку по ракетболу^[8]. Из спортивной сумки торчала обмотанная лентой ручка ракетки.

– Сквош или ракетбол? – поинтересовался Корбин, кивнув на ракетку.

– Балуюсь и тем и другим, – ответил Алан, – но в последнее время занимаюсь ракетболом. А вы играете?

– Да. Вы куда ходите? – спросил Корбин. У него была нереально квадратная челюсть. По сути, он весь был квадратным – широкие плечи, массивные руки, голова. Все эти острые углы подчеркивались стриженными под ежик светлыми волосами. Алану хватило беглого взгляда, чтобы сообразить, что парень, должно быть, играет гораздо лучше.

– В «Y», – сказал Алан.

– Где? На реке?

– Ага.

– Не знал, что там есть корты для ракетбола. Нужно как-то сыграть. Мы могли бы сходить в мой клуб.

– Я не очень хорошо играю, – признался Алан.

– Мой теперешний напарник настолько агрессивен, что перестаешь получать удовольствие.

Они представились друг другу. У Алана была визитка компании по разработке программного обеспечения, в которой он работал, с указанием его электронного адреса, и он вручил ее Корбину.

– Вы занимаетесь маркетингом? – спросил Корбин.

– Да. А вы?

– Финансовый консультант. В «Браяр-Крэйн». – Алан узнал название. Конечно же, он работает в финансовой сфере. Парни типа Корбина обожают валютные спекуляции и разговоры о разнице обменных курсов. Они попрощались. Корбин предложил как-то договориться насчет ракетбола. Алан вышел через двор в направлении «Y», зная, что Корбин никогда не напишет ему по электронке, но чувствуя странный подъем

оттого, что живет в доме, где люди прямо в вестибюле договариваются сыграть в ракетбол. Это была его новая жизнь, и он жил с Куинн, которая не испытывала недостатка в деньгах. Она и настояла на переезде на Бери-стрит, 101, хотя арендная плата здесь в четыре раза превышала сумму за трехкомнатную квартиру в Южном Бостоне.

Алан забыл о Корбине Делле и несколько удивился, когда неделю спустя получил от него письмо по электронной почте:

«Давайте сыграем в ракетбол. Можем в субботу, если вы не против. Я заказал корт на десять утра. Корбин».

Они сыграли, и Алан оказался прав: Корбин был гораздо более сильным игроком – не только в профессиональном смысле, но и в плане физической подготовки. Похоже, он даже не вспотел, тогда как Алан запыхался и с трудом мог говорить. Тем не менее, когда они вернулись из шикарного клуба домой, Корбин предложил поиграть снова.

Они встретились еще раз. Это было перед Рождеством. После игры они выпили пива в «Семерках» на Чарльз-стрит. Посиделки в баре продемонстрировали прежнюю расстановку сил – Корбин абсолютно уверен в себе, а Алан изо всех сил пытается не отставать. Корбин рассказывал о замечательных ресторанах в Бостоне, не забывая упоминать о своем бизнесе и время от времени вертеть головой, рассматривая очередную брюнетку, вошедшую в зал. Алан подумал, что Корбин пытается компенсировать какие-то комплексы, только непонятно, какие именно. Возможно, его обременяет глупое старомодное имя Корбин, а может, он гей и отчаянно пытается скрыть это. После пива они спустились по Чарльз-стрит. Было только начало шестого, но уже давно стемнело, и витрины, украшенные гирляндами, сверкали рождественскими огнями.

– Ненавижу Рождество, – сказал Корбин фактически самому себе и весело рассмеялся.

– Мне все равно. Я не праздную его, – признался Алан.

Это была их последняя встреча, за исключением случайных пересечений в вестибюле или во дворе. Алан замечал виноватое выражение на лице Корбина во время этих коротких встреч, как будто они больше не играли в ракетбол исключительно по вине Корбина. Алану все время хотелось сказать ему, что он тоже не жаждет проводить с ним время.

Затем в жизнь Алана вошла Одри, и он напрочь забыл о Корбине, он забыл вообще обо всем на свете. Когда он впервые увидел его в апартаментах Одри, ему фактически понадобилось какое-то время, чтобы признать в молодом человеке Корбина. Хотя особых перемен он не заметил – разве что светлые волосы стали немного длиннее. Высокий и

мускулистый, в костюме или в спортивной одежде, он обосновался в квартире Одри как в собственной – разваливался на диване, смотрел телевизор. Они всегда пили вино. Секс у них случался редко, хотя несколько раз Алан видел, как они входили вместе в спальню и задергивали шторы. Он также однажды наблюдал, как Корбин поднял Одри на руки, ее ноги сплелись вокруг его талии, а он целовал ее. Сильная рука скользнула Одри под юбку, и Алану пришлось отвернуться. Он отметил про себя, что, если ему противно наблюдать за Корбином и Одри, возможно, это излечит его от потребности часами следить за девушкой. По крайней мере, Одри не такая, какой он ее себе представлял, коль встречается с Корбином.

Размышлял Алан правильно, но остановиться уже не мог и продолжал наблюдать за Одри, лелея те короткие периоды времени, когда она находилась в квартире одна и усаживалась на диван с какой-нибудь книгой – как раньше. Теперь она начала читать «Исчезнувшую» Гиллиан Флинн, и Алан по пути с работы заглянул в книжный магазин «Барнз энд Ноубл» и купил себе экземпляр – чтобы они могли читать вместе в одно и то же время. Шли дни, а Корбин не появлялся, и Алан начал надеяться, что их отношения прекратились, но однажды в пятницу вечером сосед наконец нарисовался, как всегда с бутылкой вина. Похоже, они редко выходили в свет вместе. Алану стало интересно почему – может, они заключили какое-нибудь секс-соглашение о взаимовыгодном соседстве? Что она могла в нем найти, пусть даже просто для секса?

Однажды ночью, когда Корбин был у Одри, Алан выпил несколько бутылок пива и решил послать ему имейл. После их последней встречи прошел почти год. Алан сочинил письмо, стараясь писать так, чтобы оно смотрелось набросанным на скорую руку. Извинился, что давно не напоминал о себе, и вскользь поинтересовался, не хотел бы Корбин немного поиграть с последующим возлиянием пивка в «Семерках». «Или мы могли бы плюнуть на ракетбол и просто пропустить по стаканчику», – уточнил Алан, поскольку его единственной целью был именно разговор. Он сразу же отправил письмо, чтобы не дать себе возможности передумать. Алан откинулся на диване и вздохнул. Если Корбин клюнет на удочку, то он сможет выведать у него какую-нибудь информацию об Одри, а возможно, и понять, что происходит в их отношениях. Может быть, Корбин и Алан снова станут приятелями и это позволит Алану официально познакомиться с Одри, узнать ее. Алан обнаружил, что его мысли пустились вскачь, сочиняя сценарий, в котором Одри покидает Корбина ради него. Чтобы не зайти слишком далеко в своих фантазиях, он встал из-за компьютера и вернулся к окну. Корбин смотрел на экран своего телефона. Алану

показалось, что он читает его сообщение. Даже если и так, ответ он получил только на следующий день:

«Привет, дружище. Рад тебя слышать. На самом деле я перестал играть в ракетбол, сейчас меня интересует только сквош. Но как бы там ни было, выпить можно. Я свободен в следующую среду».

Алан ответил, что также свободен. Приближался день встречи, и он начал размышлять, каковы шансы, что Корбин возьмет с собой Одри. Слабая надежда на встречу подвигла его надеть свои лучшие джинсы и блейзер марки «Рэг энд боун». Но когда он приехал в назначенное время в «Семерки», Корбина там не было. Он появился двадцатью минутами позже – один, без спутницы.

Пиво в бокалах стремительно заканчивалось, а они еще даже не начинали разговаривать. Корбин каждые две минуты проверял мобильник. Понимая, что он может улизнуть с минуты на минуту, Алан спросил, стараясь выглядеть непринужденным:

– С кем ты сейчас встречаешься?

– Встречаюсь? – удивился Корбин. – Фактически ни с кем. Ну, есть девушка с работы. Замужем, к сожалению...

– Я слышал, ты вроде бы встречаешься с кем-то из нашего дома. С той девушкой, которая живет напротив тебя, – не знаю, как ее зовут...

– Одри?

– Да, вероятно.

Корбин сделал большой глоток пива «Смиттноуз», на верхней губе осталась тонкая линия пены.

– Я ее едва знаю. А что? Кто тебе сказал?

– Наверное, мне приснилось. А может, вы где-то мелькали вместе.

– Не-е-ет, парень. Я правда не знаю ее. Видел издали и не прочь познакомиться поближе, но не судьба. А как насчет тебя? Твоя подруга съехала?

Алан преподнес Корбину короткую версию разрыва с Куинн, а также сообщил, что в ближайшем будущем собирается найти другое жилье или обзавестись сожительницей, чтобы разделить квартплату. Оба уже допили свое пиво. Официант, проходя мимо, предложил еще по бокалу. Алан, так ничего и не узнавший о личной жизни Корбина, был почти согласен, но Корбин резко вскочил и заявил, что должен бежать.

– Извини. К сожалению, нужно идти. Впрочем, давай встретимся снова, – предложил он, но как-то неубедительно.

Корбин ушел. Алан заказал себе коктейль из виски и имбирного лимонада и задумался. Почему Корбин отрицает, что знает Одри? В этом

же нет никакого смысла. Даже если они по какой-то причине пытаются сохранить свои отношения в тайне, в чем проблема, если Алан узнает об этом?

Вернувшись из «Семерок», Алан направился напрямиком к окну. Свет в апартаментах Одри не горел.

Следующим вечером она была дома: читала на диване еженедельный журнал «Ярмарка тщеславия», периодически проверяя телефон. Она, казалось, нервничала, наматывая на палец пряди коротких волос.

Алан пошел готовить коктейль – это он научился делать в полной темноте, – а когда вернулся, Корбин уже находился в квартире соседки. Они разговаривали прямо возле двери, и Алан подумал, что это похоже на спонтанный визит. Никакого вина, Одри была одета в черные колготки и толстовку большого размера, которую она часто носила, когда была одна. Алан слегка отодвинулся от окна, хотя и знал, что его не видно. Он наблюдал за их разговором и понимал: что-то случилось. Корбин кивнул головой в сторону окна, и Одри, нахмурившись, проследила за его взглядом.

Оба смотрели прямо на Алана.

Алана обдало холодом. Он сделал еще один шаг назад. Бинокль лежал на журнальном столике рядом с диваном. Он взял его и продолжил наблюдение из глубины квартиры.

Корбин и Одри еще немного поговорили. В какой-то момент она пожала плечами, на ее лице появилась улыбка. Затем Корбин прошел через гостиную и задернул шторы – Алан покраснел, как вареный рак.

Он опустил бинокль. Его не заметили, но ему все равно было плохо. Его вычислили. Корбин догадался: единственный способ узнать, что происходит в квартире Одри, – шпионить за ней с противоположной стороны здания. Интересно, до него дошло сразу после выпивки? Или он вернулся домой, выяснил, где живет Алан, посмотрел местоположение его квартиры и только тогда понял, что она является зеркальным отображением апартаментов с другой стороны двора? Алан почувствовал физическое недомогание, у него свело желудок. В какой-то короткий ужасный момент ему стукнуло в голову, что Корбин (а может, они вдвоем) может нанести ему визит, устроить своеобразную очную ставку. Он инстинктивно затолкал бинокль между диванными подушками. Свет в квартире напротив погас. Если что, он не откроет дверь.

Алан велел себе расслабиться, сделать глубокий вдох и проанализировать ситуацию. Даже если Корбин и сообразил, что его заметили через окно, это еще не значит, что Алан одержимо шпионит за

Одри. А что, если Корбин спросит в открытую? Тогда Алану следует ответить непринужденно: *«Точно, должно быть, я увидел вас вместе в окне. Одри никогда полностью не задергивает шторы»*. От этой мысли он расслабился, снова встал и подошел к окну. Шторы Одри все еще были задвинуты.

В течение нескольких месяцев Алан даже не помышлял о том, чтобы лично познакомиться с Одри. Он знал, что никогда не осмелится. Он также осознавал, что, если и сделает это, Одри поймет, что перед ней – тот самый уродец с другой стороны дома, которого Корбин уличил в шпионаже. Она, должно быть, серьезно восприняла слова соседа, поскольку стала более бдительной, особенно по вечерам. Изредка она оставляла шторы открытыми, но Алан решил ограничить время наблюдения до минимума. Он понимал, что это вредно и к тому же безнравственно, не говоря уже о том, что наверняка незаконно.

Он восстановил контакты с некоторыми друзьями, с радостью принимал приглашения коллег выпить после работы. Один из таких вечеров закончился поцелуем с практиканткой из Саффолкского университета. Белла, девушка с длинными белокурыми волосами, была заядлым игроком в софтбол и фотографировала телефоном буквально все. Хотя Алан не так давно разменял второй десяток, ему казалось, что Белла из другого поколения. Они пошли в кино, а после – к Алану домой. Он осознавал, что она была первым человеком, который переступил порог его квартиры после ухода Куинн. Секс на скорую руку оказался ничемным и неуклюжим, а Белла от смущения тараторила без умолку. После того как она уснула – *«Нормально, что я проведу с ней ночь, хотя точно знаю, что это просто интрижка?»* – Алан пошел в гостиную. Сна не было ни в одном глазу. Прошло несколько дней с тех пор, как он заглядывал в квартиру Одри. Он раздвинул шторы на несколько сантиметров и посмотрел в сторону ее окна. Она тоже оставила шторы приоткрытыми. Девушка уснула, свернувшись калачиком, книжка лежала на полу обложкой вниз. Он и раньше видел ее спящей на диване. Ее правая рука была согнута и лежала ладонью наружу, вдоль груди, указательный палец упирался в нежную кожу под подбородком.

Алан пошел к дивану, зарылся лицом в подушку и впервые за долгие годы зарыдал.

«С Одри покончено», – сказал он себе.

Нужно очистить от нее свой мозг. И он преуспел в этом за последнее время. В значительной мере.

В субботу утром он нашел старую высохшую сигарету и вышел на

улицу покурить. Поговорил с милой англичанкой – Кейт, как-то так, она не сообщила своей фамилии, – которая рассказала, что Одри пропала. Это была странная и тревожная беседа. В некоторой степени Кейт напоминала Алану Одри. Не внешне, хотя они обе отличались бледным цветом лица. Кейт – возможно, только потому, что он познакомился с ней в личном общении, – казалась более приземленной, в то время как Одри всегда была какой-то возвышенной. Коротко стриженная, с тонкими чертами лица, длинными конечностями. У нее имелаась характерная особенность – создавалось впечатление, будто она никогда не двигалась, за исключением крайней необходимости, например чтобы перевернуть страницу в книге или сделать глоток чая. В этом их отличие, подумал Алан. Кейт, почти такая же красивая, как Одри, только с более круглым лицом и темными волосами, была явно *не* спокойна. Когда они разговаривали, она переминалась с ноги на ногу. А когда заправляла прядь волос за ухо, Алан заметил, что ее не покрытые лаком ногти изгрызены до корней.

Затем приехала полиция, и Кэрол, пожилая соседка Алана из квартиры напротив, подтвердила, что нашли тело Одри.

В тот вечер пришла брать показания представитель полиции, женщина, представившаяся офицером Карен Гибсон. Он рассказал ей правду. Он знал Одри Маршалл в лицо, но саму ее *не* знал.

В ту ночь Алан спал, но сон был прерывистый, разделенный короткими видениями, в которых Одри находилась с Аланом в его квартире, прикасалась к нему, говорила с ним, нашептывала ему что-то на ухо. Он проснулся перед рассветом и пошел взглянуть на квартиру Одри. Там было темно, но он мог с уверенностью сказать, что штора была отдернута. Он заметил мимолетное движение внутри и долго всматривался. Восходящее солнце окрасило небо разными цветами – от черного до оранжевого, – но внутри квартиры Одри все оставалось темным. Однако он все равно смотрел, боялся даже моргнуть. Затем появился еще один намек на движение – полоска света. Алан был уверен, что видел, как дверь Одри быстро открылась и закрылась: кто-то вышел из квартиры.

Глава 8

К полудню в воскресенье Кейт, не закончив писать пространное письмо своей матери, прохаживалась по периметру обширной квартиры. Она не спала с самого рассвета, с того момента, как прокралась в квартиру Одри Маршалл и увидела через окно Алана Черни. Сейчас, расхаживая по квартире, она то и дело выглядывала в окно. Небо было молочно-белого цвета, а поверхность реки выглядела неподвижной и гладкой. Участок Бери-стрит, который просматривался из западного окна, был спокойным. Хотелось есть, но бутерброды с сыром уже надоели. Она открыла дверь огромного холодильника с корпусом из нержавеющей стали и внимательно осмотрела его скудное содержимое.

«Выйди на улицу», – приказала она себе.

Чтобы не передумать, она быстро надела полусапожки, заправила в них джинсы и схватила куртку в черно-белый горошек. Нужно пробежаться по кварталу и найти место, где можно пообедать или даже купить продуктов, чтобы приготовить дома.

На улице было сыро и гораздо прохладнее, чем она полагала. Переходя через двор, она застегнула куртку под самое горло и уже пожалела, что не прихватила перчатки.

Засунув руки в карманы матросской куртки, по Бери-стрит прохаживался мужчина. Когда она проходила под аркой, он выжидающе посмотрел на нее, и их глаза встретились. У него были рыжеватые волосы средней длины, торчащие на макушке, очки в тонкой металлической оправе давали эффект подбитого глаза, а белки выглядели влажными и блестящими. Перед тем как перейти через улицу, Кейт остановилась, оглядываясь по сторонам, и тут к ней подошел этот мужчина.

– Здравсьте, – неуклюже поприветствовал он ее. – Здравствуйте, привет. Вы здесь живете?

– Да, – ответила она и инстинктивно поправила горловину на куртке.

– Извините. Не хотел вас напугать. Я был другом... Я близкий друг Одри Маршалл, и я говорил с полицейскими, а также с вашим швейцаром. Я просто надеюсь получить больше информации.

– Сожалею. Мне ничего не известно. Я только приехала. Я не знала Одри.

Мужчина казался смущенным. Щеки покрылись красными пятнышками. Кейт прикинула, сколько же он стоял на холоде, ожидая, пока

кто-то выйдет из дома.

– Вас допрашивали полицейские? – спросил он.

– Они брали показания. Думаю, только потому, что я живу по соседству.

– Прямо по соседству? На ее этаже?

– Да, но я буквально только что въехала и никого не знаю. Очень жаль, но мне больше нечего сказать. – Кейт сделала шаг, намереваясь прошмыгнуть мимо него.

– Вы не против, если я немного пройду с вами? Мне нужно выпить кофе. Кстати, я Джек. – Он снял перчатку, и Кейт пожала его сухую теплую руку. – Джек Людовико. Я дружу с Одри на протяжении... на протяжении...

Будучи хорошей ученицей своей мамы, которая всегда была добра, но умела мастерски избегать неудобных бытовых ситуаций, Кейт сказала:

– Джек, приятно познакомиться, но я спешу. Не думаю, что смогу вам помочь.

– А вы не родственница Корбина Делла? Одри рассказывала, что он собирался переехать в Лондон, а вы – сюда, в его квартиру.

– Да. Я только что приехала. Одри рассказывала вам об этом?

– Да, я все знаю о Корбине и Одри. Не хочу вас задерживать, пойдемте. Мне холодно.

Они пошли рядом. Кейт стало любопытно. По-видимому, пара Корбин и Одри все-таки существовала.

– Я Кейт, – представилась она.

Джек снова назвал свое имя, потом сообразил, что отрекомендовался две минуты назад, и, смутившись, затряс головой.

– У меня полный бардак в башке.

– Вы были близки?

– И да, и нет. С моей стороны – однозначно да. Мы встречались в колледже, но из этого ничего не вышло, и потом, когда она переехала сюда, мы снова начали общаться, только как друзья, и я не мог поверить... – Он остановился, не снимая перчаток, сдвинул очки на лоб, закрыл лицо руками и начал всхлипывать, его плечи содрогались.

– Все в порядке, – пыталась успокоить его Кейт, не зная, что предпринять. Она положила руку ему на плечо. Они застыли в картинной позе и, казалось, стояли так целую вечность. Он убрал руки от лица, вытер перчатки о джинсы и спросил:

– Вы не знаете, кто ее опознавал?

– Нет, без понятия. Пойдемте дальше, хорошо? – попросила Кейт, беря его за руку и увлекая за собой вверх по улице.

– Ладно, – всхлипнул он. – Извините, что свалил на вас все это. Вы, должно быть, и так переживаете – только приехали, и сразу же убийство в соседней квартире, а тут еще и я донимаю. – Он хрипло засмеялся. Его плечи затряслись от пугающего стаккато смеха – так же, как тогда, когда он рыдал.

– Ничего страшного, – заверила Кейт. – Как вы узнали... Как вы узнали о том, что случилось?

– Об этом написано в сегодняшней газете «Глоуб». Я уже начал переживать, ведь я несколько дней ничего не слышал об Одри, что само по себе весьма странно, а потом увидел заголовок, что, мол, на Бикон-Хилл найдена мертвая женщина. И я уже понимал, что это она, даже не дочитав статью до конца.

– О чем в ней говорилось? – спросила Кейт.

– Что найдено ее тело и полиция рассматривает происшествие как подозрительную смерть. И еще был указан номер телефона, по которому можно сообщить любую информацию, так что я позвонил. Сходил в отделение, меня опросили, но ничего не сказали, за исключением того, что тело опознано. Не знаете, кто это сделал? Кто ее опознал?

Джек повысил голос и, казалось, уже готов был сорваться на крик. Кейт обычно тонко чувствовала панику у других людей, но сейчас ощущала себя, как обычно, спокойно. Она повторила:

– Джек, я ничего не знаю. Мне жаль. Я только что приехала. Но я уверена, что полиция не может говорить о деталях дела, потому что ведется расследование. Есть кто-нибудь, с кем вы можете поговорить? Кто-то из друзей Одри? Или из ее родственников?

Он закивал:

– Поговорю. Правда, никого из семьи я не знаю, но могу пообщаться с ее лучшей подругой Керри. Я с ней знаком.

– Наверное, это именно она начала бить тревогу, когда Одри пропала. Когда я приехала, здесь была девушка – стучала в дверь Одри.

– Да, по всей видимости, это она, Керри. – Что-то в голосе Джека натолкнуло Кейт на мысль, что он не любит лучшую подругу Одри.

– Вам следует побеседовать с ней, – посоветовала Кейт. – Уверена, ей известно больше, чем мне.

– Побеседую. – Они пошли дальше. Кейт немного ускорила шаг, Джек не отставал. Они миновали Бриммер-стрит и приближались к Чарльз-стрит. – Значит, Корбин еще не знает? – спросил он.

– Я дала полиции его электронный адрес. Думаю, ему сообщат на всякий пожарный, вдруг у него есть какая-то информация. Я не хотела

писать ему лично, поскольку не в курсе, знает ли он что-нибудь.

– Думаете, полиция его подозревает?

– Не думаю. Не думала об этом. Мне сказали, что он вне подозрений. Почему вы спрашиваете? Он вел себя странно по отношению к ней?

– Ну, между ними что-то было.

– Что именно?

– Точно не знаю. Так, встречались время от времени. Одри говорила, что они спали, но никуда вместе не выходили. Он не хотел выносить их отношения на всеобщее обозрение и старался ограничить их стенами квартиры. – По голосу Джека стало ясно, что он не одобрял такую ситуацию.

– Стенами квартиры? Что вы имеете в виду?

– Встречались только дома. Полагаю, он завел с ней интрижку, а Одри захотела большего, настоящих отношений. Только Корбину это было не нужно. Ничего приятного о нем она сказать не могла. Мне жаль. Я не должен вываливать вам подробности. Не думаю, что она боялась его или чего-то еще. Непохоже. Просто он мудака, вот и все.

– Я правда ничего не знаю об этом, – сказала Кейт. Они дошли до угла Бери-стрит и Чарльз-стрит и снова повернулись друг к другу лицом.

Джек играл желваками.

– Я не считаю, что Корбин как-то причастен к тому, что произошло.

– Ну, он на тот момент уже был в Лондоне...

– Когда он уехал, вы знаете?

– Он улетел ночным рейсом в четверг, поскольку добрался до места в пятницу рано утром. А я как раз уезжала в тот день. У нас оставалось немного времени, чтобы встретиться, но встреча так и не состоялась.

Джек ничего не сказал, и Кейт видела, что он пытается просчитать, имеет ли Корбин какое-то отношение к смерти Одри.

– Когда вы в последний раз разговаривали с Одри? – спросила она.

Он буравил ее взглядом.

– О, пытаюсь вспомнить. Кажется, в среду вечером.

– Значит вы думаете, что Корбин...

– Нет, я ничего не думаю. Я полагаю, что он мог быть причастен к тому, что случилось. Это ведь возможно, не правда ли? – Он посмотрел на нее почти с надеждой.

– Не знаю. Может, кто-то еще получил от нее известие. Вам действительно стоит выяснить это в полиции. Мне ничего не известно.

Джек быстро затряс головой, как будто ему в ухо попала вода.

– Господи, извините. Это не имеет к вам никакого отношения. Просто

я теряю самообладание...

– Да, понимаю. Но ничем не могу помочь. Я не знаю Корбина, и он мне ничего не рассказывал ни о соседях, ни о ком другом. Надеюсь, что он к этому не причастен. Вы знаете, что случилось с Одри?

– В каком смысле? Как ее убили?

– Наверное.

– Мне ничего не сказали. Сообщили, что рассматривают смерть как подозрительную – все то же, что написано в газете.

На запухшие глаза Джека навернулись слезы, и Кейт решила больше не задавать вопросов об Одри. Она хотела уйти, но Джек выглядел настолько растерянным, что напоминал ей ребенка, потерявшего родителей.

– Чем вы занимаетесь, Джек? – сменила тему Кейт.

– Вы о чем?

– О работе.

– А, работаю в гостиничной индустрии.

– Ага.

– Я координатор мероприятий в конференц-центре. Это не настолько захватывающе, как хотелось бы, но я все время занят. Последние две недели... у меня даже не было времени встретиться с Одри.

По щеке покатилась слеза, и он вытер ее тыльной стороной руки, не снимая перчатку.

Кейт попыталась снова подражать своей матери и прямо сказала:

– Джек, мне действительно кажется, что вам следует поговорить с кем-то, кто знал Одри.

Он закивал, а она продолжала:

– Отыщите ту подругу или семью Одри. Откуда она?

– Она родом из Нью-Джерси. Я никогда не встречался с ее родственниками.

– Вероятно, они уже приехали. Вам так не кажется? Имеет смысл найти их и поговорить.

– Ага, пожалуй, вы правы, – согласился он, но не сдвинулся с места. Их обошла семья туристов с двумя малышами, у которых на голове были шляпы в форме клешни омара.

– Мне кажется, я все еще влюблен в нее, – признался он. – Не думаю, что у нее были такие же чувства. Нет, я точно знаю, что она ничего ко мне не испытывала. Из-за того, что Корбин все изгадил, но... – Он замолчал, его взгляд задержался на непонятной точке где-то между ними.

– Приятно было познакомиться, Джек, – откланялась Кейт и снова

пожала ему руку. На этот раз он перчатку не снял. – Извините, но мне нужно сделать еще кое-какие покупки.

Она оставила его на углу улицы и быстро рванула прочь, надеясь, что он не заметит ее торопливости, – напрямик к продуктовому магазинчику, в который заходила вчера. Она чувствовала себя виноватой, но оправдывалась тем, что действительно ничем не смогла бы помочь. Ему нужно найти кого-то другого – того, кто знал Одри. Ей тоже хотелось побыть наедине с собой и подумать о том, что она сейчас узнала. Корбин был связан с Одри. Они спали вместе, но потом что-то пошло не так, по крайней мере с точки зрения Одри. Возможно, и с его тоже. В голове Кейт развивались вероятные сценарии. Одри становится ревнивицей, а Корбин паникует, пытаясь уйти от нее. Он соглашается на длительную командировку в Лондон. Но в последнюю ночь в Бостоне решает, что ему следует попрощаться с Одри, сообщить ей, что уезжает из города. Может быть, она съехала с катушек и набросилась на него, а Корбин, защищаясь...

Кейт вытеснила мрачные мысли из своей головы и открыла стеклянную дверь магазина. От одного взгляда на узкие забитые проходы ее охватила паника, опустошая изнутри. Она попятилась от приятной теплоты, струящейся из магазина, и натолкнулась на парочку в спортивной одежде, которая тщетно пыталась протиснуться мимо нее.

– Извините, – промямлила она, устремляясь к пустой скамейке перед соседним магазином, торгующим старинными печатными изданиями.

Она присела и проделала свои дыхательные упражнения.

Смирись. Прими. Выпусти это. Пусть время течет своим чередом.

Самолет пролетел буквально над головой – так низко, что от рева двигателей у Кейт стянуло кожу на черепе. Она сжала пальцы, подышала еще немного и встала. Кейт перехотелось есть, но она понимала, что должна хоть что-то бросить в желудок. Через дорогу находилась небольшая пиццерия под названием «Аппер краст», где она купила себе ломтик пиццы песто и крем-соду. Она вернулась к скамейке, чтобы перекусить. Было холодно, но на открытом воздухе гораздо лучше, чем внутри.

Возвращаясь домой, она опасалась, что страдающий от безнадежной любви друг Одри все еще ждет на углу, где она его оставила, но он ушел. Никто не караулил ее и на Бери-стрит, 101, и Кейт с облегчением вернулась в свое убежище, так ни с кем и не встретившись.

Переступив порог квартиры, она начала изучать все, что ее окружало. Неужели это логово убийцы? И если да, то способны ли эти стены поведать о самом страшном? Здесь так мало Корбина. Кроме роскоши и великолепия, не ощущалось больше ничего. Хотя не совсем так.

Апартаменты похожи на квартиру умершего, на жилье отца Корбина. Мебель красивая, но немного устаревшая; на одном диване вообще цветочная обивка. И картины на стенах – в основном оригиналы, – выполненные маслом в стиле абстракционизма, довольно интересны (подумала Кейт), но немного староваты. Нет, если что-то из предметов обстановки и принадлежало Корбину, то очень немногое. Он унаследовал отцовское жилье и законсервировал его в прежнем виде, вплоть до фотографий в рамках.

Немного расслабившись, Кейт села и начала думать, что бы это значило. Как бы она поступила, если бы унаследовала жилище? Вероятно, точно так же. Выглядит мило – зачем что-то менять? Возможно, Корбин по-особенному любил своего отца и сохранил память о нем в нетронutom виде. Вполне вероятный сценарий. Но могла быть и другая причина, по которой здесь совсем не ощущался Корбин. Возможно, он хотел замаскироваться, чтобы люди не поняли, кем он является на самом деле. И если так, то существует ли место, где он был открыт? Где искать настоящего Корбина?

Кейт подошла к окну, из которого открывался лучший вид на Беристрит. Тишина и спокойствие. Может быть, она предполагала, что снова увидит влюбленного друга, наблюдающего за домом в надежде поймать другого жильца? Ведь она читала, что злоумышленники любят возвращаться на место преступления. *Нет*, подумала она. Джек Людовико, конечно, странный, но есть в нем некая черта, не позволяющая обвинить его в страшном злодеянии. На этот раз ее мозг отказывался разворачивать события по наихудшему сценарию. Джек был тем, кем казался. Старый друг, обремененный неверием и печалью. Легко просчитать, что он не таков, как Корбин, которого связывали с Одри, по-видимому, сложные отношения. Да еще и ключ от квартиры в придачу.

Мысли о ключе напомнили, что нужно позвонить детективу.

Она пошла в спальню, где осталась визитка детектива Джеймса, и почему-то решила достать из-под кровати свой альбом. Села на ковер, открыла чистый альбомный лист и стала рисовать лицо Джека Людовико. Она ни о чем не думала, рука двигалась машинально. Портрет получился со слегка наклоненной головой и поднятыми вверх глазами. Она закончила и, положив карандаш на место, вдруг поняла, что дорабатывать ничего не нужно. Изображение – идеальное. Кейт поставила дату и его имя.

Она посидела еще немного, пытаясь вспомнить, зачем пришла в спальню. Визитка детектива. Она собиралась позвонить. Кейт направилась к телефону в гостиной. Детектив сняла трубку после двух гудков.

– Здравствуйте. Это Кейт Придди. Вы оставили мне визитку.

Короткая пауза.

– Здравствуйте, Кейт. Чем могу помочь?

– Я насчет Одри Маршалл. Я нашла ключ в своей квартире, то есть в квартире Корбина Делла, с инициалами «ОМ».

– Думаете, у него мог быть ключ от квартиры Одри?

– Именно эта мысль и пришла мне в голову.

– Вы проверяли его? – поинтересовалась детектив.

Кейт не ожидала, что ее спросят об этом, но какая-то непринужденность в голосе детектива побудила сказать правду:

– Вообще-то да. Это тот ключ. Ключ Одри. Возможно, она дала его Корбину, чтобы он по-соседски поливал цветы, когда она уезжала, или что-нибудь такое.

– Да, уверена, что вы правы. Мы поддерживаем контакт с вашим кузеном. Он оказался весьма услужливым. Я спрошу у него насчет ключа.

– О, он уже знает?

– Да, он в курсе. Он откликнулся, но сообщил, что не знал Одри достаточно хорошо. Похоже, он больше беспокоится о вас.

– Он сказал, что не очень хорошо знал Одри?

– Так и сказал. Извините, одну минуту...

Кейт некоторое время слушала приглушенные голоса – детектив с кем-то переговаривалась.

– Прошу прощения, Кейт, я вернулась, – послышался в трубке голос. – Что-нибудь еще?

– Нет, только ключ. И еще я разговаривала с другом Одри. Джеком Людовико.

– Да? – Джеймс, похоже, заинтересовалась. – Как вы с ним познакомились?

– Он стоял перед домом. Сказал, что возвращается из полицейского участка, где у него был с кем-то разговор, и надеется раскопать больше информации.

– Еще раз, как его зовут?

– Он не приходил в участок?

– Возможно, приходил, Кейт. Я только что приехала и еще не успела переговорить с коллегами.

– Джек Людовико. У него, как ни странно, другая версия об отношениях Корбина и Одри. Он сказал, что у них была интимная связь.

– Если можно, я бы хотела поговорить об этом подробнее, Кейт. Могу я вам перезвонить? Это ваш номер?

– Безусловно. Да, я звоню из квартиры.

– Спасибо, что сообщили насчет ключа, и не стесняйтесь звонить снова по любым вопросам, хорошо? Даже если что-то покажется несущественным.

Кейт повесила трубку. С минуту она сидела неподвижно. В голове колотилась мысль: *«Не сделала ли я ошибку, умолчав о мужчине, который взглядывался в квартиру Одри с другой стороны двора?»* Она моментально решила, что эта недомолвка об Алане Черни не была ошибкой. Разумеется, он заглядывал в квартиру. Произошло убийство. Он, должно быть, слышал об этом, и его одолело любопытство. Да, вероятно, он любознательный и немного опечаленный.

Рано или поздно все тайное становится явным. Кейт знала об этом лучше, чем кто-либо.

Глава 9

Кейт закончила свое длинное письмо матери, подробно повествуя обо всем, что случилось с момента ее приезда в Бостон. Она знала, что, как только мама прочтет письмо, тут же попросит ее вернуться домой. Не столько ради безопасности – хотя очевидно, что это тоже важно, – сколько из-за того, что Кейт и так многое пережила с Джорджем Дэниэлзом.

Она познакомилась с Джорджем на первом курсе университета. Он занимался геологией, она – искусством, но оба очутились на уроках греческого языка. Кейт слегка отставала, и закончилось тем, что она попросила у Джорджа помощи. Она обратилась к нему только потому, что он казался старательным и заслуживающим доверия. Внешностью он обладал неплохой, но в свои восемнадцать лет был похож на дипломированного бухгалтера. Высокий, долговязый, с непропорционально длинными ногами. Он носил обычные очки, всегда ходил в вельветовых штанах и вязаной жилетке. Несмотря на юный возраст, он уже начал лысеть. Однако вдовий пик^[9] Джорджа показался ей привлекательным. После нескольких занятий он, заметно нервничая, поинтересовался у Кейт, не хочет ли она как-то поужинать с ним, и предложил один итальянский ресторан, о котором он слышал неплохие отзывы.

Заинтригованная необычным предложением, она согласилась. Было интересно узнать, каково это – пойти на старомодное свидание вместо того, чтобы просто встретиться с парнем в студенческом пабе. Все действительно было в духе прошлых лет. Джордж даже надел галстук под жилетку. Казалось бы, нелепая ситуация, но нет. У Джорджа и Кейт нашлось много общего – оба были тайными поклонниками поэзии и обожали сериал «Твин-Пикс». Всю субботу и часть воскресенья они провели у Джорджа в комнате, лежа на кровати и пересматривая на ноутбуке весь первый сезон. К понедельнику оба лишились девственности, и Кейт была уверена, что влюбилась. Джордж, очевидно, испытывал те же чувства.

В тесном мирке своих отношений они благополучно провели целый год. Так или иначе, Кейт чувствовала себя в безопасности. С самого детства ее жизнь была отравлена ощущением, что на нее вот-вот обрушится несчастье. Психотерапевт, к которой восьмилетнюю девочку привели родители, попросила назвать три вещи, которых она больше всего боится.

Кейт залилась слезами, будучи не в состоянии свести к трем простым страхам огромный мир незнакомцев, пауков, утечки газа, хулиганов, невидимых бактерий и опасных явлений природы. У нее диагностировали тревожное расстройство – что, впрочем, никого не удивило, – а также синдром патологического фантазирования. Она просто одарена богатым воображением.

Джордж действовал на нее успокаивающе, поскольку планировал буквально все, вплоть до мельчайших деталей. Кейт какое-то время терзалась. Ее мозг трещал, как киноаппарат, с помощью которого в школе на уроках оказания первой помощи показывали жуткие фильмы по технике безопасности. С другой стороны, ее тревоги никогда не изменяют мышления Джорджа, и это сняло некоторое напряжение. После первого курса университета он запланировал на летние каникулы путешествие в Грецию. Они должны были лететь из Лондона в Афины, затем паромом на Санторини, Крит и под конец на Родос. Кейт летала только однажды – когда ей было тринадцать лет, родители взяли ее на Азорские острова, после чего пообещали, что больше никогда не заставят ее сесть в самолет. Она хорошо помнила свое ощущение взлета и полную уверенность, что смерть заглатывает ее целиком. Ощущение вышло за рамки паники и превратилось в ледящий вакуум чистого ужаса. Кейт поделилась с Джорджем своими воспоминаниями и предположила, что не сможет полететь в Афины, но он спокойно посмотрел на нее и сказал, что отдых уже распланирован. «Все забронировано, Кейт», – отрезал он, давая понять, что разговор исчерпан.

В каком-то смысле это немного упростило ситуацию. За несколько дней до вылета Кейт показалось, что воздух затвердел и лишился кислорода. Она испытывала боль в груди и снова начала кусать внутреннюю поверхность щек, во рту постоянно чувствовался привкус крови. Тем не менее она знала, что не сможет пойти на попятную – по той простой причине, что поездка забронирована. Джордж все забронировал, а если он составляет план, то отступления невозможны. И в конце концов она полетела – спасибо энному количеству джин-тоники. Было худо, но она выжила, однако как только самолет благополучно приземлился и она окунулась в хаос афинского международного аэропорта, ее одолел водоворот вероятных сценариев. Это ощущение перенеслось на всю поездку. Она думала, что ненавидит паромные переправы, но с ними все оказалось нормально, высокое небо и открытые просторы помогли ей расслабиться. Первые несколько дней поездки складывалась удачно, а затем вторглись ревность и паранойя Джорджа.

Он всегда был властным, с их первого уик-энда. Постоянно

допрашивал, не находит ли она кого-нибудь из сокурсников симпатичным. Она быстро научилась отвечать «нет». Кейт усвоила, что, когда они идут вместе на вечеринку – что было очень редким явлением, – нужно общаться только с женщинами, ибо Джордж будет потом долго кукситься. Она также уяснила, что в кинотеатре на фильме, например, с Брэдом Питтом не следует упоминать, что она находит его привлекательным. Она научилась горьким премудростям на собственном опыте.

– Это же Брэд Питт. Я за миллион лет с ним не встречусь, ты же знаешь.

– А если бы познакомилась, то просто пошла бы трахаться с ним? – рассвирепел Джордж.

– Конечно же нет.

– Но ты же считаешь его смазливym. Само собой разумеется, ты хочешь дать ему, так почему же не потрахаться, если он предложит?

– Господи, Джордж. Я не буду с ним, потому что хочу быть только с тобой.

– Тогда почему он тебя так привлекает?

Пытка продолжалась несколько дней, и Кейт усвоила урок – научилась никогда не упоминать мужских имен, вообще.

В Греции стало еще хуже. Сплошные пляжи и смуглые тела напоказ. Кейт вонзала глаза в книгу или смотрела в ослепительную даль, но невозможно случайно не взглянуть на парад тел множества мужчин в плавках и женщин топлес. Кейт стеснялась своего цельнокроеного купальника цвета морской волны да еще бледной кожи, которая краснела вместо того, чтобы приобретать красивый бронзовый цвет. Однажды вечером она невзначай наблюдала за девочкой-подростком, барахтающейся в Средиземном море. На девчонке были светло-коричневые бикини, из-за чего создавалось впечатление, что она голая. Она была уже постпубертатного возраста, но забавлялась как маленькая девочка, гоняясь за волнами. Кейт начала вспоминать, чувствовала ли она себя когда-нибудь столь легкомысленной и свободной, хотя бы в самом юном возрасте.

Вечером, за ужином, после десятиминутного молчания Джордж спросил у Кейт, не лесбиянка ли она. Она попыталась отшутиться, но Джордж не отступал, и Кейт до конца путешествия старалась вообще ни на кого не смотреть.

Но самое худшее произошло в их последнюю ночь в Ираклионе на Крите. Вдоль дороги, ведущей на пляж, выстроился ряд кафе и ресторанов, конкурирующих между собой. К концу дня каждый ресторан выставлял одного из своих официантов на тротуар, чтобы те заманивали туристов.

– Посмотрите на меню, – наперебой зазывали они. – Свежайшая рыба в Ираклионе.

В тот ужасный вечер зазывалы вынудили Джорджа и Кейт заглянуть в меню пиццерии, а затем и сесть на террасе. Обхаживая их, официант весело заметил:

– А очаровательную англичанку мы посадим лицом к улице, чтобы мужчинам хотелось сюда зайти.

Кейт рассмеялась и, к своему ужасу, залилась краской. Джордж смолк. Они заказали графин превосходного греческого вина и пиццу из морепродуктов. Во время ужина Кейт начала оправдываться:

– Ты не в настроении из-за того, что сказал официант? Ты же знаешь, он говорит это каждой женщине, усаживая ее.

– Поэтому ты так смотришь на него? – кипятился Джордж.

– Я ни разу не взглянула на него с тех пор, как мы сели, Джордж.

Они молчали до конца ужина, но продолжили разговор позже – в их недорогом отеле через три квартала.

– Я никогда не взял бы тебя в Грецию, если бы знал, что ты будешь так себя вести, – брызгал слюной Джордж. Он был очень зол.

– Не я, Джордж. Ты.

– И ты честно заявляешь, что не будешь лежать в постели, мечтая трахнуть официанта-грека? Я видел, как ты смотрела на него. Почему бы тебе не вернуться, беги к нему...

– Вот возьму и побегу, – огрызнулась Кейт и сразу же поняла, что зря.

Джордж схватил ее за плечи и начал тащить к двери.

– Убирайся, – кричал он, уцепившись пальцами за ее обгоревшую плоть.

Не зная, что делать, Кейт перестала сопротивляться, упала на голый пол и начала реветь. А Джордж колотил кулаком в стену, пока гипсокартон не треснул, а костяшки пальцев не начали кровоточить.

– Папа ревнует? – спросила Кейт у мамы, как только вернулась из Греции.

– Что значит ревнует?

– Ревнует тебя к другим мужчинам?

– Боже, нет. Зачем?

– А когда вы только познакомились? Когда встречались?

– Разве что немножко, но только потому, что, начав встречаться с твоим отцом, я продолжала гулять с Робертом Кристи. – Она сделала глоток вина. Дождь хлестал по стеклам зимнего сада.

– Это, должно быть, сводило его с ума?

– Сходил ли он с ума, точно не знаю, но зато это подстегнуло его к действиям. Он сделал мне предложение намного раньше, чем собирался. Хотя Роберт Кристи все равно никогда бы не взял меня замуж.

– А потом?

– Мы поженились, милая. К тому же твой отец не ревнивец. Почему ты спрашиваешь?

Кейт рассказала маме о ревнивом характере Джорджа. Она рассказала почти все, упустила только ту ночь в Ираклионе, которая закончилась сломанной стеной в отеле.

– Это не очень хорошо, детка.

– Да нет, все нормально. Просто я люблю Джорджа, но чувствую себя так, как будто все время хожу на цыпочках, чтобы не оступиться и не произнести случайно какое-то мужское имя.

– Это нелепо, дорогая. Он думает, что, если вы вместе, ты не имеешь права считать других мужчин привлекательными?

– Именно так он и думает.

– Боже милостивый, Кейт.

– Знаю, знаю. Думаю, пора покончить с этим. – Она впервые произнесла эти слова вслух, по лицу потекли слезы.

– Я тоже так думаю, – поддержала ее мама.

Это было нелегко. Кейт написала Джорджу обстоятельное письмо, детально изложив свои соображения и изо всех сил стараясь убедить его, как много он значил для нее. Перед тем как уехать на летние каникулы, она оставила письмо под дверью его комнаты. Через неделю попробовала позвонить ему, но он не брал трубку. Она не находила себе места, но понимала, что все к лучшему. До августа она не слышала от него ни словечка и именно тогда допустила ошибку. Она выложила пост в «Фейсбуке» о том, что проведет целую неделю в коттедже своего дяди в Уиндермире. Просто написала: «Прогулки. Озерный край. Блаженство».

У Джорджа не было профиля в «Фейсбуке», да и она редко заходила туда и еще реже что-то писала. Ей и в голову не могло прийти, что он может прочитать этот пост. Теперь, оглядываясь назад, она понимает, что сглупила. На что она надеялась? На то, что Джордж продолжает жить дальше как ни в чем не бывало? Джордж *прочитал* ее пост. Он знал этот коттедж, они как-то были там вместе во время короткого отпуска с ее семьей. Спустя годы Кейт продолжала анализировать, как долго он находился в Уиндермире, сколько следил за ней, прежде чем нарисоваться. Она совсем не чувствовала, что он ходит по пятам. Погода всю неделю

была ветренная, небо было затянуто тучами. В одном из тревожных снов к Кейт пришло предчувствие смерти. В первые несколько дней она жила в коттедже с младшей кузиной Сейди, приехавшей из ближайшей деревни. Джордж, видимо, наблюдал за ними, выжидая, когда Кейт останется одна. Он спал под открытым небом в лесу по соседству. Позже, когда все произошло, нашли его палатку и промокший спальный мешок, спрятанные в зарослях.

Среди недели, в первую же ночь, как только Сейди покинула коттедж, Кейт проснулась около полуночи и обнаружила рядом с кроватью Джорджа. На коленях у него небрежно лежала винтовка. Кейт открыла рот, чтобы закричать, но Джордж придавил ей коленями грудь и засунул маслянистый ствол в рот, раздвигая губы и ломая зубы.

Так он удерживал ее на кровати больше часа, рассказывая странным, совершенно монотонным голосом, что она заслуживает смерти за свои деяния. То, как он говорил, какие слова использовал, было совсем не похоже на Джорджа, которого она знала, – казалось, будто это совершенно другой человек.

Кейт тихо плакала: умом понимала, что смерть, которой она всегда так боялась, здесь, рядом, припала к ее груди. Она не пыталась договориться или призывать его к милосердию. Она покорилась, ее тело обмякло, как у пойманной птички, зажатой в пасти кота. У нее случилось непроизвольное мочеиспускание, а она даже не заметила, пока не учуяла резкий запах собственной мочи. Вероятно, повиновение сохранило ей жизнь. Если бы она сопротивлялась, умоляла Джорджа не убивать, наверное, его рука не дрогнула бы, нажимая на курок. Но вместо этого он протаскил ее по полу и затолкал в шкаф, после чего засунул ножку деревянного стула в ручку двери – открыть изнутри, не сломав шкаф, было невозможно. Может, он сделал так, потому что знал: темнота и теснота для нее хуже смерти. Или, не сумев убить, просто хотел убрать с глаз долой. Заточенная в шкафу, Кейт неистово кричала и билась в истерике, пока не сорвала голос. Затем она тихо плакала, но в конечном счете и слезы закончились. Она свернулась в клубочек и больше ничего не чувствовала.

Через два часа, а может, через двенадцать часов она услышала выстрел.

Через два дня вернулась кузина и нашла Кейт. Входная дверь коттеджа была распахнута настежь, а тело Джорджа лежало на полу перед забаррикадированным шкафом. По ковру было разбросано содержимое его черепной коробки.

Из шкафа Кейт вытаскивала полиция. Девушка находилась почти в

бессознательном состоянии, но все равно крепко зажмурилась, чтобы не видеть, как выносят из дома труп Джорджа Дэниэлза. Три месяца она провела в реабилитационном центре и половину этого срока была совсем невосприимчива к окружающему миру. Потом она поехала домой к родителям.

Она больше никогда не вернулась в университет.

Через пять минут после отправки электронного письма с подробностями об Одри Маршалл Кейт получила ответ:

«Ужас, любимая. Мы с отцом считаем, что ты должна ехать домой. Кто-нибудь сообщил Корбину?»

«Но это не имеет никакого отношения ко мне», – начала писать ответ Кейт и остановилась. Пальцы коснулись клавиш ноутбука и застыли. Она удалила написанное. Она ответит маме позже. Ответит, когда сообразит, что делать, а пока она ничего не решила. Ей хотелось остаться в Бостоне и пойти завтра на свои курсы, потому что убийство Одри (откуда она знает, что речь идет об убийстве?) действительно не имеет к ней никакого отношения.

«Ты же не веришь в это, правда?» – хором прозвучали в голове голоса – ее и Джорджа.

«А может, и есть какая-то связь. Во всяком случае, это имеет отношение к Корбину, а я – к его квартире. Здесь была полиция, а друг Одри, похоже, кое-что знает о случившемся».

Огромная квартира с высокими потолками внезапно показалась ей тесной и слишком душной. Разыгралось воображение или на самом деле уже стемнело? Она повернулась к высокому окну и увидела черную тучу, которая закрыла солнце. Она наблюдала, как туча медленно плывет по небу, пока снова не засияло солнце. Оно уже явно клонилось к закату. Кейт взглянула на мобильник, чтобы узнать время, и обнаружила, что уже почти пять вечера. Когда успел пролететь день? Конечно, она думала о Джордже, а когда начинаешь думать о Джордже, время ускользает. Так же, как тогда в шкафу, когда ее поглотили темнота и время. Сейчас она не воспринимала себя запертой в шкафу. Это комната, самая малюсенькая комнатуха, и она никогда не покидала ее. Было темно, и все четыре стены давили на нее.

«Выйди на улицу, – приказала она себе, – и нормально поешь». Она вдруг почувствовала, что проголодалась, а дома – хоть шаром покати. Не дав себе времени на раздумья, схватила пальто, зонтик на всякий случай и выпихнула себя из квартиры.

Глава 10

Алан слонялся туда-сюда по квартире – собирался с духом, чтобы пойти и поговорить с Кейт, кузиной Корбина, которая остановилась в его апартаментах. Он хотел выяснить, что она знает об Одри и Корбине, хотя и понимал, что таким образом рассекретит собственный интерес к происходящему. Он сказал ей, что едва знаком с Одри. Что же говорить на этот раз? Правду? Часть правды?

Он выглянул в окно – на протяжении последнего года он только то и делал, что смотрел в окно. Полиция не вернулась. Во дворе было спокойно.

Он подошел к зеркалу, которое Куинн в свое время повесила у входной двери, и погладил темные мешки под глазами, как будто собирался стереть их с лица. Он был в своем любимом винтажном блейзере и вязаном кашемировом шарфе. Он довольно давно принарядился, готовясь к выходу, так что шея успела взопреть. Он снял шарф. Зачем он ему, если нужно просто дойти до другой квартиры?

Он снова выглянул в окно и увидел Кейт, идущую через двор на улицу. Не раздумывая, Алан бросился в спальню, схватил бумажник и вылетел из квартиры. Перепрыгивая через три ступеньки, он помчался в вестибюль.

Когда Алан выскочил во двор, Кейт уже исчезла, но выйдя на Беристрит, он заметил ее в полутора кварталах от себя – девушка направлялась в сторону Чарльз-стрит. Он последовал за ней. Было прохладнее, чем ему показалось сначала, и он уже пожалел о том, что оставил шарф дома. Он застегнул все три пуговики на блейзере и поднял воротник. Снова набежали тучи, и у него мелькнула мысль, что, видимо, пойдет дождь.

Кейт дошла до Чарльз-стрит и на минуту остановилась. Алан замедлил шаг. Он был в полуквартале от нее, достаточно близко, чтобы заметить оранжевый зонтик в левой руке. Она повернула налево. Алан попытался угадать, куда она идет – ищет, где можно поесть, или просто прогуливается. В любом случае он последовал за ней. Гораздо проще подкатить к девушке в ресторане, сделав вид, что он тоже здесь ужинает. Это, конечно, может показаться подозрительным, но он ведь *на самом деле* живет по соседству.

На Чарльз-стрит было довольно безлюдно – только владельцы собак, выгуливающие своих питомцев, да мамочки, толкающие впереди себя детские коляски. Какой-то человек, обгоняя прохожих, нес букет цветов – на вид довольно дорогих. «Муж, забывший о годовщине», – усмехнулся Алан. Кейт шла медленно, время от времени останавливаясь и заглядывая в

окна закусочных, которые выстроились в ряд на этом участке Чарльз-стрит. Понятно: ищет где перекусить. Алан заставил себя идти медленно, в ее темпе. Остановившись перед старым каретным двором, перестроенным в роскошную резиденцию, он наклонился, чтобы завязать шнурок. Мощный тротуар был все еще мокрым после недавнего ливня, и он почувствовал запах земли, запах весны. Зима, которая в Новой Англии всегда длится долго, в этом году была особенно свирепой – в конце января навалило сугробов больше метра высотой.

Алан обратил внимание, как Кейт пытается перейти дорогу. Посмотрела направо, потом налево, как будто не могла вспомнить, откуда должны ехать машины, – но сделать шаг не решалась. Алан последовал за ней через Чарльз-стрит, затем вверх по узкому переулку, освещенному газовыми фонарями. Она зашла в «Таверну святого Стефана». Алан никогда не бывал там, хотя часто проходил мимо.

Он пошел дальше, не желая выглядеть так, как будто он преследует ее. Вероятно, она будет ужинать, а значит, просидит там не менее часа. Алан решил, что у него есть время быстренько выпить в «Семерках», а затем объявиться у «Святого Стефана». Он зашагал дальше по невероятно крутому переулку, свернул на Чарльз-стрит и, толкнув дверь, оказался в узком пространстве любимого бара. Заказал коктейль из виски и имбирного лимонада и пил его стоя, облокотившись о деревянную стойку.

Преследуя женщину, он впал в состояние нервного возбуждения. Что с ним не так? Может, его одержимость Одри не имела к ней самой никакого отношения и его заводил процесс слежки?

В памяти, причем не в первый раз, всплыли неприятные воспоминания. Ему было тринадцать, а его сестре – шестнадцать. Она работала вожатой в лагере штата Мэн. Родители посадили его на автобус и отправили провести ее в выходные. Мальчику предоставили свободную комнату вожатых на втором этаже главного домика, построенного в стиле общежития. В первую же ночь он обнаружил отверстие от сучка в одной из досок. Сквозь эту дырочку была видна смежная спальня. Он выключил свет в своей комнате и увидел через стенку голую вожатую – полнощекую девчонку с маленькой грудью такого же возраста, как его сестра. Она надела большую, не по размеру, футболку с логотипом лагеря и улеглась на кровать, чтобы сделать записи в своем дневнике. Через три минуты она положила дневник на грудь и начала трогать себя между ног. Свет она не выключала, и Алан – увлеченный и зачарованный – не дыша наблюдал за этим зрелищем. Он уже знал, что такое мастурбация, и, к своему стыду, не раз занимался такими вещами, но и представить не мог, что девочки тоже

на такое способны. Вожатая начала неистово работать рукой у себя в промежности, но вдруг остановилась, закрыла дневник, положила его под кровать и выключила светильник.

Алан лежал в темноте, пытаясь если не увидеть, то хотя бы услышать что-нибудь сквозь сосновую стену. Ему казалось, что дешевые матрасные пружины ритмично поскрипывают, затем звуки прекратились. Он услышал протяжный вздох, как будто все это время девушка не дышала. И тишина.

На следующий день он заприметил эту вожатую в столовой, она сидела за столом с воспитанницей, не намного моложе ее. Минувшей ночью он почти не видел ее лица, но зато изучил его сейчас. Оно все состояло из окружностей. У нее были полные щечки и круглые глаза. Алан отметил, что даже маленькие непроколотые ушки имели идеально круглую форму. Рыжеволосая воспитанница что-то сказала, и вожатая раскатисто рассмеялась. Девочка покраснела, а наставница обняла ее, притянув к себе. Вожатая была довольно симпатичной, особенно когда смеялась, и Алан не мог поверить, что прошлой ночью видел именно ее. Совсем не вяжется с тем, как она ведет себя сейчас.

– Все в порядке, мой маленький братик?

Алан ел за столом для посетителей, и Ханна, его сестра, подошла поздороваться.

– Отлично, – буркнул он.

– Тебя как будто кто-то загипнотизировал. Хочешь поехать собирать чернику с пятым домиком или будешь слоняться по пляжу?

Алан выбрал пляж и, взяв с собой экземпляр «Красного дракона», который нашел на территории вожатых, отправился на озеро. Он мог плавать на мелководье, отгороженном канатом, но прыгать с пирса ему запретили, поскольку он не прошел специализированный экзамен. Впрочем, это его не заботило. Он был счастлив сидеть на пляже с открытой книгой, надеясь увидеть вожатую из смежной комнаты. У воды она не появилась, но он заметил ее позже – она давала уроки игры в теннис нескольким воспитанникам, а затем ужинала на террасе барбекю. Каждый раз, когда он ее видел, он чувствовал тошнотворный, но захватывающий прилив адреналина. Он еле дождался вечера, намереваясь снова занять наблюдательный пост у отверстия в стене. Он пожаловался сестре на боль в животе и рано вернулся в свою комнату. Выключил свет и стал ждать, лихорадочно фантазируя, чем еще она могла бы заняться, вернувшись к себе.

Но, едва появившись в комнате, она схватила халат, банные принадлежности и пошла в душ. Когда девушка возвратилась, под халатом

была ночная сорочка, и она сразу же юркнула в постель. Она находилась в полуметре от стены, и Алан мог видеть тонкие светлые волосики на ее ногах. Она глубоко зевнула, закашлялась и выключила свет. Алан лег на спину и превратился в ухо, пытаясь расслышать, не трогает ли она себя между ног, но так ничего и не уловил, кроме разве что застаревшего запаха сигарет. Ее дыхание стало глубоким. В конце концов он тоже уснул.

Больше он ее не видел. На следующее утро, даже если она и была на завтраке, он не смог ее отыскать, а после завтрака Ханна отвезла его на автостанцию. Алан до сих пор помнит то чувство опустошенности, которое охватило его, когда автобус отъехал от станции. Он никогда не увидит безымянную вожатую. Она ушла навсегда.

Он допил свой коктейль, рассчитался и вышел из «Семерок».

На улице Алан обратил внимание, что деревья уже начали цвести. И кстати, они снова мокрые. Должно быть, пока он сидел в баре, прошел дождь. Воздух был чрезвычайно свежим, а вымощенный тротуар потемнел от влаги.

Он поднялся на возвышенность, направляясь к «Таверне святого Стефана», прошел через узорные стеклянные двери и, стараясь выглядеть небрежно, направился прямо к барной стойке. Заказал себе коктейль у милой барменши в облегающей футболке с мишками, откинулся немного назад на вертлюжном табурете и осмотрелся по сторонам. В целом «Святой Стефан» был не намного просторнее «Семерок», но длинная деревянная стойка и полдюжины кабинок помещались вполне свободно. У стойки находились двое мужчин, каждый пил крепкое пиво и ковырялся в своем смартфоне. Алан так и не смог догадаться, пришли ли они вместе или просто сидели рядом.

Большинство кабинок пустовали, но в одной сидели муж с женой и двумя малышами, а в другой – одинокая женщина с крашеными рыжими волосами, уткнувшаяся в ноутбук. Она была совсем небольшого роста – ее ноги болтались, свешиваясь с деревянной скамьи.

Алан повернулся к стойке в тот момент, когда барменша поставила перед ним коктейль. Он поблагодарил ее и сделал глоток. Поскольку пил через соломинку, первый глоток оказался чистым спиртом. Он размешал напиток и убрал ломтик сушеного лайма. Не заметно никаких признаков присутствия Кейт. Может, она просто заскочила выпить глоточек и сразу ушла? Или здесь есть еще и обеденный зал, который Алан не увидел? Он уже готов был спросить у барменши, как вдруг с резким металлическим скрипом открылась дверь женского туалета. Алан повернулся – на пороге стояла Кейт.

Глава 11

Из прокуренного туалета Кейт вернулась обратно в зал. За стойкой сидел Алан Черни и смотрел в ее сторону. Их глаза встретились. В голове зазвенело предупреждение. Он что, следил за ней? Если да, то зачем?

Крутнувшись на барном стуле, он сдвинул бровь, как будто пытаясь идентифицировать ее. Она шагнула к нему.

– Привет, – сказала она.

– Здорово, – ответил он. Он был одет в красивый твидовый блейзер, а под ним была рубашка с потертым воротником.

– Кейт Придди. Я из вашего дома. Живу в квартире Делла Корбина.

– А, да-да. Знаю. Алан.

– Ага, я помню вас. Заскочили выпить чего-нибудь? Часто сюда наведываетесь? – Кейт загадочно рассмеялась. Непринужденность, которая возникла между ними во время первой встречи, куда-то исчезла. Может, из-за того, что в тусклом освещении таверны Алан выглядел как взволнованный оратор перед огромной аудиторией.

– Нет-нет, – сказал он. – Я заглядывал сюда раньше, но не слишком часто. Как вы узнали об этом месте? Мне пришлось прожить здесь год, прежде чем я нашел его.

– Корбин посоветовал. Я заказала ужин. – Она указала поворотом головы на самую дальнюю кабинку, прямо под единственным телевизором, беззвучно транслирующим ключевые аспекты матча по гольфу, который проходил в тех краях, где солнечно и тепло.

– Ладно, не буду вам мешать...

– Отчего же, присоединяйтесь ко мне, – предложила Кейт, удивившись самой себе. – Если вы, конечно, не...

– Ну почему же – я с удовольствием.

Алан прихватил свой коктейль и сел напротив Кейт, которая допивала второй бокал вина. Пока она ходила в туалет, ей принесли порцию куриного чили на огромном блюде, украшенном цветными кукурузными чипсами.

– Вы уже поели? – спросила Кейт.

– Нет, но...

– Вы так посмотрели на мой ужин, и...

Алан рассмеялся.

– Нет, я не голоден. Я все время думаю об Одри. Помните, мы

говорили о ней.

– Помню. Это ужасно. Приходили полицейские, разговаривали со мной.

– Да, со мной тоже. Ну, брали показания.

– Они обыскивали вашу квартиру?

– Нет, а вашу?

– Бегло.

– Хм. – Алан заерзал, закинул ногу на ногу и стукнулся коленом о стол.

Кейт рассказала ему о Джеке Людовико, друге Одри, с которым она пообщалась на улице. Алан внимательно слушал, время от времени прикладываясь к своему коктейлю.

– Как он выглядел? – спросил Алан, когда Кейт сделала паузу, чтобы доесть быстро остывающее чили.

Кейт замешкалась. Пристальное внимание Алана несколько пугало. Может, не следовало приглашать его за свой столик?

– А вы, собственно, почему интересуетесь? – напрямик спросила она. – Сказали, что едва знаете Одри, но не знаю, можно ли вам верить.

Она наблюдала, как Алан принимает решение. На выразительном лице отображались все его мысли. Интересно, известно ли ему, как легко все считывается?

– Добро, – наконец решился он. – Я действительно не знаю Одри Маршалл. Мы никогда с ней не встречались, но я видел ее из окна своей квартиры. Моя квартира точно напротив ее, и обе выходят окнами во двор, так что иногда я наблюдал за ней – знаю, что звучит гнусно, но мои помыслы были чисты. Я не заглядывал к ней в спальню или куда-то там еще, но иногда смотрел, как она читала в гостиной. Она показалась мне такой милой.

– Вам удалось так хорошо рассмотреть ее из окна?

– Нет, честно говоря, не уверен, но мне так *казалось*. Послушайте, я на самом деле понимаю, что это противно. Полагаю, что стал немного одержим ею.

– Каким образом?

– Что вы имеете в виду?

– Каким образом вы стали одержимы и о чем именно вы фантазировали?

Алан так сильно сжал губы, что они стали белыми. Он провел пальцем по ободку стакана.

– Я представлял, что мы могли бы познакомиться и быть вместе. Вот

так. Как ни странно, я уже рисовал картинки, как мы съезжаемся, но потом она начала встречаться с вашим кузеном Корбином.

– Ага, слышала такую версию. От ее друга.

– Он знал?

– Знал. Да. Он сказал, что они периодически встречались, и он, похоже, подозревает моего брата. Думаю, он полагает, что Корбин как-то причастен к случившемуся.

– Как этот парень выглядит?

– Кто, Джек?

– Угу.

Кейт описала его. Рыжие нечесанные волосы, обрамляющие покрасневшее лицо.

– Не знаю, – почесал затылок Алан. – Никогда не видел его в квартире Одри.

Это вовсе не значит, что его там не было, хотела ответить Кейт, но прикусила язык. Что-то в уверенности Алана натолкнуло ее на мысль, что он и вправду был одержим Одри и, вероятно, потратил немало времени, наблюдая за ней в окно.

– Может, он и не бывал в ее квартире, – предположила Кейт.

– Ну да, возможно. Хотя Корбина я там видел.

– В квартире Одри?

– Да, именно так я узнал, что они встречались. Он часто бывал у нее.

– Как вы определили, что они были не просто друзьями?

– Вроде видел, как они иногда целовались, – смутился Алан.

– Вы знали Корбина?

– Да, немножко, – признался Алан. – Я играл с ним в ракетбол. Всего лишь несколько раз. На одной из таких встреч я спросил его об Одри – хотел выяснить, встречаются ли они, – но он все отрицал. Мне показалось это странным, ведь я видел их в окно и знал, что между ними что-то было. Просто не понимаю, почему он отпирался.

– Может быть множество причин, – сказала Кейт, доев наконец несколько кусочков чили, остававшихся на тарелке. – Вероятно, он встречался с кем-то еще, а может, и Одри была несвободна. Кто знает, возможно, Корбин просто считал вас длинноносый мерзавец и не хотел откровенничать.

На лице Алана засияла красивая улыбка, так контрастирующая с его худобой.

– Все может быть, – проговорил он.

– Что именно? Длинноносый мерзавец?

– Ага, именно, – улыбнулся он. – Не знаю. Полагаю, я просто впал в паранойю. Мне показалось подозрительным, что он отрицает связь с Одри, – я же точно знал, что они встречаются.

– Итак, вы подозреваете Корбина? Вы на это намекаете?

– Когда он уехал в Лондон?

– Джек интересовался. Он улетел в четверг ночным рейсом. Не знаю точно, в котором часу, но в Лондон он прилетел рано утром, так что теоретически...

– Теоретически он мог убить Одри.

– Полагаю, что да.

– И полиция, кажется, тоже заинтересовалась, – подытожил Алан, наклоняя стакан, чтобы допить напиток. – Они обыскивали вашу квартиру – его квартиру. Как она выглядит?

– Как из дизайнерского журнала, правда, устаревшего. Апартаменты принадлежали его отцу, а теперь там живет он.

– Не знал об этом.

К ним подошла официантка, чтобы узнать, не желают ли они еще чего-нибудь. Алан заказал коктейль, а Кейт попросила воды.

– Эта смена часовых поясов просто ужасна, – нахмурилась девушка. – Я полностью потерялась во времени. Всю вторую половину дня я просто валилась с ног, зато перед рассветом уже вскочила с кровати – сна ни в одном глазу.

– Раненько. Который сейчас час? – спросил Алан, и по его лицу пробежала легкая улыбка.

– Такое ощущение, что уже полночь, но думаю, около шести вечера.

Алан вытащил из кармана телефон и посмотрел на экран.

– Начало седьмого. – Он положил мобильник на поцарапанный деревянный стол, и Кейт заметила на экране заставку в черно-фиолетовых тонах – постер к фильму «Изгоняющий дьявола»^[10]. Это одна из ее любимых картин, но она ничего не сказала. Она всегда любила фильмы ужасов, несмотря на пережитые травмы и буйное воображение. Они успокаивали ее, демонстрируя, что кошмары гнездятся не только в ее голове – страхи присущи и другим людям, пусть и вымышленным. Экран погас, и Кейт только тогда сообразила, что неотрывно пялилась в чужой телефон.

– Я ухожу, – засобиралась Кейт. – Думаю, мне пора возвращаться. Я вовсе не пытаюсь сбежать от вас.

– Ничего страшного, если нужно, – улыбнулся Алан. – Я все понял.

– Почему вы так говорите?

– Потому что полчаса назад я поведал вам, как шпионил за соседкой в окно и стал одержим ею.

– Нет же. Я действительно устала. И никого не сужу за одержимость. Я сама все время думаю об Одри Маршалл с тех пор, как приехала сюда.

– Ее убили в соседней квартире...

– Нет, я забеспокоилась раньше. Услышав, что она пропала, я уже знала: произошло что-то плохое. Впрочем, в мою голову всегда лезут дурные мысли – такова моя природа, – но на этот раз я оказалась права.

Появилась официантка с коктейлем Алана, поинтересовалась, не хотят ли они еще чего-нибудь. Кейт попросила чек, Алан последовал ее примеру.

– Можно я провожу вас до дома? – спросил Алан.

Кейт представила себе длинную узкую улочку, по которой нужно пройти от таверны до хорошо освещенной и бойкой Чарльз-стрит. Может ли Алан оказаться убийцей? Он явно был одержим Одри. Причем на расстоянии. И если он преступник, то почему пришел и выложил все начистоту? Чтобы раздобыть информацию? Разузнать, что она пронюхала?

– Ничего страшного, если... – Алан как будто прочитал мысли Кейт.

– Нет, мы может пойти вместе. Извините, я задумалась.

Они оплатили счета – каждый свой – и вышли на темную улочку. Алан не стал допивать коктейль. Дождь прекратился, но с деревьев все еще капало, а тротуар был укрыт опавшими головками магнолий. В воздухе витал цветочный аромат.

«Если мы доберемся до конца улочки и Алан не удавит меня, значит, он никогда этого не сделает», – подумала про себя Кейт. Она начала молча считать шаги, но Алан словно прочитал ее мысли:

– Я не имею никакого отношения к случившемуся с Одри.

– Знаю, – заверила его Кейт.

– Как думаете, может, пойти в полицию и рассказать все, что мне известно?

– Вы имеете в виду то, что знаете о Корбине?

– Ага.

– Это может иметь смысл, если Корбин не опередил вас. Не факт, что вы обладаете важной информацией. Возможно, полиция уже получила нужные сведения. Я постараюсь разузнать. Обязательно напишу сегодня Корбину. Я все откладывала, потому как не знала, получил ли он известие от полиции.

– Дадите мне знать?

– Хорошо, – кивнула Кейт. Они прошли половину крутого спуска. Кейт в своих сапожках шла медленно, боясь растянуться на мокрой плитке: из-за

оппадающих цветов и недавнего дождя дорога стала скользкой. Она представила, как падает, катится прямо на проезжую часть Чарльз-стрит и там ее настигает огромный американский внедорожник. Но они справились со спуском и благополучно прошли остаток дороги до Бери-стрит. Часть пути они проболтали, и Кейт снова почувствовала непринужденность в общении с Аланом, как во время первой встречи, – как будто они знали друг друга много лет. Вспомнилось, что однажды она ощущала нечто подобное по отношению к Джорджу Дэниэлзу.

Они расстались в вестибюле дома, и Кейт пообещала рассказать Алану, что удалось выведать у Корбина.

– Заходите ко мне. Вы знаете, где я живу. – Он криво усмехнулся.

– У вас та же сторона, что и у меня?

– Точно. – Они попрощались.

В вестибюле ошивался кот Сандерс. Заприметив Кейт, он пристроился за ней и сопровождал по ступенькам и дальше по коридору до самой ее двери. Она слегка приоткрыла дверь и поставила ногу у косяка, чтобы закрыть ему путь в квартиру, но он невозмутимо перепрыгнул через преграду и оказался внутри. Она вошла следом и закрыла за собой дверь. Кота нигде не было видно, но она решила не волноваться. Он принадлежит всем – это же очевидно.

Она подошла к ноутбуку и открыла страничку почтового сервиса. Корбин написал ей:

«Только что узнал от полиции о случившемся. Полный шок. Я не слишком хорошо ее знал, но, конечно, был немного знаком. Ты не в курсе, что произошло? В полиции говорят, что она мертва. Это суицид? Как у тебя дела? Мне жаль, что твои первые дни в Америке оказались такими напряженными. Если захочешь вернуться, я пойму. Должно быть, страшно поселиться на новом месте и вдруг узнать, что соседка мертва. Поверь, это безопасный дом.

Это не так уж важно, но мне нравится в Лондоне, и твоя квартира – в надежных руках. Сообщай мне все новости. Еще раз извини, Корбин».

Кейт прочла сообщение дважды. Почему он отрицает связь с Одри Маршалл? Почему не называет ее по имени?

Перед тем как ответить брату, Кейт просмотрела другие письма. Большею частью спам, но было и сообщение от Марты Ламберт – она жила на первом этаже в ее лондонском доме. Как только Кейт въехала – около года назад, – Марта немедленно назначила себя на роль ее новой лучшей подруги. Кейт не возражала, хотя личные интересы Марты ограничивались пабами и свиданиями с мужчинами. Когда Кейт переезжала в Лондон, она

была настроена побольше общаться, и Марта, которая постоянно приглашала ее то в одно место, то в другое, по крайней мере, облегчила исполнение этих намерений. Ее письмо, что вовсе не удивительно, было посвящено Корбину:

«Скучаю по тебе, Кейт, но очень довольна твоей заменой. Думаю, не стоит говорить, что он красавчик. Ты бы видела отвалившуюся челюсть Майкла, когда он его встретил. Он приветлив, но не буду вдаваться в подробности прямо сейчас. Как тебе там? Как новая квартира? Чмоки, милая! Скучаю по тебе. Марта».

Кейт открыла новое окошко, чтобы изобразить ответ, и с минуту соображала, что бы такое написать. Может, нужно ее предупредить? Боковым зрением она уловила некое движение рядом – сердце екнуло. Это был всего-навсего Сандерс, вернувшийся из путешествия по комнатам. Он уселся рядом и вопросительно посмотрел на Кейт.

– Его здесь нет, – сказала она вслух.

К ее удивлению, Сандерс ответил жалобным «мяу».

Она встала, открыла входную дверь, и Сандерс вальяжно проследовал в коридор, погладив на прощанье хвостом ее ногу. Она закрыла дверь и прижалась к глазку – хотелось посмотреть, куда он пойдет, – но кот исчез из зоны видимости.

Она вернулась к письму. Нужно ли предупреждать Марту насчет Корбина? Конечно же да, но она хорошо знала подругу и понимала, что все это останется без внимания. Она написала следующее:

«Не смей осквернять мою постель. Это все, о чем я прошу. Бостон – славный город, а квартира Корбина больше моей. Более детально поведаю после. Все еще страдаю от смены часовых поясов. Кейт».

Она не хотела подробно рассказывать о квартире. Если Марта догадается, насколько Корбин богат, ее хищнический инстинкт раздуется до небес.

Кейт открыла новое окно браузера и хотела написать ответ Корбину, но вдруг задумалась. Что ему говорить? Она решила рассказать правду, опустив тот факт, что узнала об этом от Алана, – то есть вообще его не упоминать. Итак, она сообщила, что приходила полиция, просила разрешения на обыск и она согласилась. Упомянула также о ключе. Как минимум, если он против, чтобы полиция проводила обыск без ордера, то скажет об этом. Она нажала кнопку «отправить». В Лондоне уже за полночь. Интересно, Корбин еще не спит?

Перед тем как отложить ноутбук, Кейт поискала информацию о смерти Одри Маршалл. Нашла сообщение, в котором указывалось, что тело с Бери-

стрит, 101 опознано как Одри Маршалл, смерть рассматривается полицией как подозрительная.

Кейт кликнула на ссылки еще нескольких новостей, выпавших по результатам поиска, – везде одно и то же, информации практически никакой. Она пошла в спальню и взяла ежедневник. Она знала, что завтра в час дня у нее первое занятие по дизайну в Кембридже, но дважды перепроверила. Решила выехать пораньше, чтобы без нервов разобраться с общественным транспортом и спокойно добраться до школы от станции метро «Портер-сквер». Неожиданно она почувствовала себя обессиленной и присела на краешек кровати, но вместо того чтобы лечь, укутаться в одеяло и уснуть, она схватила роман Дика Фрэнсиса, который начала раньше, а также свою обшарпанную книгу «Я захватываю замок», перечитанную много раз.

Взяла обе книги, стеганое одеяло и потащила через всю квартиру в кабинет на кожаный диван. Она открыла Дика Фрэнсиса, прочитала один абзац, и глаза закрылись. Книга так и осталась лежать на груди.

Кейт вернулась в апартаменты Одри и застала там Алана. Припав к полу, он мотал головой и смотрел на нее. *«Это не Алан, – подумала Кейт. – Это, скорее всего, Джордж»*. Но то был Алан. Он впился ногтями в пол, как будто пытался отыскать что-то в деревянном покрытии. Открыл рот, и оттуда вылетело кошачье «мяу». Он продолжал скрести, ногти клацали по полу, угрожая проделать в нем дыру. Затем он снова мяукнул, уже гораздо громче – прозвучало как плач по покойнику. Кейт проснулась от резкого звука, обе книги вместе с одеялом свалились на пол.

Сандерс вернулся в квартиру и драл когтями подлокотник дивана.

Глава 12

Корбин Делл выбрался из такси и окунулся в прохладу позднего утра. Дождем не пахло, но атмосфера была пропитана сыростью, небо казалось низким и белым. Корбин не был в Лондоне с весеннего семестра своего третьего курса, который он провел на Хатчинсонском факультете бизнеса, и поэтому не знал, каким будет возвращение в город, перенаселенный призраками. Но ему было хорошо. Он чувствовал себя уставшим, поскольку во время полета из Бостона в Дублин проспал всего около часа. К тому же выпил плохого кофе во время длительной остановки, связанной с пересадкой, и сейчас был немного нервным. Его подташнивало, во рту ощущался горьковатый вкус. После долгой дороги из Хитроу воздух на улице казался приятным.

Водитель вытащил багаж Корбина и поставил на тротуар. Шипскарлейн была длинной и серой, тротуары были обсажены подстриженными деревьями. Рабочие ремонтировали участок дороги, и в воздухе резко пахло теплым гудроном. Именно этот запах всколыхнул в нем старые воспоминания. Будучи студентом, Корбин жил в Кэмден-тауне, тоже на севере Лондона, и густой немного сладковатый запах гудрона всегда витал в воздухе. Он уже и забыл об этом. Он снова чувствовал себя как в свои двадцать, когда, наконец потеряв девственность, возвращался прохладным ранним утром из квартиры Клер, которая находилась по другую сторону Риджентс-парка. Он был тогда счастлив и весел, но воспоминания о тех деньках оказались тягостными – по многим причинам. Может, не следовало возвращаться после всего, что случилось, думал Корбин.

Квартира Кейт располагалась в приземистом каменном здании с небольшим клочком палисадника, которого хватит разве что для куста среднего размера. Фасад был белым, входная дверь насыщенного синего цвета была обрамлена небольшими застекленными окошками. В проходе висело три почтовых ящика, и Корбин вытащил конверт из ящика квартиры № 2 – внутри чувствовались контуры ключа. Он вынул его, открыл дверь и затащил свой гигантский чемодан швейцарской фирмы «Викторинокс» через порог в узкий, с высоким потолком вестибюль. Наружная дверь захлопнулась за ним, и внутри стало темно, несмотря на множество маленьких окошек. Корбин щелкнул выключателем, и из подвешного светильника полился желтый свет. Пол в фойе был покрыт черно-белым линолеумом, а стены густо покрашены в светло-голубой цвет. Он затащил

свой багаж по лестнице на второй этаж и зашел в квартиру.

Кейт подробно описала свое жилище в одном из электронных писем, но планировка все же удивила Корбина. Наружная дверь вела в спальню, затем наверх шла короткая лестница – на полпути примостилась ванная, а остальные комнаты, кухня и гостиная с видом на залив были размещены на втором ярусе. Окна гостиной выходили на улицу, а спальни – на мощный внутренний дворик, который образовался из-за того, что здание с обеих сторон было достроено. Корбин допустил, что замкнутое пространство могло вызывать приступы клаустрофобии. В принципе, квартира показалась удобной и, хотя была декорирована не по-женски, выглядела вполне уютно. Везде – на кровати в спальне и на диване в гостиной – лежали яркие пледы и большие подушки. Белые стены были украшены графическими принтами.

Корбин сходил в туалет, распаковал одежду и сложил ее в пустой ящик, который Кейт освободила специально для него и пометила стикером. Он хотел принять душ, но был слишком уставшим. В висках пульсировала давящая головная боль, а плечи окаменели после перелета. Он глотнул четыре таблетки ибупрофена. Вода из крана была ужасна, и он мысленно отметил, что нужно как можно скорее купить ящик бутилированной. Он снял с себя все, кроме трусов и футболки, и вытянулся на диване в гостиной с длинной запиской от Кейт, которую нашел в квартире. Она, похоже, потратила кучу времени на написание исчерпывающего путеводителя по местным пабам и ресторанам. Досадно, что он не сделал то же самое. В конце концов, он может написать ей письмо по электронке и предложить некоторые интересные места. Зато он оставил ей бутылку шампанского в холодильнике – это чего-то да стоит. Кроме того, подожди – когда она увидит его квартиру, будет впечатлена, он уверен на сто процентов.

Кейт сейчас должна лететь в самолете где-то над Атлантикой. Он пытался представить ее себе, но не преуспел. Раньше он видел всего-то пару ее фотографий, и то достаточно старых. Один снимок отец привез из путешествия по Англии за год до своей смерти. Он ездил на большую семейную свадьбу. Тогда он еще пытался взять с собой Корбина и его брата Филипа. Однако Филип никогда бы не поехал, поскольку это огорчило бы его мать, а он не делал ничего, что могло бы ее расстроить. Корбин же отказался из-за работы. Вернувшись, Ричард Делл распечатал цифровые фотографии и обрезал их под размер стандартных, чтобы вставить в альбом. Ричард показывал Корбину этот альбом, обращая внимание на многочисленных английских родственников. Именно тогда Корбин впервые

увидел Кейт, которая стояла на фото между своими родителями. Ее мать приходилась Ричарду двоюродной сестрой.

– Моя любимая кузина, – говорил он Корбину. – Мы были больше чем брат и сестра, правда, а эта девочка, Кейт, вылитая мать...

Он умолк. Через несколько лет после развода Ричард вышел на пенсию и с тех пор заметно постарел. Не только физически, хотя этого не отнять, но и внутренне. Он казался слабым, а иногда – слишком сентиментальным.

– Может, мне не следовало уезжать из Лондона, – сказал Ричард, после того как они просмотрели все снимки.

– Ну, тогда...

– Тогда у меня не было бы тебя, мой мальчик, но твоя мать...

Корбин не нуждался в этих высказываниях. Он уже наслушался предостаточно.

Другую фотографию Корбин увидел на аватарке почтового сервиса сестры – небольшое квадратное цветное изображение Кейт вполоборота. Лицо на три четверти затенено книгой, которую она держит в руках, и только глаза смотрят в камеру.

Где-то здесь должны быть ее фотки, подумал Корбин и хотел было подняться с дивана, но передумал. «Еще будет время, – сказал он себе. – Я здесь на целых шесть месяцев», – подумал он и даже ужаснулся. Он несколько раз зевнул, клацнув челюстью. В оконное стекло били брызги дождя. Он уснул.

Он проснулся быстро, как всегда, – глаза открылись сами, мозг в полном сознании, остатки сна улетучились, так что и спичка не успела догореть. Он приподнялся и сел. Головная боль прошла, но теперь он почувствовал зверский голод. Проверил телефон – еще не вечер.

Он пошел на кухню, нашел яблоко и сожрал его, оставив огрызок толщиной с карандаш. Позаглядывал в ящики в поисках чего-нибудь съестного, но почти ничего не нашел. В кухне все было миниатюрным, включая холодильник, – не намного больше, чем в общежитии. Он обнаружил крошечный столик со светло-кремовым покрытием, задвинутый в нишу. Думал, что посудомоечная машина, но оказалось, что стиралка. Корбин осмотрелся, но так и не смог найти сушилку. Надо будет спросить у Кейт. Кстати, нужно проверить почту, тем более что из офиса еще не было вестей и он собирался отчитаться в понедельник. Он вернулся в гостиную, нашел в приветственной записке Кейт инструкции по беспроводной сети и подключился к интернету. Он открыл почту и проверил сообщения, мозг быстро сканировал информацию в поисках имени Одри Маршалл, хотя он знал, что не получит от нее сообщений – это невозможно. Написал его брат,

интересовался, когда он отправляется в Лондон.

Корбин проверил послематчевые результаты бейсбольной команды «Ред сокс» за прошлую ночь, потом настроил сообщение Кейт, поблагодарив ее за подробную записку и упомянув о сушилке. Затем закрыл ноутбук, оделся и пошел на поиски еды.

Часы показывали меньше половины пятого, а «Говядина и пудинг» – ближайший паб, который посоветовала Кейт, – был забит до отказа. Корбин занял обитую тканью скамейку за низким столиком, подождал несколько минут официантку, но потом вспомнил, что в Англии заказы принимаются за стойкой. Он оставил на своем месте пиджак и начал проталкиваться к центру бара. Заказал крепкий ирландский портер^[11], очень холодный, а когда спросил о еде, ему указали на большую доску, на которой зеленым мелком было написано меню. Он попросил спагетти болоньезе и вернулся на свое место.

Корбин потягивал пиво, а когда принесли заказ, старался есть как можно медленнее, а не набрасываться на пищу, как голодная собака. Покончив со спагетти, он снова пошел к стойке – решил попробовать еще нефilterованного пива, поскольку никогда раньше его не пил. Ему предложили какой-то «Аббатский эль» пивоварни «Грин кинг», и он уже прикончил полбокала, как вдруг к нему подошла девушка в узких джинсах и узорчатом свитере. Сказала: «Привет!» – и поинтересовалась, не приходится ли он кузенom Кейт Придди.

– Я услышала твой американский акцент. Я твоя соседка, живу этажом ниже.

Они немного посидели вместе, затем она познакомила его с барменшами, а также с несколькими друзьями. Ее звали Марта, она то и дело бегала в туалет и каждый раз возвращалась с обновленным слоем ярко-красной губной помады. Он продолжал цедить свой «Аббатский эль», она пила белое вино, но в конце вечера переключилась на коктейль с водкой. Они шли домой под мелким морозящим дождиком, и рядом с Шипскар, 684 неожиданно прилипли к временному мусорному контейнеру, целуя и лапая друг друга. Она кусала мочку его уха и шептала, как ей нравится его акцент. Он скользнул рукой вниз по спине к ее джинсам, прикоснулся к тонкому шелку ее трусиков – и моментально протрезвел. По телу разлилось мерзкое сочетание страха и отвращения. И хотя он знал: вероятность того, что за ними кто-то наблюдает, чрезвычайно мала, – это ощущение не покидало его. Как всегда.

Пришлось собрать волю в кулак, чтобы не оттолкнуть пьяную

девушку. Но целовать ее он больше не мог.

– Умираю от усталости, – оправдывался он.

– Конечно, бедняжка, – ответила она. Рот был перепачкан губной помадой, глаза слегка косили. Корбин услышал отдаленный смех, доносящийся сквозь дождь. Это другая пьяная компания возвращалась после ночных посиделок. Капля холодного дождя проскочила за воротник и начала стекать вниз по спине. Его пробила дрожь. Через минуту – ужасную минуту – он почувствовал вкус спагетти в горле и подумал, что его сейчас вытошнит. Но беда миновала, и он сказал Марте, что ему действительно нужно поспать. Они вошли в дом, и на лестничной площадке Марта снова начала целовать его. Он стиснул зубы, но кончик ее настойчивого языка попытался протолкнуться внутрь.

Войдя в квартиру, он заскочил на кухню и с жадностью начал пить воду, после чего принял четыре таблетки ибупрофена. На самом деле он не устал. Он слишком много спал в тот день. Кроме того, хотя в Лондоне пробило полночь, в Бостоне не было еще и восьми. Кейт сейчас, должно быть, пытается бодрствовать. Он постарался представить ее в своей бостонской квартире, но не смог. Все как-то не так.

Отжавшись сотню раз на оранжевом ковре в спальне, Корбин включил душ, осторожно перешагнул через высокий край ванны и встал под струю почти горячей воды. Он закрыл глаза, вода лилась сзади на шею, и он стоял так долго, пока вода в конечном счете не остыла. Дрожа, он выбрался из ванны, надел хлопковые пижамные штаны и забрался под одеяло. Мягкие фланелевые простыни были туго заправлены по углам кровати, и он высунул ноги из-под одеяла. Он мог уснуть только в таком положении, даже если было холодно. Кровать оказалась несколько мягче, чем нужно. Он выключил прикроватный светильник, но через открытые шторы в комнату проникал свет с улицы, и вскоре глаза привыкли к темноте настолько, что он смог прочитать надпись на плакате, висящем напротив. ЛИЦО В УГЛУ: ПОРТРЕТЫ ЖИВОТНЫХ, ЛОНДОНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГАЛЕРЕЯ, 1998. На постере была изображена дама, а на переднем плане – черная кошка, запустившая лапу в аквариум с золотой рыбкой. Корбин вспомнил про Сандерса – кота, который часто ошивался в его квартире. Мысли о Сандерсе пробудили в нем размышления обо всем, что осталось позади, но он осадил себя. Закрыл глаза и попытался уснуть. Несмотря на душ, он все еще чувствовал на себе запах Марты, девушки из паба. Интересно, думает ли она о нем? Конечно же да. Он мог бы прямо сейчас спуститься к ней и оттрахать ее по полной программе, если бы только захотел. Но эта идея вызвала в нем скорее печаль, чем энтузиазм. Он

представил, как меняется ее пьяное выражение лица, когда она открывает дверь, как она возбужденно приподнимает бедра, чтобы он стянул с нее крошечные трусики. Отвратительный выжидающий взгляд. Затем он представил страх в этих глазах.

Он перевернулся на живот и, уткнувшись лицом в незнакомую подушку, пахнущую цветочным стиральным порошком, попытался отключить мысли. На некоторое время это удалось. Может быть, все из-за того, что он в Лондоне? Возможно, то, что он приехал сюда, было большой ошибкой. Казалось, пятнадцать лет – достаточный срок, но выяснилось, что нет. Она весь день не выходит у него из головы. И он позволил себе думать о ней, думать о Клер Бреннан, девушке, изменившей его жизнь.

Глава 13

Хатчинсонский факультет бизнеса и экономики, на котором Корбин Делл обучался во втором семестре третьего курса, находился в уродливом квартале с домами в георгианском стиле к югу от станции метро «Морнингтон кресент». Факультету принадлежал паб «Три ягненка» – обшита панелями студенческая забегаловка. Именно там Корбин встретил Клер Бреннан, которая в ту ночь работала в баре.

– Что здесь есть вкусенького? – попытался он перекричать песню группы «Коулдплей», звучащую из динамиков.

Она убрала иссиня-черную прядь волос за ушко и наклонилась к нему через стойку.

– Извините, что вы сказали?

Корбин хотел повторить свой вопрос, но взгляд ее холодно-синих глаз ввел его в ступор. Он мельком взглянул на пивные бочки и выбрал наугад сорт пива.

– Пинту или половину? – спросила она. У нее был густой певучий голос.

– Половину, – сказал Корбин, даже не понимая, что это значит.

Корбин потягивал пиво из маленького бокала. Это была его вторая ночь в Лондоне. Накануне он вместе с другими американскими студентами посетил инструктаж. Рекомендации в основном были посвящены тому, как найти квартиру в городе. Молодые американцы, схватив списки агентств недвижимости, сформировали маленькие группки и ринулись на поиски жилья. Корбин уже знал, где остановится, поэтому ему не нужно было никуда бежать. Отец устроил его в гостевой комнате на квартире у друзей. Крошечная квартирка на третьем этаже узкого кирпичного дома располагалась в жилом квартале к югу от реки. По размерам его спальня больше походила на чулан. Судя по скудной обстановке в других комнатах – стереосистеме, загруженному бару, кровати с атласными простынями в хозяйской спальне, – эта квартира, вероятно, использовалась коллегой отца в качестве секс-убежища.

– Он там никогда не бывает, – заверил отец. – У тебя будет своя холостяцкая берлога в Лондоне.

Корбин уже ненавидел свое жилье и пошел в «Три ягненка» в надежде встретить других студентов. Получив свое пиво, он облокотился на стойку бара и осмотрел помещение, наполовину заполненное студентами, которые

в большинстве своем сидели группками по три-четыре человека. Он с ужасом заметил, что из маленьких стаканчиков пьют только девушки, мужская половина зала употребляет не меньше пинты. Внезапно он почувствовал глубокую ненависть к барменше. Зачем она вообще спрашивала, какой стакан он хочет? Очевидно же, что ему нужна пинта.

Он повернулся спиной к залу и в два глотка осушил свой стакан. Барменша обслуживала троих студентов – все заказали по пинте «Фостерс». Корбин решил последовать их примеру и терпеливо ждал, пока она их обслужит. Она смахивала пену и доливала стаканы до края. Управившись наконец с предыдущими клиентами, она обратила свой взор на Корбина. Он заказал «Фостерс», добавив, что ему *большой* стакан. Она улыбнулась в ответ, и Корбин почувствовал сильное желание вмазать ей по зубам.

Он взял свой «Фостерс» – напиток был гораздо вкуснее предыдущего – и сел возле стойки бара на высокий табурет у стены, обшитой панелями, стараясь выглядеть скучающим и безразличным. Он осмотрел комнату, но американцев не заметил. У стойки образовалось временное затишье, и барменша вышла собрать пустые стаканы, разбросанные по столам. Проходя мимо Корбина, она остановилась и поинтересовалась, не из Америки ли он.

– Да, я из приезжих студентов, – признался он.

– Не знаешь кого-нибудь, кому нужна комната? Моя подруга ищет жильцов.

– Где?

– В Кэмдене. Недалеко отсюда.

Корбин сказал, что, возможно, ему это может быть интересно. Признался, что у него уже есть жилье, но там противно. Поведал, что живет в квартире для сексуальных утех, предоставленной другом отца, добавив зачем-то, что она завалена фаллоимитаторами и ящиками презервативов. Барменша рассмеялась, откинув голову и обнажая свою молочно-белую шею.

– Значит, взглянешь на ту квартиру? – спросила она.

Корбин согласился, взял адрес и на второй день переехал примерно в такую же мутную квартиру, но она, по крайней мере, находилась ближе к факультету. Он делил ее с угрюмой ирландкой, главным преимуществом которой было то, что она всегда отсутствовала, а когда объявлялась, бесконечно плакалась кому-то по телефону в своей спальне. Другим ее преимуществом было знакомство с темноволосой голубоглазой барменшей по имени Клер Бреннан. После короткого разговора в «Трех ягнятах»

первоначальная ненависть Корбина преобразовалась в страстное увлечение.

До поездки в Лондон Корбин сказал себе, что не станет заводить романтических отношений за границей. В прошлом семестре он встречался с первокурсницей по имени Сара Шарфенберг, которая жила в его общежитии на одном с ним этаже. Эта девушка со Среднего Запада была редким экземпляром и не пыталась в первую же неделю перетрахать со всеми членами братства. Она говорила Корбину, что практически девственна и не хотела бы торопиться. Он нормально отнесся к этому. Он даже повез ее в выходные в Нью-Эссекс показывать дом своей матери, зная, что никого из семейства не будет. Она была впечатлена. Ему понравилось выражение ее лица, с которым она осматривала громадный дом с видом на океан и коллекцию картин его матери.

Когда они вернулись в общежитие, она достала презерватив и прошептала ему на ухо:

– Я хочу заняться с тобой любовью. Прямо сейчас. – Слова казались отрепетированными, а голос театральным, с придыханием. Они разделись догола, но Корбин почувствовал омерзение. При плохом освещении она неожиданно стала выглядеть дешевой и толстой, и Корбин увидел потемневший зуб, которого раньше не замечал. У него не встал, и он сообщил, что не в настроении. Она бесконечно повторяла, что все нормально, и даже пыталась помассировать ему шею, чем только усугубила ситуацию.

После этого он прекратил с ней встречаться, хотя в последнюю ночь первого семестра напился и начал ломиться к ней в комнату. Он решил в конце концов дать девушке то, чего она хочет. Ее соседка по комнате сказала, что Сара, вероятно, ночует у своего бойфренда. По тому, как соседка посмотрела на него, сразу стало понятно, что она наслышана обо всей этой истории.

– Гребаная шлюха, – выругался Корбин и ушел в свою комнату.

А сейчас он в Лондоне. Решил избегать девушек и секса, а сам тут же запал на Клер Бреннан.

Ее легко было найти – по вечерам она в основном работала в «Трех ягнях». Корбин мимоходом заскакивал туда, обычно один. Оказалось, что они с Клер в одном классе по дисциплине «Введение в макроэкономику». Иногда вечером он брал учебник, и они вместе обсуждали какую-то тему. Корбин попивал пиво, а Клер за барной стойкой – вино. Они были одного возраста – обоим едва стукнуло двадцать, – но, в отличие от американских девушек, она казалась зрелой и умудренной опытом. Она работала, чтобы

оплатить образование, и презирала большинство американских студентов, которые каждый семестр приезжали в Лондон и все три месяца не вылезали из бара.

– К тебе, Корб, это не относится, – уверяла она. – Ты на одну ступеньку выше этих козлов, только на очень маленькую ступеньку. – Она показала пальцами размер ступеньки, и на лице появилась широкая улыбка.

Они редко виделись за пределами «Трех ягнят» и совместных занятий, но перед первым экзаменом закончили свое обучение в квартире Клер в Куинз-парке. Это была крошечная однокомнатная квартира, в которой хватало места только для кровати, стола и стула. Они готовились к сдаче на кровати.

– Оставайся здесь, – предложила она, когда они наконец решили оторваться от книжек. Было далеко за полночь, и метро уже не работало.

– Я могу взять такси, – отнекивался Корбин.

– Не будь *иджиотом*, – с нарочитым акцентом произнесла она. – Оставайся здесь.

– Я дал себе что-то вроде клятвы – не заводить интрижек в Лондоне.

Она засмеялась.

– Господи, никто тебе и не предлагает.

Они уснули, не прикасаясь друг к другу, но как только забрезжил рассвет, молча начали целоваться. Корбин не успел рассказать, насколько серьезны его намерения не заводить любовных связей, – они занялись сексом. Все случилось так быстро, что у Корбина не было времени даже подумать, не то что запаниковать. Потом они снова целовались, и Клер опять уснула. Корбин не признался, что он занимался этим в первый раз.

Возвращаясь домой холодным свежим утром, он чувствовал не просто ликование, а ощущение какого-то самоутверждения, что ли. Он не виноват. Это череда жалких неопытных подруг создала конкретную проблему. Ему просто нужно было найти настоящую женщину, и он наконец нашел ее.

Он провалил экзамен – здесь этим никого не удивишь – и продолжил встречаться с Клер, их отношения полностью отличались от прежних. В частности, они редко говорили о том, что произошло между ними. Не потому, что Корбин не хотел, – просто она пресекала подобные разговоры. Каждый раз, когда он затрагивал эту тему, она либо отшучивалась, либо называла его идиотом. Корбин стал сосредотачиваться на том, чтобы угадать, о чем она думает, начал заикливаться на малейших подсказках, которые могли бы указать на ее настроение. Из-за этого он злился на себя, но в то же время понимал, что влюблен. Однажды, после алкокруиза по Темзе, организованного факультетом, он напился и признался ей в этом. По

дороге домой их застал ливень, они шмыгнули под навес закрытой пекарни и начали целоваться.

– От тебя пивом несет, – сказала она.

– Я люблю тебя, – ответил он.

Она по-доброму рассмеялась и начала яростно целовать его.

– Ты мой любимый америкашка, – сказала она и снова рассмеялась.

– Спасибо, – нахмурился Корбин и решил больше никогда не говорить о своих чувствах.

Так он и сделал, а их отношения – по крайней мере он считал это отношениями – продолжались до последней недели семестра. Корбин беспокоился об их совместном будущем и собирался пригласить ее к себе в Америку на летние каникулы. Но пока он готовился начать важный разговор, все изменилось. Это был четверг. Корбин потягивал пиво из большого стакана в крупном безымянном пабе неподалеку от своего дома и перечитывал учебник. К столу подошел Генри Вуд – другой американский студент, который занимался по той же программе.

– Учишься? – спросил Генри.

– Ага. – Корбин продемонстрировал обложку книги.

– Без пол-литры не разберешься, правда?

– Вот именно, – согласился Корбин.

За время пребывания в Лондоне Корбин со многими студентами не успел даже познакомиться, но Генри он знал – Генри знали все. Он был одним из тех, кто легко шел на контакт, помнил все имена, всегда мог поддержать разговор. Вскоре после ознакомительной недели он устроил вечеринку на первом этаже своей квартиры в Хэмпстеде. Была холодная сырая ночь, но Генри зажег огни в общем саду и даже прикупил выпивку. На вечеринке присутствовали не только американцы, но и английские соседи – неожиданные друзья на всю жизнь, приобретенные Генри за короткий период пребывания в Лондоне.

Ночью начался снег, маленькие снежинки таяли, едва прикасаясь к земле, но никто не ушел, гости оставались в огороженном садике до глубокой ночи. В первые пару часов Корбин чувствовал себя неловко, но вскоре пиво подействовало, и прежде чем он понял это, уже было два часа ночи. Он разговаривал о студенческом футболе с девушкой из университета Ричмонда и мускулистым парнем из Бейлора, который свесил на нее свои обнаженные татуированные руки. Решив, что пора уходить, Корбин извинился и побрел в квартиру искать туалет. Генри стоял в дверях своей спальни с незажженной сигаретой в зубах. Корбин, вообще-то, ненавидел мужиков с длинными волосами, но темные волосы Генри – не меньше пяти

сантиметров ниже плеч – не портили его. Это был невысокий парень с мощной грудью, широкими плечами и мелкими чертами лица. Корбин представил себе лиса, наделенного человеческими качествами, дерзкого и обаятельного.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась высокая рыжая девчонка в короткой юбке. Она прошмыгнула мимо Корбина в спальню, скользнув рукой по груди Генри.

Парень улыбнулся, не вынимая сигарету из рта, и кивнул головой в направлении спальни, зазывно приподняв бровь. Корбин на минуту смутился, но потом сообразил, что Генри предлагает присоединиться. Корбин непринужденно поднял обе руки и покачал головой. Он почувствовал, как кровь прихлынула к лицу, и нырнул в ванную. Когда он вышел, двери спальни уже были закрыты.

После вечеринки Корбин еще несколько раз сталкивался с Генри, но тот не подавал виду, что помнит о случае в коридоре. Корбин вообще начал сомневаться, правильно ли он его понял. Действительно ли его звали в спальню на секс втроем? Подробности той ночи выглядели размытыми, и сейчас он уже не был так уверен. Но каждый раз, когда Корбин видел Генри, он чувствовал какое-то беспокойство в груди и обнаруживал, что при разговоре начинает запинаться. Не то чтобы ему нужно было что-то доказать Генри, который любил поболтать и гордился тем, что знает все обо всех. Корбин пытался убедить себя, что – Генри бестактный выпендрожник, но каждый раз, когда они оказывались рядом, он пытался в некотором роде понравиться Генри. Шуткой или какой-то историей, которой Генри еще не знал. И когда у него получалось, Корбин ощущал неловкий прилив гордости. Интересно, другие люди чувствуют то же, что и он?

Генри, на удивление, сидел в пабе один, и хотя Корбин немного паниковал в предвкушении экзамена по теории игр, он был счастлив встретить его и пригласил присесть.

– Ты знаешь, могу помочь тебе с экзаменом, – сказал Генри, развалившись с большим стаканом пива на стуле напротив Корбина.

– Ты же не посещаешь этот курс.

– Нет, но я нарыл кое-что. Один и тот же экзамен каждый год. Твой профессор никогда не меняет его. Хочешь знать вопросы?

– Еще бы!

Генри рассказал Корбину, что узнал об этом от студента, проходившего программу в прошлом году.

– Я зазубрил все вопросы, но занятия не посещал, так как группу уже укомплектовали. Так что это тебе поможет, не так ли?

– Ты уверен?

– На девяносто процентов. Девяносто пять. Не волнуйся, чувак. Давай еще по пинте.

Корбин купил выпивку на двоих. Вопросы, похоже, действительно подходили. Все соответствовало темам, которые детально излагал профессор Хинчлифф – один из тех стариков с паутинкой мелких вен на щеках. Корбин решил довериться Генри – это облегчило бы его жизнь.

Он отложил книгу, и они с Генри накатили еще несколько пинт. Это была их самая длительная встреча.

– Где ты прятался весь семестр? – спросил Генри.

Корбину и в голову не пришло что-то скрывать:

– В первую неделю я не нуждался в жилье, потому ни с кем не познакомился. Общался со студентами-англичанами.

– Иуда. Ты же знаешь, что не должен встречаться с другими иностранцами во время заграничной учебной программы.

– Что-то не припоминаю такого.

– Нет? Это требование. Приезжаешь в Европу как мудак, прикладываешь все силы, чтобы ни с кем, кроме американцев, не встречаться, а затем возвращаешься как еще больший мудак. И начинаешь свои истории о последнем курсе словами: «Когда прошлым летом я был в Европе...» Эй, а ты едешь в путешествие после окончания занятий?

– Нет, но хотелось бы, – признался Корбин. – У меня стажировка в Нью-Йорке. Начинается в первую неделю июня.

– Не может быть. У меня тоже. Где?

Они сверили письма по своим летним практикам. Это были разные компании, но в одном и том же квартале Мидтауна.

– Отлично, чувак, – обрадовался Генри. – Мы будем лучшими друзьями. Я уже знаю, в каком баре мы будем зависать.

Они начали обсуждать известные бары и рестораны Нью-Йорка, а фраза о *лучших друзьях* эхом звучала в голове Корбина. Он понимал, что это пустые слова, и, хотя не испытывал недостатка в приятелях, чувствовал, что лучше друга у него никогда не было. Он уже представлял их с Генри зависающими каждую ночь в одних и тех же барах, где они станут встречаться безо всяких предварительных договоренностей.

– Будет грандиозно, – не мог успокоиться Генри. – Я имею в виду, что люблю Лондон, но нам нужна передышка, тебе не кажется? Выпивка в коктейль-барах вместо пабов, знакомства с загорелыми женщинами.

Они дружно рассмеялись, и каждый сделал глоток пива. Генри наклонился к нему и понизил голос.

- Знаешь, Корб, я думаю, у нас есть что-то общее.
- Да?
- Клер Бреннан. – Генри улыбнулся, обнажив тонкую линию зубов.
- Ага, я знаю Клер. – Корбин как будто проглотил теннисный мячик.
- Я знаю, что ты знаешь. Полагаю, вы тесно знакомы.
- Откуда ты... – зарделся Корбин.
- Похоже, она изменяет нам двоим.
- Что ты имеешь в виду?
- Именно то, о чем ты думаешь. Господи, посмотри на себя. Только без инфарктов, чувак.

Глава 14

– Так ты поэтому пришел? Поговорить со мной о Клер? – немного погодя спросил Корбин.

Генри выдержал паузу.

– Нет, я просто зашел поболтать. Хотя я действительно собирался описать ситуацию с Клер. Подумал, что так будет правильно.

За время, прошедшее с тех пор, как Генри ошарашил его новостью о Клер, к Корбину уже вернулось самообладание. Шок от невероятного предательства, поразившего его до глубины души, сменился нарастающим чувством ярости. Генри разделял справедливое чувство.

– Стерва обманывала нас обоих, – подливал он масла в огонь.

Они пробежались по личной хронике событий, чтобы воссоздать картину, как ей удавалось выкручиваться. Оказалось, что Генри впервые перепихнулся с Клер за месяц до того, как Корбин уехал на длинные выходные в Амстердам встретиться с двумя подругами матери. Генри, как и Корбин, познакомился с Клер в «Трех ягнятах». Он пригласил ее на ужин, и она согласилась. Ужин прошел на славу, и последние несколько недель Генри время от времени виделся с ней.

– Как часто вы встречались? – поинтересовался Корбин.

– Каждый вторник вечером.

– У меня по вторникам семинар.

– А по воскресеньям мы иногда ходим в паб на реке.

– Мне она говорила, что по воскресеньям наверстывает учебу.

– Нас одурачили, приятель, – сказал Генри, трясая головой. – Она просила тебя делать вид в «Трех ягнятах», что ты не ее парень? Будто не хочет, чтобы люди знали, что она встречается с клиентами?

– Угу. Она говорила такое. Охренеть.

Генри допил свое пиво одним большим глотком и вытер губы тыльной стороной ладони. Довольный собой, он криво усмехнулся.

– Что-то не похоже, чтобы ты был расстроен так же, как я, – заметил Корбин.

– Еще как расстроен, поверь. Просто я гораздо больше об этом думал, а сейчас скорее зол, нежели опечален.

– Как ты ее вычислил?

Генри рассказал, что в прошлую субботу вечером случайно увидел Клер, когда она выходила из метро на станции «Кэмден-таун». Он помахал

ей рукой, но девушка не заметила его. Она явно торопилась и была на чем-то сосредоточена. Генри последовал за ней вдоль прилавков к индийскому ресторану. Возле ресторана ее ждал Корбин, и они поцеловались прямо на улице.

– И ты ей не рассказал? – удивился Корбин.

– Я дал ей шанс самой признаться. Я виделся с ней на следующий день и спросил, действительно ли мы с ней в официальных отношениях, и она ответила, мол, да – надеется, что так и есть. Вот тогда-то я не просто разочаровался, а разозлился. Решил прекратить наши встречи, не объясняя причин, чтобы заставить помучиться. А сегодня вечером увидел здесь тебя. Знаешь, я не думал тебя посвящать в эту грязь. Возможно, ты никогда бы и не узнал, и, наверное, по большому счету это ничего не изменит. Но ты, кажется, славный малый, и я решил, что тебе следует знать.

– Я рад, что ты рассказал мне. Я чувствую себя полным идиотом.

– Ты не идиот. Ты просто доверился женщине. Я серьезно. Никогда больше так не делай.

– Не буду.

– Так как мы поступим? – усмехнулся Генри.

– Ты о чем?

Генри перевернул стакан вверх дном – на деревянном столе образовалось мокрое кольцо.

– Как мы собираемся отомстить ей? Шаг за нами. Она ведь не в курсе, что нам все известно.

– И то правда.

Генри подскочил.

– Еще одну пинту, хорошо? Потом придумаем, как ее поймать. – Корбин не успел ответить, как приятель уже направился к бару.

Они состряпали план. Генри знал заброшенное кладбище на севере Хэмпстедской пустоши, которое называли Боддингтонским. Он обнаружил его еще в первую неделю своего пребывания в Лондоне во время воскресной прогулки. Надгробия большей частью были разрушены, и все заросло деревьями и кустарником. Генри уже упоминал о нем в разговоре с Клер, сообщив, что перед возвращением в Америку хочет пойти с ней туда – взять фотоаппарат и наделать кучу классных снимков. Девушка согласилась, и они договорились на среду, на вторую половину дня. Генри никого не видел на кладбище в солнечное воскресенье и надеялся, что в будний день там тоже не будет ни души. Если не считать Корбина – он будет ждать на кладбище, и они так настраивают ее, что бедняжке больше

никогда не захочется морочить голову двум мужчинам одновременно. А может, и вообще никому, если уж на то пошло.

Генри дал Корбину детальную схему парка. Неподалеку от центральной аллеи имелась небольшая долина. На одной из могил стоял, покрытый мхом, ангел без головы. Генри написал на схеме «ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЙ АНГЕЛ» и определил его как идеальное место.

– А если там окажется еще кто-нибудь? – спросил Корбин.

– Никого там не будет. А если кто и нарисует, ничего страшного. Мы просто напугаем ее.

Среда отличилась обычной лондонской погодой – небо было устлано низкими быстро плывущими облаками, прохладный воздух был приправлен мелким дождиком. Корбин нашел вход на кладбище и прошмыгнул мимо разбитых ворот. Дорожка, заваленная гниющими листьями, была хорошо заметна, и он пошел по ней к самому центру кладбища. Генри оказался прав. Здесь никого сегодня не будет. Возможно, в солнечное воскресенье и объявился бы какой-нибудь фотограф, но только не в дождливый будний день. Он был уверен, что им не помешают.

Придерживаясь схемы Генри, Корбин отыскал развилку тропы и повернул налево – пришлось пробираться мимо мокрых веток до скрытой поляны. Он сразу же заметил обезглавленного ангела, облаченного в белые одежды, с гирляндой из листьев в руках. Статуя была покрыта мхом, и у нее не только отсутствовала голова, но и оба крыла как будто кто-то подрезал. Корбин содрогнулся от дурного предчувствия. Не слишком ли далеко они зашли? Но потом представил, как Клер скачет из постели в постель – от Генри к нему и обратно, – и в душе снова вспыхнула ярость. Ничего, нормально.

Он снял рюкзак, положил телескопическую лопату на сырую землю рядом со статуей, потом вытащил бутылку, наполненную искусственной кровью, которую намешал Генри.

– Она ужасно коричневая, правда? – поморщился Корбин, когда впервые увидел ее.

– Ага, то что надо. Кровь становится коричневой после реакции с воздухом. Мы же не хотим, чтобы ты выглядел убитым двадцать минут назад?

– Полагаю, что нет.

Корбин посмотрел на часы. У него оставалось еще полчаса до появления Генри и Клер. Он сел на землю перед ангелом, склонившись к постаменту, плеснул фальшивой кровью от шеи вниз под футболку, и кровь растеклась по складкам ткани. Он достал из рюкзака нож и тоже намазал

его кровью. Это был складной нож Генри, невероятно острый. Он провел лезвием по подушечке пальца и надрезал полупрозрачный слой кожи, не зацепив ни одного капилляра. Он бросил нож на колени.

Он положил бутылку обратно в рюкзак, под сменную одежду, которую прихватил с собой, спрятал рюкзак за спиной, чтобы его не было видно. Клер придет и увидит мертвое тело, лежащее перед статуей, как ритуальная жертва. От этой мысли его разобрал смех, и он начал хихикать. Не в силах остановиться, через минуту он уже громко смеялся, плечи безудержно тряслись. «*Боже, возьми себя в руки*», – приказал он себе, но тут же дал волю эмоциям. Он так повизгивал, что его смех отдавался в ушах какими-то анималистическими звуками. Собрав волю в кулак, он прекратил смеяться, беспокоясь, что кто-нибудь может услышать. А что, если заявится сумасшедший турист в надежде сфотографировать статую? Какое-то время он еще нервно похрюкивал, а потом наконец успокоился – с минуты на минуту должны были прийти Генри и Клер. Генри пообещает показать ей что-то интересное. Как она отреагирует? Потеряет сознание? Или завизжит? От этой мысли он испытал головокружение, как много лет назад, когда показал своему брату фотографии, которые нашел в мансарде, – на снимках мужчины в кожаных капюшонах хлестали плетью обнаженных девушек. Разумеется, брат тут же побежал к матери, и она наказала Корбина, запретив принимать душ две недели. Он был брезгливым ребенком, помешанным на чистоте, и невозможность помыться стала настоящей пыткой.

– Пойдешь в душ, когда твой внешний вид будет таким же грязным, как твоя душа, – сказала ему мать. Каждый день он спрашивал, можно ли ему уже помыться, а она отвечала, что он еще недостаточно грязный. Она смиловилась лишь после того, как учитель отправил его домой с запиской, что он ходит на уроки неумытый. Где тогда был его отец? Родители еще не развелись, но уже фактически разъехались. Отец жил в основном в городской квартире. Корбин предположил, что, возможно, отец тоже наказан за то, что смотрел те фотографии. Только спустя много лет до Корбина дошло, что снимки вполне могли принадлежать матери.

Ветер раскачивал деревья, по телу Корбина барабанили капли дождя. Вот-вот должны были объявиться Генри с Клер. Воспоминание о том инциденте с фото и матерью немного вывело его из равновесия, но он возьмет себя в руки. Все нормально. Пора браться за ум. Он справится с нервозностью и гневом. Его охватило чувство отрешенности, как во время выхода на битву^[12] в старших классах, когда он играл в бейсбол, – будто паришь над собой. Он начал концентрировать внимание.

Корбин услышал шорох из кустарника и увидел, как на поляну шагнул большой голубь с кольцом на лапке, а затем улетел прочь. Дождь забарабанил сильнее. Корбин посмотрел в небо. Казалось, что разбухшее облако чернильного цвета вот-вот разразится потопом. Где же Генри? Может, Клер отказалась идти на кладбище, когда увидела, что собирается дождь? Корбин немного приподнялся, чтобы видеть тропинку, откуда они должны появиться, если, конечно, они вообще появятся.

Он услышал их раньше, чем увидел. Клер неожиданно взвизгнула и разразилась смехом. Вероятно, поскользнулась на склоне. Ее смех острыми уколами прошелся по коже Корбина. Он не виделся с ней, не разговаривал с тех пор, как узнал, кем она на самом деле является. Они только переписывались по электронной почте. Корбин сказался больным и сообщил, что не может с ней встречаться.

Сначала на поляну вышел Генри. За ним по скользкой дорожке осторожно спустилась Клер. Она внимательно смотрела под ноги, чтобы не упасть.

Корбин закрыл глаза, сделал глубокий вдох – аромат озона смешался с запахом земли – и постарался, насколько это было возможно, оставаться неподвижным. Дождь усиливался, и было сложно что-либо услышать. Должно быть, сейчас они смотрели на него. Он услышал голос – голос Генри, который говорил что-то вроде: «Я привел тебя сюда, чтобы ты помогла мне». Потом минута тишины, только звук дождя, хлещущего по листьям, потом он услышал голос Клер:

– Что ты сделал?

– Я совершил это для тебя, Клер, – ответил Генри. Сейчас они подошли ближе. Корбину позарез хотелось открыть глаза, чтобы увидеть болевой шок на лице Клер, но он воздержался. Дождь затекал под воротник, он чувствовал запах липовой крови.

– Что ты наделал, Генри? – Ее голос срывался, она была близка к истерике.

– Я привел тебя сюда по двум причинам, Клер. Хотел, чтобы ты посмотрела, что случилось с твоим вторым бойфрендом. И мне нужна твоя помощь, чтобы похоронить тело. – Голос Генри был спокойным, почти умиротворенным, и Корбин поразился его актерской игре. Он мог только представить взгляд Клер, панику в ее глазах. Услышал, как она что-то сказала, но не смог разобрать. Это было одно слово.

– Нет, Клер. Ты остаешься здесь, – сказал Генри, и Корбин услышал шорох. Он приоткрыл глаза и, хотя сильно мешал дождь, увидел, как Генри хватается Клер за плечи. Ее лицо было опущено, подбородок буквально упал

на грудь, тело дрожало. Корбин сел, с его волос струилась вода.

«Посмотри, Клер, – мысленно взывал он. – Подними голову и посмотри на меня».

Она не поднимала глаза. Генри взял ее за голову.

– Ш-ш-ш-ш, – сказал он. – Успокойся, Клер.

Ее лицо все еще находилось в руках Генри, а глаза обнаружили Корбина. Он сидел глядя на нее. Ее глаза округлились, и остатки румянца на лице исчезли. Визг был похож на птичий крик. Генри повернулся к Корбину, отпустил Клер и разразился смехом, упираясь руками о колени. Корбин просто молча смотрел. Он не мог оторвать взгляда от Клер, которая пятилась назад, как боксер, пропустивший удар в челюсть.

Генри, насмеявшись, обратился к Клер:

– Ну как тебе расплата, сучка, а?

Она развернулась, сделала шаг по скользкой дорожке и, не удержав равновесия, опустилась на колено.

Корбин встал, и нож соскользнул на землю. Генри повернулся к нему, улыбаясь во весь рот, и протянул ему руку. При рукопожатии их глаза встретились. Казалось, Генри только что завоевал главный приз.

– Клево, старик, – радовался он. – Кле-во, – повторил он по слогам.

– Сволочи! – закричала Клер и вскочила на ноги. – Вы сволочи!

Генри и Корбин разняли руки.

– Нет, Клер, это *ты* сволочь, – возразил Генри.

– Шлюха! – выкрикнул Корбин.

Ее глаза метнулись в его сторону, губы дрожали.

– Господи, Корб. Как ты пошел на это? Ты же славный парень.

На ней была белая блузка с глубоким круглым декольте, ткань намочила и съехала вниз, так что показался краешек бежевого лифчика. Кожа на груди стала мокрой и бледной.

– Ага, я славный парень, а ты чертова шлюха. – Голос Корбина сорвался на крик.

Клер глубоко вдохнула, выпрямила плечи.

– Ладно, – сказала она спокойно. Убрала мокрые волосы со лба, поправила блузку.

– Рад был знакомству, Клер, – произнес Генри, и Корбин позавидовал его невозмутимости и размеренному голосу.

Клер взглянула на Генри, потом снова на Корбина и покачала головой. На ее лице появилась легкая печальная улыбка. «Она жалеет меня, – мысленно взвился он. – Она, сука, жалеет меня». Девушка развернулась, чтобы уйти, но Корбин подбежал и сильно толкнул ее в спину. Не ожидая

удара, она подалась вперед и со всего маху рухнула на землю – так, что подпрыгнула голова. Корбин подскочил и перевернул ее на спину. Она ударилась головой о край острого камня, и из-под лоскута кожи побежала ярко-красная кровь, смешиваясь с водой.

– Каково оно? – еще больше разозлился Корбин и потрянул ее. Она застонала, прижав руку к ране. На пальце было кладдахское кольцо^[13] – она всегда его носила – и сердце оказалось направлено к ней. Корбин показалось, что она нарочно подняла руку, чтобы продемонстрировать ему кольцо. Его тело пронзил импульс, как будто кнут хлестнул по гребню волны. Он потрянул ее еще сильнее, и голова Клер снова ударилась о землю.

– Эй, эй! Теперь моя очередь. – Генри коснулся плеча Корбина. В руке у него был нож.

Глава 15

Они выкопали могилу на поляне. Земля раскисла от дождя. Они выгребали комья земли, и лопата издавала чмокающие звуки. Когда тело Клер было в яме, но еще не было засыпано, Генри сказал спокойным уверенным голосом:

– Думаю, мы должны сделать фото. Одно – ты с ней, другое – я.

– Ты это о чем? – спросил Корбин.

– Мы должны увековечить трагический момент.

– Ты спятил?

– Нет, послушай. Это станет символом нашего доверия. У каждого будет компромат, и мы будем понимать, что связаны навсегда. Подумай.

Корбин все еще был в шоке, пытаясь осознать, что произошло. Они на самом деле убили Клер. Вдвоем, вместе оборвали ее жизнь. Он начал первый. Ведь это он бил ее затылком о землю, не так ли? Он помнил, как в ярости почувствовал прилив адреналина и какое-то приятное ощущение оттого, что кому-то больно. Он желал ее смерти, правда? Или ему просто хотелось, чтобы она почувствовала боль и страх? Неужели он собирался вернуть ей ту боль, которую испытал сам? Теперь он и сам не понимал. Но Генри подскочил с ножом, перерезал Клер горло, и когда Корбин увидел бьющую фонтаном струю крови, им овладело чувство нереальности происходящего, словно он смотрел кино сквозь искаженную призму. Это был сон. Хотя нет, не так. Все по-настоящему, все происходило в реальности. Дождь, кровь, тело, неуклюже скрученное, на земле, вода в глазницах, глаза так и остались открытыми.

Генри вытащил из рюкзака «Полароид».

– Зачем ты взял фотоаппарат? – подозрительно спросил Корбин.

– Я же сказал Клер, что мы идем фотографироваться. Мне нужна была камера, не правда ли?

Однако Корбин напрягся. «Полароид». Такая себе отменная камера для съемки убийства. Тем не менее ему пришлось позировать, и Генри сфотографировал его возле могилы. Потом они поменялись местами, и Корбин снял Генри. Корпус пластикового аппарата был выполнен в желтом и черном цветах. Устройство выплюнуло карточку, и Корбин видел, как проявилось изображение. Плечи у Генри были расправлены, а на лице застыла зубастая улыбка. Он выглядел гордым.

Уцепившись за снимок, Корбин передал камеру Генри. У него дрожали

руки, кончики пальцев побелели до кости и начали синеть. Он сдержался и не попросил показать изображение, сделанное Генри. Решил, что не хочет хранить этот образ в своем сознании.

Генри сложил камеру и положил в свой рюкзак. Они зарыли тело Клер, выровняв слой земли и прикрыв слоем мокрых листьев. Все выглядело нетронутым, как будто здесь никого никогда не было. Стало легче, когда тело скрылось под землей, все следы Клер исчезли.

– Как будто никого никогда не было, – сказал Генри, эхом повторяя мысли Корбина. – Пойдем.

Они гуськом шагали по тропе, каждый тащил свои вещи. Пока они обсуждали, что делать дальше, Корбину стало немного лучше. Дождь почти прекратился, облачное небо прояснилось. У входа на кладбище, перед тем как разойтись, они на мгновение остановились.

– Никаких контактов, – приказал Генри. – Только в случае крайней необходимости.

– Добро, – согласился Корбин.

Генри улыбнулся.

– Не могу поверить, что мы сделали это, чувак, – произнес он, и на его лице отразилась настоящая радость, словно они выиграли большой кубок. Корбин улыбнулся в ответ, желая показать Генри, что испытывает те же чувства.

Оказавшись наедине с собой – лавируя между пешеходами, которые возвращались домой после работы или направлялись на раннее свидание, – Корбин осознал чудовищность своего поступка, внутри начала нарастать паника. Клер мертва. Сегодня утром она была жива, весело шагала по жизни, а теперь похоронена в земле. Корбин остановился, и сзади на него налетел мужчина с открытым зонтом.

– Извините, – промямлил Корбин, ныряя в переулок.

Он согнулся пополам, упершись руками о колени. Его тошнило, сердце бешено колотилось в груди. Он сделал глубокий вдох, пытаясь наполнить легкие загазованным городским воздухом.

Минуту спустя ему стало лучше. Он начал вспоминать, как Клер его обидела, пытаясь таким образом вызвать в себе ярость и заглушить чувство вины. Это начало работать, особенно когда в памяти всплыл ее взгляд на кладбище, полный жалости, словно он был настоящим мудаком. Всю дорогу до самого дома он продолжал думать об этом. Очень хотелось в душ.

Через два дня он впервые услышал о Клер.

– Ты же знаешь Клер Бреннан, да? – спросила одна сокурсница из

Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

– Ага. Знаю. А что?

– Я слышала, что она пропала.

– Серьезно? – Корбин приходил в ужас от мысли, что ему будут задавать вопросы о Клер. Но сейчас это произошло, и он чувствовал себя нормально. Голос звучал естественно.

– Да. Она не появлялась в «Ягнях». Кто-то ходил к ней на квартиру, и ее там не оказалось.

– Может, она раньше уехала домой?

Корбин приготовился к визиту полиции, но к нему никто так и не явился. Через несколько дней он летел первым классом домой, заливаясь пивом и чувствуя, как мышцы груди и живота наконец-то расслабились. Он даже не осознавал, насколько был напряжен эти последние несколько дней в Лондоне. Он почти не спал, а если и засыпал, то сон был таким поверхностным, что сновидения и воспоминания переплелись. Он просыпался в холодном поту, с чувством вины, с затуманенной головой и приходил в оцепенение от того, что случилось на кладбище. Это реальность или фантазия? Когда он осознавал, что все произошло наяву, его охватывал ужас – страшнее самых жутких кошмаров. В самолете, покидая Англию, он почувствовал крайнее облегчение. Свободен ли он теперь? Сошло ли им все это с рук? В конце концов, конечно же, тело должны будут найти и потом, вероятно, начнут расследовать убийство. Придут ли за ним? Или за Генри? Все зависит от того, что Клер рассказывала друзьям о своей жизни, чем делилась, вела ли дневник. Корбин и Клер обменивались письмами по электронной почте, но всего лишь несколько раз, и в них не было ничего личного. Большинство свиданий оговаривались с глазу на глаз в пабе. Вполне вероятно, что никто не знал ее интимных подробностей. Очевидно, у нее была тайная жизнь и она скрывала своих парней друг от друга. Возможно, она имела и других любовников. Может, она вообще никому не рассказывала о своей жизни.

По возвращении в Бостон Корбин остановился на неделю у своего отца на Бикон-Хилл. Приехала мать и забрала его на обед. Он так давно ее не видел, и было понятно, что она хорошо поработала над своим лицом. Губы стали полнее, со лба исчезли морщины. Она, как всегда, спросила об отце. Он отказался рассказывать что-либо, за исключением того, что, по его мнению, отец счастлив. Это полностью противоречило тому, что она надеялась услышать.

Он переехал в Нью-Йорк и пошел на стажировку в «Брайр-Крэйн». Спалось уже лучше, видения с кладбища в Лондоне понемногу отступали.

Он продолжал высматривать Генри Вуда, зная, что тот тоже проходит стажировку в Нью-Йорке. Они договорились не иметь в дальнейшем каких-либо контактов между собой. Вообще-то, они условились отвечать на вопросы полиции, что едва знают друг друга, что всего раз или два поболтали в пабе. Корбин намерен был узнать, допрашивала ли полиция Генри. Хотя полагал, что вряд ли. Если у копов не хватило сведений, чтобы допросить Корбина, то маловероятно, что они приходили к Генри.

Впрочем, дело было не только в желании разузнать, имел ли место допрос. Корбин чрезвычайно хотел увидеть Генри снова и сам не знал наверняка зачем. В некоторой степени ему было интересно, как повлиял на Генри тот факт, что он принимал участие в таком страшном и сокроуенном деле. Преследовал ли его образ безжизненного тела Клер? Спал ли он? Сожалеет ли о том, что они сделали?

В съемном жилье Корбина в Манхэттене был интернет, но он никогда не искал публикаций о Клер, решив, что это может послужить компроматом. Зато он каждый день ходил в газетный киоск недалеко от своей квартиры, в котором продавались иностранные газеты, покупал «Таймс» и пробегал глазами заголовки в поисках какой-либо информации о Клер. Пятнадцатого июня ее тело обнаружил ирландский волкодав, которого выгуливали на кладбище. Это было важное известие. К заметке прилагалось фото Клер – румянощекой и красивой, – а также снимок родителей Клер, прибывших в Лондон на опознание тела. Не упоминалось ни о подозреваемых, ни о ее свиданиях с американским студентом. Прочитав заметку, он, как всегда, выбросил «Таймс» в мусорный бак.

В начале июля, выпивая со своими сотрудниками в ресторане «Уголок Джимми», Корбин заметил Генри, сидящего в кабинке с женщиной в форменной одежде, которая была старше его. Он был коротко пострижен, одет в светло-серый костюм с несколько ослабленным темно-бордовым галстуком. Корбин разговаривал с практикантом Барри, но увидев Генри, остановился на полуслове.

– Все в порядке? – удивился Барри, бросив взгляд в ту сторону, куда смотрел Корбин.

– Да-да. Показалось, что увидел знакомого. Так о чем я говорил?

К концу разговора Корбин не отводил взгляда от Генри, не зная, что делать. Притвориться, что они не знают друг друга? Когда коллеги решили пойти в другой бар, Корбин остался. Он все еще не был уверен, стоит ли подходить к Генри. Но узнать, как у того дела, все-таки хотелось. Он прикончил коктейль и заказал другой. Сделал глоток и вдруг почувствовал, как кто-то похлопал его рукой по плечу.

– Чувак. Вот не ожидал столкнуться с тобой.
– Привет, Генри. Я увидел тебя, только я не знал, могу ли я...
– Тебе стоило присоединиться. Познакомился бы с Анной. Ей нужно уходить. Я тоже собирался, но тут увидел тебя, притаившегося в одиночестве. – Он засмеялся, и Корбин улыбнулся. – Здесь занято? Я гляжу, пьешь – что это? – коктейль. Чувак, несколько недель в городе...

Генри заказал то же, что и Корбин, и они чокнулись.

– За нас, – сказал он и уже тише добавил: – И за то, что вышли сухими из воды. – Он коснулся кулаком деревянной стойки бара.

Они провели лето вместе, превратив в традицию ежедневные встречи после работы в «Уголке Джимми». Иногда присутствовали другие люди – коллеги или друзья, но чаще всего они были вдвоем. Обычно брали мартини, меняя каждый раз ингредиенты в поисках идеальной смеси. После первого коктейля они переходили в другое место, пили другие напитки. Генри придерживался правил: «Чем глубже ночь, тем ближе к центру», «Никогда не брать больше двух напитков в одном баре», «Не тратить время на разговоры с девчонками до полуночи».

Они нарушали свои правила, хотя и не часто.

Их совместные ночи слились в одну долгую переливающуюся вечеринку. В каждом баре Генри находил друзей, но Корбина никогда не покидал. К концу ночи они всегда воссоединялись. Иногда, конечно, Генри уходил домой с кем-то другим. Но только на одну ночь, и все равно ничего серьезного из этого не выходило. Однажды в жаркий июльский вечер, посидев в баре «Балкон», Генри ушел с парочкой – мужчиной постарше и молоденькой девушкой. Корбин вспомнил ту вечеринку в Лондоне, когда Генри поманил его в спальню. Ему стало интересно, получит ли он похожее предложение и наступит ли та ночь, которая закончится у Генри с Корбином в постели с одной женщиной. После Клер у Корбина больше никого не было. При мысли о любом виде секса у него сводило желудок от сочетания страстного желания и похоти. Но ничего такого не происходило. Генри, несмотря на успех у женщин, казалось, вовсе не интересовался сексом. Однако всегда проявлял любопытство, когда разговор заходил об убийстве.

Довольно часто, оставаясь вдвоем, они обсасывали историю с Клер, делились впечатлениями, как молодые любовники вспоминают первое знакомство, перебирали каждую деталь.

– А потом она бросила на тебя взгляд, чувак, словно ты мальчишка, которого ведут, как щенка на веревочке, – говорил Генри.

- Я очень хорошо помню тот взгляд.
- Вне всяких сомнений, она в тебе ошиблась.

От таких бесед Корбину становилось гораздо лучше, возвращалась уверенность, что они все сделали правильно. Он все еще с ужасом вспоминал о том, что произошло на кладбище, но обсуждение деталей, особенно в манере Генри, немного нормализовало его состояние. Их обидели – они отомстили. И все сошло с рук. Это была целая история.

– Думаю о тех мужиках, которых мы спасли от Клер Бреннан, – любил говорить Генри.

- За всю жизнь. Бог знает сколько.

До конца лета, как раз до самого начала нового учебного года, Корбин пригласил Генри пожить в доме матери в Нью-Эссексе, пока она вместе с его братом путешествовала по Европе. В течение трех теплых дней, периодически омываемых дождями, целый дом был в их распоряжении. Они смотрели фильмы, в основном триллеры шестидесятых и семидесятых годов. Ходили на пляж и плавали в любую погоду, даже в грозу, наблюдая, как вокруг их тел пенится вода.

В последнюю ночь они смотрели фильм «Нож в воде», затем уселись на террасе, забили косячок и потягивали дорогушее «Бордо» матери Корбина. Генри сказал:

- Мы должны сделать это снова.
- Сделать что? Вернуться сюда? Конечно, дружище, в любое время.
- Нет. Я говорю о Клер и о том, что мы сделали с ней. Мы как-то должны это повторить.

На закате дом отбрасывал на дюны и на плоскость пляжа длинную узкую тень.

– Впрочем, если найдется подходящий человек, – выдавил из себя Корбин, когда наконец сообразил, что предлагает Генри.

– Черт, да, подходящий человек. – Генри подался вперед, вытащил из пачки «Парламента» сигарету и прикурил. – Кто-то типа Клер. Нужна девушка, которая свяжется с двумя парнями, с нами обоими, и будет думать, что не поплатится за это. Я размышлял насчет Анны, но понял, что не могу больше находиться с ней ни минуты. Ты мог бы приударить за ней в один из вечеров, чтобы посмотреть, что она будет делать. Впрочем, мы знаем, что она будет делать. А потом мы накажем ее, как наказали Клер.

У Корбина свело желудок, но в воодушевлении Генри было что-то заразное. И чем дольше он знал Генри, тем больше хотел угодить ему.

- Мы должны быть осторожны. Нам повезло с Клер.
- Знаю. Думаю об этом все время. Но не забывай – у тебя есть я, а у

меня – ты. Мы всегда можем обеспечить друг другу алиби. Мы всегда поддержим друг друга.

Внизу, на пляже, вдоль пенной линии прибоя шла женщина средних лет, и на какой-то жуткий миг Корбину показалось, что это его мать возвращается домой. Он навел резкость и понял, что она даже приблизительно не похожа на его мать. Он взял сигарету из пепельницы и, сделав глубокую затяжку, сообразил, что схватил сигарету Генри.

– Извини, приятель. Я только что затянулся твоей сигаретой. – Он положил ее обратно в пепельницу. Рядом лежал остаток косячка, который они раскурили.

– Не парься. Это не моя сигарета, это наша сигарета.

– Я даже не курю. Наверное, я под кайфом.

– Чувак, я знаю, – сказал Генри и начал смеяться. Корбин тоже расхохотался, и их ржание смешалось с пронзительным криком чаек.

Только спустя десять месяцев они нашли кандидатку. Ее звали Линда Алчери. Генри познакомился с ней в Хартфорде, куда переехал после окончания Колледжа Аврелия. Корбин вернулся в Нью-Йорк, где ему предложили должность молодого специалиста в «Браяр-Крэйн».

– Кое-что о ней, – тараторил Генри по телефону. – Уже через неделю наших свиданий она сообщила, как сильно меня любит. Чушь собачья, я знаю. Начать хотя бы с того, что она заговорила о любви, когда я повел ее в очень дорогой ресторан. Не думаю, что это совпадение.

– Но и не говорит о том, что она неверна.

– О, думаю, она ляжет под первого, в ком почувствует свою выгоду. Мне кажется, что стоит ей разок взглянуть на тебя, одетого в рубашку от «Брукс бразерс», и она мигом распрощается со мной.

Корбин приехал в выходные, когда Линда Алчери устраивала пати в честь своего дня рождения. Она жила в комплексе Западного Хартфорда, а вечеринка проходила на общей террасе на крыше. Генри отклонялся пораньше, а Корбин задержался до поздней ночи, пока они не остались вдвоем с Линдой.

– Как ты доберешься до дома Хэнка? – спросила девушка. Чтобы удержать равновесие, она ухватила одной рукой за перила террасы.

– Ты зовешь его Хэнком?

– А ты?

– Нет, я называю его Генри.

– Генри. Хэнк. Не все ли равно? Но где же он? – Она оглянулась, как будто он мог все еще оставаться на крыше.

Корбин провел ее в спальню, Линда тяжело прислонилась к нему.

– Спасибо тебе, Корбин, – сказала она, неловко поцеловав его в уголок губ. Она вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Корбин позвонил Генри.

– И? – спросил Генри.

– Она поцеловала меня, пожелав спокойной ночи, а сейчас она в отключке в своей спальне.

– Что это был за поцелуй?

– Довольно невинный.

– Ты должен залезть к ней в постель. Посмотрим, что будет.

– Она очень пьяна.

– Во-во.

– Не-е-ет, парень. Приезжай и забирай меня.

– Приеду рано утром. Оставайся спать у нее на диване.

Корбин разделся до трусов и лег на диван под овчинное одеяло. Он и без того практически никогда нормально не спал, а выпивка только усугубила ситуацию. Он лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок старой квартиры. На фактурной штукатурке мерцали отблески света с улицы. Его немного беспокоил план Генри совершить новое убийство, но еще больше его волновала угроза потерять дружбу Генри. Несколько раз, когда он высказал опасения насчет их плана, Генри очень расстроился.

– Это мы, Корб, – хлопал его по плечу Генри. Дело было на зимний уик-энд, когда они поехали кататься на лыжах в Сандей-Ривер. – Кстати, сколько времени ты терзался по поводу Клер Бреннан?

– Нисколько, – соврал Корбин. На самом деле он до сих пор думал о Клер, хотя и не так часто, как раньше. А когда думал, то каждый раз напоминал себе, что именно Клер свела его с Генри. Клер подарила ему нечто очень важное. Лучшего друга.

– Ну вот, – успокоился Генри. – Выберем еще кого-то типа Клер, такую, по которой мир вряд ли будет скучать. Это все равно что раздавить букашку.

Как только небо посветлело, Корбин почувствовал, что его веки тяжелеют. Он закрыл глаза, перевернувшись на бок, и уже готов был уснуть, как вдруг услышал шлепанье босых ног по паркету и очнулся. Над ним стояла Линда, одетая в старый свитер с эмблемой хоккейной команды «Уэйлерс», который прикрывал только ее попу и больше ничего. Она взяла Корбина за руку и повела его в свою спальню.

– Ты весь дрожишь, – сказала она, когда они улеглись в постель.

– Почему бы тебе не согреть меня? – ответил Корбин, зная, что ее судьба уже предрешена.

Через две недели Генри заманил Линду в заброшенный лагерь бойскаутов у заболоченного пруда в сорока пяти минутах езды на запад от Хартфорда, пообещав, что повезет ее в роскошный коттедж друга. Корбин ждал там, изображая, как и в первый раз, зарезанного. Ощущения были похожи на те, что он испытал на лондонском кладбище, но в то же время абсолютно другие. Он лежал, и сырость земли пробиралась сквозь одежду, на ключице высыхала фальшивая кровь. Корбин знал, что они собирались совершить, знал, что Линда на пороге смерти – мучительной, ужасной смерти, – и его охватило чувство, подобное ужасу. Это был холодный парализующий страх – такой, который он познал еще ребенком, когда выключался свет и он не мог уснуть, а чудовища, прятавшиеся в стенах, начинали перешептываться. Он совсем потерялся – не спал и не ел последние восемнадцать часов. Он выпрямился и глубоко вдохнул свежий воздух с ароматом сосен.

Генри и Линда были в десяти метрах от Корбина. Генри держал девушку за руку выше кисти.

Увидев поднимающегося окровавленного Корбина, она вырвалась из захвата Генри и побежала в лес, визжа во все горло. Генри махнул за ней. Корбин на ватных ногах рванул следом. Может, еще не поздно сказать ей, что это была просто отвратительная шутка? Но когда он догнал их, Генри уже убил ее острым камнем.

– Извини, дружище, кажется, она мертва, – оскалился он и кивнул на проломленный череп девушки. Корбин облился холодным потом. На мгновение показалось, что он сейчас упадет без чувств. Генри щелкнул пальцами. – Эй, чувак, с тобой все в порядке?

– Ага, дружище, – отозвался Корбин. Дело сделано. Линда мертва.

Вместе они вытащили ее тело из леса, и Генри послал Корбина к внедорожнику, чтобы тот притащил лопату.

Генри оставил машину в полукилометре от лагеря. Всю дорогу Корбин внушал себе, что это делает их особенными, лучшими, чем все остальные в грязном мире. Вернувшись с лопатой в руках, он был готов осуществить ритуальный обряд захоронения тела, но, подойдя ближе, остановился как вкопанный – Генри стоял над телом Линды, ухмыляясь и протягивая руки, словно вручает подарок. Корбин посмотрел вниз. Генри исполосовал Линду ножом. Глубокий разрез начинался от линии роста волос, доходил до центра лица и продолжался вниз до туловища. Ее одежда и кожа были искромсаны.

Корбин отвернулся, упал на колени и вывалил содержимое желудка на забитый сорняком гравий.

– Извини, приятель, – сказал Генри. – Я думал, что тебе понравится. Половину тебе, половину мне. Мы все делим поровну.

– Это просто... – начал Корбин, но не смог закончить.

– Немного напыщенно? – засмеялся Генри.

Корбин поднял глаза. Генри протянул пару перчаток такого же телесного цвета, как и у него. Корбин заметил, что на нем также была легкая лыжная шапка, которую он раньше не носил.

– Давай зароем ее и сваливаем отсюда, – скомандовал, надевая перчатки, Корбин.

Корбин, насколько мог, старался не смотреть на труп, пока они рыли могилу. Потом они закатали тело в яму, но одного-единственного взгляда хватило, чтобы страшное зрелище врезалось ему в память и преследовало его даже после того, как они с Генри зачистили место преступления и разъехались разными дорогами. Кожа отделилась от центра ее лица, и под ней в июльском свете начали собираться черные мухи. Душераздирающая картина преследовала его еще долго. Каждый раз, когда он закрывал глаза или просто моргал, он видел это. Бессонница прогрессировала, так же как и паранойя. Он все время ждал, что у его дверей появится полиция, особенно когда узнал, что Линда Алчери никогда не знала настоящего имени Генри. Он соврал, что его зовут Хэнк Боумен, и назвал фейковое место работы.

– На вечеринке я представился ей своим *настоящим* гребаным именем, – шипел Корбин в телефонную трубку.

– Чувак, она уже никому не расскажет.

– Она могла рассказать своим друзьям раньше или где-нибудь записать. Господи...

– Извини. Я должен был тебя предупредить, что нужно придумать имя. Но ты же просто сказал: «Я Корбин», правда? Ты же не говорил фамилии? Расслабься.

– У нее там были друзья, с которыми я пересекался.

– Так же как и я. Мы с тобой в одной лодке, и это не самая плохая лодка, приятель. Они даже не нашли ее тело. Все будет как прошлый раз. Они никогда не выйдут на нас.

Генри оказался прав.

Так же как и Клер Бреннан в Лондоне, Линду Алчери признали пропавшей без вести. Ее тело обнаружили в начале августа, когда группа подростков устроила небольшой пожар в подлеске у пруда Ил-ривер и его пришлось тушить. Но ни в одной заметке или сообщении из тех, которые

перелопатил Корбин, не упоминалось о Генри Вуде, впрочем, как и о Хэнке Боумене. Не объявлялись детективы и у дверей Корбина в Нью-Йорке. Им снова все сошло с рук, хотя этот факт не слишком облегчил тяжесть груза на сердце Корбина. С Линдой все получилось по-другому – когда они убили Клер, было совсем иначе. Клер сама виновата, и Корбином руководила бешеная ярость. Она знала, как сильно он ее любит, и позволила ему верить, что испытывает такие же чувства к нему. И они даже не планировали убивать ее. Просто так случилось, и то только потому, что Клер улыбнулась. Спусковым крючком стала улыбка жалости, адресованная Корбину.

Однако с Линдой было еще кое-что. Прежде всего предумышленность. Это больше похоже на болезненную, извращенную игру. Корбин начал задумываться, было ли у Генри с Линдой вообще что-нибудь. Он сказал, что да, но мог ведь и солгать.

Корбин все время вспоминал ту вечеринку, воссоздавал в памяти, как Линда вела себя с Генри до того, как он убрался с террасы. Она вроде бы обрадовалась ему, поцеловала при встрече, но не была назойливой или как-то по-особенному ласковой. Она порхала среди всех своих гостей и всем уделяла внимание. Может, она и перепихнулась как-то с Генри, кто знает. Случайная интрижка. Если так, то она никоим образом не обманывала Генри. И Корбина тоже. Генри специально все подстроил, преувеличив масштаб их отношений. Или нет?

Корбин изо всех сил пытался припомнить детали, которые в итоге привели к смерти Линды. Он старался восстановить в памяти то, что происходило после того, как она разбудила его и потащила в спальню.

– Ненавижу спать одна, – пропела она. – Значит, я шлюха?

Корбин вспомнил, что, когда она наклонилась и прикоснулась к нему, от нее несло алкоголем. Она предложила просто обняться.

– А что Генри? Хэнк, я имею в виду.

– Хэнк? – Она немного удивилась. – Думаю, с ним все будет хорошо.

«Она была душой компании», – говорили многочисленные друзья о Линде Алчери после того, как обнаружилось тело. Это была самая распространенная цитата. И никаких упоминаний о бойфренде.

Чем больше Корбин думал об этом, тем больше понимал, что Генри отчаянно жаждал совершить новое убийство, снова проиграть те события в Лондоне, и он спровоцировал Корбина, наврав ему и убедив переспать с девчонкой, которая, возможно, спит с каждым. Это совершенно иная ситуация – совсем не то, что с Клер.

Он все спланировал, зная наперед, что обезобразит лицо Линды после

того, как она умрет.

Может, Генри спланировал и убийство Клер в Лондоне?

Он предложил притащить на кладбище нож и лопату.

Для ножа и лопаты была причина, убеждал себя Корбин. Они собирались одурачить Клер, заставив ее поверить, что Генри убил Корбина.

Но зачем брать такой острый нож?

Нет, подумал Корбин. Генри не планировал ничего, потому что именно Корбин толкнул Клер и начал бить ее головой о землю.

В разгар лета после ночной попойки Корбин позвонил Генри по мобильному телефону.

– Привет, дружище. Рад слышать тебя, – обрадовался Генри.

– Заканчиваем, – сказал Корбин. – Все, хватит. Я больше не хочу этого делать.

– Ладно. Расслабься. Мы о чем с тобой говорим?

– Ты знаешь, о чем.

Пауза. В мидтаунской двухкомнатной квартире Корбина включился кондиционер и начал жужжать.

– Чувак, давай не будем по телефону, хорошо? – предложил Генри.

– Разговор окончен. Ты знаешь, о чем я говорю, и я больше не желаю в этом участвовать.

– Ладно. Я услышал тебя. Мы, э-э-э, больше не будем искать девочек, чтобы поиграть с ними.

– Думаю, мы не будем больше болтаться вместе. Это рискованно, и... – подыскивал правильную фразу Корбин. Генри молчал. – Ты здесь? – спросил Корбин.

– Ага, я здесь. Пытаюсь понять, что ты только что сказал.

– Я полагаю... думаю, что по крайней мере пока мы больше не друзья. Я не хочу быть твоим другом.

– Дружище, как угодно, черт возьми. Я услышал тебя, но не горячись, братан. Не забывай о «Полароиде». – Голос Генри изменился, хотя и оставался практически спокойным.

Корбин завершил звонок и вытер вспотевшие ладони о рубашку.

Он надеялся больше никогда не слышать о Генри.

И он не слышал о нем, довольно долго не слышал. До тех пор, пока не встретился с Рейчел Чесс.

Глава 16

Корбин никогда бы не познакомился с Рейчел, если бы вскоре после смерти отца не решил наладить отношения с мамой и братом. Они собирались провести июль и август в нью-эссекском доме на северном побережье штата Массачусетс, и Корбин, который сейчас проживал в бостонской квартире отца, напросился присоединиться к ним на две недели.

Его брат Филип ответил: «Чур я в передней спальне, Корбин. Я всегда там останавливаюсь».

Ответ матери: «Я думала, ты ненавидишь нью-эссекский дом. Ты же помнишь, что на пляже слепни?»

Так или иначе, он поехал. В первый же день он понял, что совершил ошибку. Филип уплыл на лодке, чтобы избежать прибытия Корбина. Мать пыталась любезничать, но он поймал ее взгляд в зеркале, когда она смешивала джин с тоником. На лице было явное отвращение, уголки ее сморщенных губ изогнулись, прозрачные ноздри немного раздулись. Она никогда не любила его. Он узнал это в очень юном возрасте и принял, как любой ребенок принимает законы своей вселенной. По мере взросления он начал понимать, что мать презирала его за то, что он напоминал ей бывшего мужа, и любила Филипа, потому что он похож на нее. Одной из причин, побудивших Корбина приехать к матери после смерти отца, было желание посмотреть, не успокоилась ли она хоть немного, не изменилось ли ее отношение к нему. Все осталось по-прежнему. Он почувствовал это сразу же и, как ни странно, успокоился. Его чуть не стошнило от одной мысли, что мать могла бы его любить так же, как Филипа.

Так или иначе, он остался на две недели, решив насладиться домом, видом на Атлантический океан, и старался проводить как можно меньше времени с семьей. На вторую ночь в Нью-Эссексе он ужинал в «Ржавом суденышке» – гриль-баре в нескольких минутах ходьбы от дома – и именно там встретил Рейчел Чесс. Она тоже избегала общения с родственниками во время ежегодного двухнедельного пребывания в семейном доме недалеко от пляжа в южной части города. Он проводил ее домой, и они долго сидели на крыльце и болтали. Он рассказал ей о недавней смерти отца и об отвратительных членах семьи, а она призналась, что спит с женатым мужчиной – педагогом из медицинской школы, где она учится.

На заре они целовались и договорились закрутить двухнедельный

роман без обязательств. Он шел вдоль пляжа домой в молочном сиянии рассвета и чувствовал странное спокойствие, как будто мир менялся в его пользу.

Они с Рейчел договорились встретиться на следующий день, чтобы пообедать вместе, и когда она опоздала, ему показалось, что это сон. Но потом она появилась, и они почти не расставались в течение тех двух недель. Рейчел была как открытая книга, она поведала Корбину щекотливые подробности своей запутанной жизни. Корбин, в свою очередь, рассказал, что его мать не скрывала своих интимных связей ни от отца, ни от Филипа, ни от него еще задолго до того, как отец ушел. Он даже не скрыл, что имел проблемы с сексом в колледже. Она была доброжелательной, но не сердобольной, и Корбину захотелось признаться ей в том, что случилось с Клер в Лондоне и с Линдой Алчери в Коннектикуте. Он, конечно, знал, что не рискнет говорить на эту тему, но ему впервые пришлось в голову поделиться страшной тайной с другим человеком. Клер и Линда сидели у него в мозгу, и он неожиданно обнаружил, что его преследуют жуткие сны, объединяющие два совершенных им убийства, к которым подмешиваются картинки, в которых он бежит за Рейчел вдоль берега с ножом в руках. К концу этих двух недель, когда и ему, и Рейчел нужно было возвращаться к обычной жизни, он почувствовал некоторую подавленность и в то же время облегчение.

Через два месяца Рейчел написала Корбину, что собирается приехать в родительский дом в выходные на День Колумба, и приглашала присоединиться к ней. Он сообщил, что не сможет из-за работы, но на самом деле у него намечался корпоративный отдых на Каймановых островах. Но даже если бы он не собирался уезжать, не факт, что он хотел снова встретиться с Рейчел. Он помнил свои сны.

Корбин вернулся с отдыха и, просматривая местные новости, узнал, что Рейчел Чесс убита. В понедельник утром ее тело нашел бродяга в траве дюны.

Корбин взял больничный и неделю не выходил из своей квартиры на Бикон-Хилл, которую оставил ему отец. Босс пошутил, что Кайманы вымотали его. Корбин не признавался, что знает убитую девушку с Северного побережья, хотя полиции от одной из подруг Рейчел стало известно, что у той с Корбином была интрижка. Офицер опросил его по телефону, проверил алиби в офисе «Браяр-Крэйн». Корбин сказал, что то был случайный роман и с тех пор они почти не общались.

Он ни словом не обмолвился, что знает имя убийцы. Конечно же, ее убил Генри, о чем открытым текстом сообщил Корбину. Впрочем, он

догадался еще раньше, даже до того, как полиция опубликовала информацию о ранах на теле Рейчел Чесс. Характер ран не уточнялся, но Корбин знал: у Рейчел был глубокий разрез посередине – точно такой же, как у Линды Алчери.

Как Генри узнал о Рейчел, об их отношениях? Он приезжал в августе в Нью-Эссекс и следил за Корбином? Эта мысль ужаснула его. Он погуглил по поисковым словам «Генри Вуд» и ничего не нашел. Самые свежие упоминания, которые удалось найти, касались лыжных соревнований во времена учебы в Колледже Аврелия. Он попробовал найти что-нибудь по имени Хэнк Боумен, которым пользовался Генри, встречаясь с Линдой Алчери, – и тоже ничего не обнаружил. Он впервые подумал о том, что нужно пойти в полицию и во всем признаться, показать полароидный снимок, который он все еще хранил, где Генри стоит над телом Клер Бреннан на лондонском кладбище. Но что станет с ним? Даже если он солжет и скажет, что был всего лишь соучастником убийств, его все равно надолго упекут в тюрьму. Вместе с тем он получит печальную славу за свои зверства, а также за малодушие.

Нет, он никогда не сознается. Корбин понял, что, убив Рейчел Чесс, Генри дал ему понять, что заманил его в ловушку. За ним следят, но он не видит своего врага. Он чувствовал глубокую ненависть к Генри. Корбин остановился на единственном варианте, который показался ему приемлемым. Нужно затаиться и никогда не встречаться с женщинами. Если Генри Вуд когда-нибудь объявится или Корбин сможет выследить его, он своими руками прикончит его. Он уже убивал и сделает это снова.

Глава 17

Вскоре после смерти Рейчел Чесс в свободную квартиру на этаже Корбина въехала Одри Маршалл. Дом на Бери-стрит, 101 был заселен по большей части пожилыми парочками, и парень был потрясен, когда впервые увидел Одри, которая тащила коробки в свою квартиру 3С. Она не принадлежала к тому типу женщин, к которым его тянуло естественным образом: она была блондиночкой с тонкими волосами, на вид хрупкая, с молочно-белой кожей. Но увидев, как она корячится у двери, напрягая тонкие ручонки, чтобы удержать коробку, Корбин почувствовал порыв страстного желания. Он предложил помочь занести ее вещи из фургона, припаркованного на улице, и был удивлен, когда она с радостью приняла предложение. Здесь было множество коробок с книгами. Она рассказала, что работала литературным агентом в Нью-Йорке, а в Бостон переехала ради редакторской работы в более крупном издательстве. Разгрузив фургон, она сказала:

– Теперь я перед вами в долгу. Как только обустроюсь, разрешите мне угостить вас ужином. Не могу дождаться, когда я наконец доберусь до этой кухни.

– Вы ничего мне не должны, – возразил Корбин и пошел в свою квартиру. Он надеялся, что его равнодушие исключит дальнейшие контакты.

Некоторое время так и происходило. Они пересекались в коридоре или во дворе и всегда были вежливы друг с другом, а порой излишне дружелюбны. Всякий раз она была одна и обычно тащила рукопись или книгу. Он представил, как ей живется одной в чужом городе, и ему стало даже немного стыдно за неприветливое поведение в день ее приезда.

Эта зима выдалась худшей за всю историю Бостона. Снега навалило по колено, и много дней держалась минусовая температура. Самый сильный ураган начался январской ночью в четверг. Город парализовало на все выходные и большую часть понедельника. Именно в те выходные Одри поздоровалась с Корбином в вестибюле, а спустя двадцать минут появилась у его двери.

– Что-то я психанула и наготовила столько мяса в остром соусе с красным перцем и фасолью, что хватит накормить весь дом. Пожалуйста, заходите отведать.

– Я...

– Я не приму отказа – если только у вас нет других планов – и не буду приставать, обещаю. Вы не обязаны сидеть со мной весь вечер.

Корбин согласился заскочить в шесть вечера. Он нашел бутылку хорошего красного вина и переоделся в джинсы и фланелевую рубашку. Постучался в дверь Одри в пять минут седьмого, и она впустила его в свою квартиру, значительно меньшую, чем обширные апартаменты Корбина. В динамиках трещало Национальное общественное радио. Корбину даже показалось, что это был преднамеренный выбор, чтобы их совместный ужин казался менее романтичным. Так или иначе, это возымело прямо противоположный эффект. Одри возилась с чили, Корбин готовил салат, а фоном звучали новости – было что-то уютное в милой вечерней картинке и напоминало мгновенно созданную пару, в которой все довольны друг другом. Корбин пробыл в гостях до полуночи. Они выпили его вино и откупорили бутылку, которую достала из шкафа Одри. Она созналась, что ей одиноко в Бостоне, но она не чувствует себя несчастной. Он рассказал, что любит уединенный образ жизни. Вернувшись в свою квартиру, Корбин почувствовал резкую боль, когда чистил зубы. Он подумал, что это изжога, и прижал руку к груди. Глаза неожиданно наполнились слезами. Вечер с Одри привел его к осознанию того, насколько он одинок.

Они не виделись больше недели, до того момента, когда Корбин открыл дверь, чтобы запустить Сандерса, который не меньше десяти минут скребся в его дверь. Одри шла по коридору, снимая на ходу длинную мягкую куртку, влажную от снега.

– Эй, незнакомец, – позвала она.

Он пригласил ее войти, поскольку она еще не видела его апартаментов, и они закончили тем, что пили вино и закусывали заказанной пиццей.

– Ты мне нравишься, – призналась она под финал вечера. – Хотя я никак не могу понять тебя до конца. Ты для меня целая головоломка.

– Я не головоломка, честное слово, – смутился Корбин.

– Нет, ты загадочный. Ты собираешься меня целовать?

Он поцеловал ее, и Одри осталась на ночь. Когда она уснула, Корбин пошел в туалет в дальнем конце квартиры, сел на крышку унитаза и снова заплакал. Казалось, что в грудь вонзили нож. Несколько ножей.

– Нам надо поговорить, – опустил глаза Корбин, когда Одри одевалась. Он так и не заснул в ту ночь.

– Быстро ты, – улыбнулась она. – У тебя есть девушка? Ты гей? Ты только что с кем-то порвал?

– Ничего из вышеперечисленного, – сказал Корбин. – Но у меня есть необычная просьба, и я пойму правильно, если ты не захочешь иметь со

мной ничего общего.

– Ладно, – осторожно согласилась она. Одри стояла в одних джинсах и тонком розовом бюстгальтере, который она не успела застегнуть. Корбин заметил справа на животе слабый шрам после аппендицита.

– Я на самом деле хочу встречаться с тобой, но мы должны видаться только в этом доме – в моей или твоей квартире, но не в общественных местах. Знаю, звучит ужасно, но у меня есть на то веские причины, и назвать их я не могу.

– Понятно, у тебя есть девушка, – нахмурилась Одри.

– Нет. Знаю, ты не поверишь, но у меня действительно нет девушки. Существует кое-что, о чем я не могу рассказать. Если схематично, то в прошлом у меня были подружки, отношения пошли наперекосяк, и я поклялся никогда не заводить романтических отношений. Сейчас мои чувства настоящие, но я могу проявлять их только в этом доме.

Она застегнула лифчик и глубоко вдохнула.

– Ладно, – согласилась она. – Полагаю, это удобно. – Она засмеялась, но Корбину показалось, что немного через силу.

Какое-то время их уговор работал. В основном Корбин навещал Одри в квартиру. Он приносил вино, они смотрели кино по телевизору либо вместе готовили ужин. Его многое привлекало в Одри. Она была практичной, не двуличной, всегда говорила то, что чувствовала. В постели вела себя чутко, но не чрезмерно активно. Она никогда не говорила гадостей и предпочитала выключать свет, в общем, как и он. Однако время от времени она возвращалась к щекотливой теме. Иногда в шутку: «Значит, если кому-то из нас приспичит сходить в магазин за мороженым, мы не можем пойти вместе?» Иногда серьезно: «Ко мне приезжает сестра, и это смешно, что я не имею права вас познакомить. Понимаешь?»

Корбин всегда отвечал одинаково. Твердил, что они не будут афишировать отношения, это вопрос решенный. Но она не виновата, что так случилось, это только его проблема. Каждый раз, когда он вынужден был говорить Одри неприятные слова, злость и негодование по отношению к Генри возрастали. Мало того что он сделал из Корбина убийцу, так теперь еще и собирается разрушить его жизнь, уничтожить любую возможность счастья. Почему? Потому что они больше не друзья?

В свободное время Корбин пытался разыскать Генри Вуда через интернет. Он даже связался с некоторыми сокурсниками по лондонскому семестру, чтобы узнать, нет ли у них информации о Генри. Один сказал, что сталкивался с ним в Нью-Йорке, но это было два года назад. Мысль о том, что нужно разыскать Генри и заставить его заплатить за содеянное,

пожирала Корбина, особенно сейчас, когда у него есть Одри. Если бы Генри был мертв, Корбин мог бы без всякого страха наслаждаться любовью. Но в реальности все выглядело по-другому: его преследовал постоянный страх. Чем сильнее он желал быть с Одри, тем больше задумывался над тем, что, придя однажды домой, найдет ее убитой – незримое чудовище Генри пронюхает об их отношениях и заставит Одри поплатиться за счастье своей жизнью. Это была непрекращающаяся паранойя.

Самое ужасное началось, когда Корбин выпивал с единственным молодым жильцом дома – парнем по имени Алан Черни, с которым они пару раз сыграли в ракетбол. Алан напрямую спросил, встречается ли он с Одри: мол, где-то слышал, но не признался, где именно. Корбин сохранял спокойствие, но разговор продолжал крутиться в голове следующие сутки. Если Алан знает, что они встречаются, то и другие люди могут узнать. А если другие люди узнают, то скоро информация дойдет и до Генри и он придет за Одри, так же как пришел за Рейчел Чесс.

У них и не было никаких планов на вечер, но Корбин притащился к Одри и обвинил ее в том, что она проболталась кому-то об их отношениях.

Глаза Одри округлились.

– Господи, Корбин, – покачала она головой.

– Это не смешно. Я выпивал с парнем из крыла напротив, и он спросил, встречаемся ли мы. Он все знает.

– И что?

Корбин сцепил зубы:

– Понимаю, что тебе все равно, ведь я не открыл тебе причины, но ты должна понимать, насколько это действительно важно. Ни одна живая душа не должна знать, что мы вместе. И не прикидывайся, что не понимаешь.

– Нет, поверь мне. Я понимаю, что это важно. Какого ты ждешь ответа? Я на самом деле никому не говорила. Мы не выходим вместе, и я понятия не имею, как он узнал о нас.

– Ну, он был уверен.

– Кто он? Я с ним знакома?

– Алан, кажется. Он живет на той стороне дома.

Одри выглянула в окно.

– Он живет напротив меня. Я иногда видела его в окне. Вероятно, он точно так же заглядывал в мою квартиру и увидел тебя. Вот и все.

Корбин посмотрел через окно гостиной в темные окна на другой стороне двора.

– Ты думаешь? – засомневался он.

Одри улыбнулась – впервые с тех пор, как Корбин зашел к ней. Вряд ли эту улыбку можно было назвать широкой и искренней, но все же.

– Да. А как иначе? Он, вероятно, следил за мной и видел, как ты приходил. Подумаешь!

– И тебя не волнует, что он следит за тобой?

– Не знаю. Может, даже возбуждает. Возможно, мне следовало встречаться с ним вместо тебя. – Она продолжала улыбаться. Корбин подошел к окну и задернул шторы.

Тот разговор стал началом конца.

Корбин даже не удивился. Он знал, что это продлится недолго. Они провели еще несколько ночей вместе, но Одри продолжала настаивать, чтобы он открылся, рассказал, почему они должны скрывать свои отношения. Он не мог дать вразумительного ответа, за исключением такого:

– Для тебя так будет безопаснее, поверь мне.

– Ты хоть представляешь, как это жутко звучит? – спросила она.

Когда они официально порвали, Корбину в какой-то степени полегчало. Он вернулся к своему одинокому существованию – подолгу работал, каждый день посещал спортзал. Во всяком случае, это была реальность, в которой Одри не причинят вреда. Временами он мечтал, как открывает газету и видит некролог Генри Вуда. Он представлял, как на улице средь бела дня выхватывает Одри из толпы прохожих и целует ее на глазах у всех. Прямо как в одном из тех фильмов, которые он ненавидел, но не в этом суть. Он не мог выбросить фантастическую картинку из головы.

Когда выпала возможность поехать в командировку в Лондон, он сразу же ухватился за эту идею. Шесть месяцев вдали от Бери-стрит и соседства с Одри – то, что нужно для них обоих. Он нервничал, потому что возвращается в город, где влюбился в Клер Бреннан и впервые столкнулся с Генри Вудом, но это также был город, откуда родом отец. Может, стоит восстановить отношения по отцовской линии? Он вспомнил фотографии, которые показывал отец за год до смерти, после поездки в Англию. На них была запечатлена кузина Люси с мужем и дочерью. Уже после того, как сделали снимки, с той дочерью что-то случилось – ее преследовал и чуть не убил бывший парень. По крайней мере, так рассказывала мать Корбина, хотя как она об этом узнала, неизвестно. Корбин написал кузине своего отца Люси – рассказал, что, наверное, приедет в Лондон, и предложил встретиться. Именно она придумала этот обмен квартирами. Сказала, что приключение пойдет на пользу ее дочери. Все так легко устроилось. Мысль, что Кейт переедет в его апартаменты, кое-как успокоила его.

Может, она подружится с Одри и будет рассказывать о ней, держать его в курсе. Хотя какая-то связь с любимой, пусть даже незначительная.

В первый день, обосновавшись в уютной квартирке Кейт, Корбин только раз выходил из дома – заскочил в ближайший магазин за едой, бутилированной водой и вином. Он испытал облегчение оттого, что не столкнулся со своей новой соседкой Мартой. Вчера он совершил ошибку, когда напился и начал целоваться с ней. Избежать ее объятий, конечно, было сложно, но нет ничего невозможного.

Целый день шел дождь, барабания по большим передним окнам квартиры Кейт, выходящим на залив. Корбин включил телевизор, чтобы было веселее отжиматься и приседать. Потом приготовил купленные куриные грудки. Проверил электронную почту. Одри так и не ответила на его последнее письмо, в котором он писал, что теперь, когда он выехал из страны, им всем будет легче и он, мол, надеется, что она встретит достойного человека. Он отписался Кейт: поблагодарил за паб, который она порекомендовала, и даже упомянул о знакомстве с Мартой. Ему было любопытно, говорила ли она что-нибудь Кейт. Марта утверждала, что они с Кейт лучшие подруги, но он почему-то сомневался.

В воскресенье днем он так ничего и не получил от Кейт из Бостона. Почему-то начал беспокоиться. Он вышел на пробежку, несмотря на дождь, и оказался в парке Примроуз-Хилл, откуда открывался туманный вид на центральную часть Лондона. Размокшая почва в парке чмокала под ногами, засасывая кроссовки, и ему вспомнился тот день на кладбище с Генри, когда они копали могилу. Он побежал домой, принял душ и снова проверил почту.

От Кейт так ничего и не пришло, но было письмо от некой Роберты Джеймс из отделения бостонской полиции, которая сообщила, что его соседка Одри Маршалл найдена мертвой при подозрительных обстоятельствах, и попросила как можно скорее связаться с ней.

Глава 18

Кейт так резко подскочила, что Сандерс, испугавшись, удрал из комнаты.

Как он зашел? Ведь она выпустила его. Она лихорадочно пыталась вспомнить. Кот мяукнул, и она открыла ему дверь. Она видела, как он выходит, не так ли? Потом в памяти всплыла интересная деталь – когда она посмотрела в глазок, то не увидела его в коридоре. Она тогда еще подумала, что это странно, но предположила, что Сандерс рванул по коридору и исчез из поля зрения раньше, чем она выглянула. А может, он вообще не уходил? Возможно, именно так. Найдя объяснение, она немного расслабилась и несколько раз вдохнула полной грудью.

Она встала, чувствуя предательское покалывание в ногах, подошла к двери кабинета и включила освещение, встроенное в полки и шкафы.

– Э-э-эй! – крикнула она, стараясь освободить голос от эмоций. Она все еще осматривала квартиру, чтобы убедиться, что никто не вошел, пока она спала, что никого здесь нет. Так, на всякий случай. Она подумала, что Сандерс, должно быть, действительно никуда не уходил.

«Нет, уходил. Ты видела», – прозвучал голос Джорджа у нее в голове. Он засмеялся. Он захихикал. Джордж иногда любил похихикать, хотя настоящему Джорджу, мертвому Джорджу, такое поведение было несвойственно.

«Я не видела, – ответила она голосу Джорджа. – Я только открыла дверь, и мне показалось, что он коснулся моей ноги, когда выходил. Я ошибалась».

Она сделала шаг из кабинета в прихожую и направилась в гостиную, на ходу включая свет. Сандерс снова гипнотизировал входную дверь, словно мог волшебным образом открыть ее одним только взглядом.

– Коварный котик, – сказала Кейт Сандерсу и подошла к нему. – Я думала, ты ушел.

Он мяукнул в ответ, и Кейт приоткрыла дверь, наблюдая, как он, подергивая хвостом, отправляется восвояси. Она закрыла дверь и прижалась к ней спиной, поглядывая в сторону гостиной и пытаясь почувствовать, есть ли кто в квартире. «Нет, – уговаривала она себя. – Я одна. Сандерс, должно быть, находился здесь все это время». Тем не менее она прошла через гостиную к камину, на колосниках которого были сложены настоящие дрова, и взяла кочергу, прислоненную к кирпичной

облицовке. Вооружившись, она почувствовала себя лучше. Аккуратно передвигаясь по квартире, она включала свет и заглядывала в каждую комнату, обследовав таким образом все закоулки. Насколько она могла судить, квартира была пуста. Входная дверь была заперта, так же как и дверь на кухне, ведущая к задней лестнице.

Она положила кочергу на место. Рука вспотела, и от сажи на ладони осталась тонкая линия.

Оставив свет во всех комнатах включенным, она вернулась в кабинет, убедив себя, что она в квартире одна, а Сандерса никто из загадочных преследователей не запускал – просто он никуда не уходил. Она сильно устала. Ей нужно поспать. Она наклонилась и подобрала с пола одеяло, которое валялось перед диваном. Книга «Я захватываю замок» шлепнулась с грохотом на пол, и из нее выскользнула фотография. Она подняла ее и начала разглядывать. Снимок был сделан много лет назад во время каникул, которые она проводила со своими родителями и друзьями семьи в городе Торки. Кейт сняли вместе с мамой. Они сидели рядом с багажом на ступеньках гостиницы, в которой остановились. Сложно припомнить, когда это было – во время приезда или уже перед отъездом. На фото запечатлелась полоса неба – темная и зловещая. Кейт вспомнила, что целую неделю шел дождь. Во время тех каникул – Кейт было тринадцать – у нее начались первые месячные. Мать объявила об этом за завтраком в переполненной столовой гостиницы, и отец ласково заулыбался ей, словно она выиграла какой-то приз. Унизительная неделя.

Но в то же время ей нравилось это фото. Они сидели плечом к плечу на деревянных ступеньках, улыбались, хотя в камеру не смотрели. Явно говорили о чем-то веселом. Кейт любила эту фотографию – на ней она не выглядела озабоченной (наверное, все происходило в начале недели). Наверное, поэтому она сохранила ее и спрятала на страницах любимой книги. Она часто так делала со снимками, когда не знала, куда их девать. Положишь снимок в книгу – и как-нибудь он попадется на глаза. А может, и нет.

У Кейт возникла мысль, что Корбин тоже мог вкладывать свои тайные фотографии в книги, чтобы обнаружить их позже, как делала она, или чтобы спрятать. Как только эта идея пришла ей в голову, Кейт поняла, что должна пересмотреть все книги. Она всегда так поступала. Если уж за что-то зацепилась, должна довести дело до конца. Год назад она не могла вспомнить цитату Агаты Кристи, что-то о том, что каждый убийца – чей-то старый друг. В какой книге прочла выражение, она тоже запомнила. И тогда она закрылась в детской комнате на все Рождество и перелистала

каждую книгу, пока не нашла нужную фразу.

Кейт встала и подошла к телевизору, окруженному стеной книг. Полки были забиты беллетристикой и деловой литературой. Тут и там лежали стопки подарочных изданий, сложенных сверху одно на другое, потому на узких полках уже не помещались. Похоже, что эти книги также принадлежали отцу Корбина, а не ему самому. Тем не менее она пожелала знать, что сможет найти, если просмотрит все странички. Книг здесь много, но времени у нее тоже предостаточно. Она понимала, что неплохо бы поспать, но в то же время сна не было ни в одном глазу, особенно после того, как ее разбудил Сандерс.

Чтобы дотянуться до первой книги слева на верхней полке, пришлось встать на пуфик. Это было издание в твердом переплете – «Фирма» Джона Гришэма. Перелистав большим пальцем все странички, она взяла ее за обе стороны обложки и хорошенько потрясла. Ничего. Положила на место и проверила следующую книгу.

Перешерстив всю литературу в кабинете, она нашла множество закладок, пять квитанций десятилетней давности и вырезанную из журнала фотографию Эшли Джадд в нижнем белье, сложенную в книгу в мягком переплете под названием «Кто украл мой сыр?».

Кейт села на кожаный пуфик. Что она ищет? Фотографию Одри Маршалл со словами «УБИТЬ ЕЕ», написанными красными чернилами на ее лице? Нет, но, возможно, что-то, доказывающее, что у Корбина есть личная жизнь, которую он скрывает, и, может быть, какая-то связь с Одри. К этому моменту у Кейт вызрело три версии их особенных отношений. Корбин говорил, что они едва знали друг друга. Друг Одри сообщил, что Корбин и Одри состояли в неофициальных отношениях. Была и третья версия, от Алана Черни, который утверждал, что Корбин частенько навещался к Одри. Зачем Алану врать? Кейт верила, что он не лжет. Ну или как минимум убежден в том, что говорит. Он явно одержим Одри Маршалл, но она доверяет ему. И не только потому, что нашла его привлекательным и легким в общении.

Она вышла из кабинета и направилась в гостиную, залитую молочным утренним светом. Уже совсем рассвело. Она проверила электронную почту. Марта написала обстоятельное письмо насчет Корбина. Они встречались в «Говядине и пудинге», по дороге домой целовались, «совсем немножко», но Корбин сказал, что устал, и не пригласил ее в квартиру Кейт. С тех пор Марта его не видела. «У него там есть девушка? – вопрошала Марта. – Спроси у него. Умоляю».

«Как раз это я и пытаюсь выяснить», – подумала Кейт. Она

успокоилась, узнав, что Корбин, похоже, избегает Марты. Наверное, не нужно предупреждать подругу, что сексуальный американец может оказаться убийцей девушек.

Кейт хотелось кофе, но она решила, что сначала нужно разобраться с книгами в гостиной. Там их было гораздо больше, чем в кабинете, полки простирались до самых потолков. У окна стоял крепкий на вид стол. Она подтянула его к стене и влезла на него. Оттуда она спокойно смогла дотянуться до верхней полки и стащить первую запыленную книжку в твердом переплете. Она быстро перелистала ее, и вдруг накатило дежавю. Оно ощущалось почти физически. Коленки подкосились. Возникло ясное воспоминание, что раньше она уже перебирала книги на этих полках. Стояла на том же столе и так же чувствовала босыми ногами шероховатость его поверхности. В груди образовался пузырь беспокойства. Она воспроизвела свою мантру и проделала дыхательные упражнения. Волнение прошло, а его место заполнил сон прошлой ночи. Во сне она также рылась в книгах. Во всяком случае, это она запомнила. Переворачивала книги верх ногами, из них выскальзывали странички, устилая пол квартиры и наводняя комнату, как снег заполняет пустой плавательный бассейн.

«Мне на самом деле снилось, что я роюсь в книгах, а теперь я занимаюсь этим наяву?» – размышляла Кейт. В какой-то пугающий момент показалось, что она все еще спит. Потом это чувство прошло.

Прежде чем браться за остальные книги, она приготовила себе кофе. Ей, должно быть, придется проверить сотни экземпляров, прежде чем она наконец отыщет что-то интересное.

На одной из полок она добралась до участка, который несколько отличался от уже проверенных – много Стивена Кинга, «Колесо времени» Роберта Джордана, два романа Чака Паланика. Кейт почувствовала, что эти книги принадлежат Корбину. Она просматривала их более тщательно, чем остальные, и ей воздалось за настойчивость. В книге «Игра Эндера» Орсона Скотта Карда она обнаружила три фотографии одной и той же девушки. Должно быть, это та самая девушка, чье фото Кейт нашла в шкафу кабинета, хотя сложно сказать наверняка: фотография немного размыта и захватывает узкую кровать, похоже в маленькой спальне. Стены выкрашены в белый цвет, и к одной стене приклеен постер (репродукция картины Пикассо?).

На первой фотографии девушка смеялась в камеру (фотограф, скорее всего, стоял над ней) и копировала позу кинозвезды, упершись на один локоть. На ней были потертые джинсы и розовая кофточка. На следующем

снимке она лежала на кровати в более естественной позе, и теперь лицо было серьезным. Кейт представила, как Корбин – наверное, это он фотографировал – дает ей указания: *«Нет, не дурачься, будь естественной. Ты прекрасна»*. Она действительно была красивой, особенно на третьем, последнем, фото. Ее сняли крупным планом: кожа усыпана веснушками, губки приоткрыты. Кейт всматривалась в незнакомое лицо, и ей казалось, будто она пытается влезть во что-то невероятно личное, подглядывает в столь интимный момент. Она вернула снимки на место, а книгу поставила на полку, потом быстро просмотрела оставшиеся романы Корбина, но так ничего и не нашла.

Прислонившись к полке, она на миг закрыла глаза. Она вымоталась и пыталась сообразить, сколько же времени потратила на поиски непонятно чего. И все, что она нашла, свидетельствовало, что старую подружку спрятали в забытой книге. Чего же она ожидала?

На каминной полке стояли часы, и Кейт посмотрела на время. Начало восьмого. Может, стоит вздремнуть, ведь у нее сегодня занятия? Она скрутилась калачиком на ближайшем диване в гостиной, положила голову на атласную вышитую подушку, закрыла глаза и почти сразу погрузилась в сон без сновидений.

Стук в дверь, три резких удара, и Кейт выпрямилась, как стрела. Она встала, все еще полусонная, и пошла к двери. В прихожей висело зеркало, и Кейт посмотрела на себя. Волосы, не мытые в течение нескольких дней, выглядели безжизненными и совсем не вились. Она заправила их за уши. Посмотрела в зеркало. Это миссис Вэлентайн, старушка, показывавшая ей квартиру в пятницу. Кейт открыла дверь.

– О, Кейт, я вас разбудила?

– Нет-нет. Заходите.

Кэрл Вэлентайн была одета в сложного кроя свитер, перепоясанный на уровне талии.

– Не буду заходить, просто хотела пригласить вас к себе – пропустим по стаканчику. Вы не заняты сегодня вечером?

Кейт быстро перебрала в голове кучу отговорок, но неожиданно для себя сказала:

– Сегодня вечером будет идеально. С удовольствием.

Они договорились на семь часов, и Кэрл Вэлентайн ушла, оставив после себя цветочный аромат духов «Джин Нейт». Легкий тонирующий запах намекнул Кейт, что следовало бы принять душ, но вдруг она вспомнила, что после полудня начинаются курсы. Она побежала к

телефону посмотреть время. Было почти одиннадцать. Сколько она проспала?

Она быстренько приняла душ, надела свои лучшие джинсы и любимую кофту. Единственным положительным моментом в том, что она потратила целое утро на сон, было то, что у нее не осталось времени на переживания перед первым занятием и поездкой в метро. Она съела кусок хлеба с медом и маслом и выпила вторую чашку кофе, хотя и знала, что это ошибка. От волнения она покрылась гусиной кожей и начала стучать подушечками большого и указательного пальцев.

Допив кофе, она пошла в спальню и вытащила из большой сумки пустой рюкзак. В подтверждающем письме руководитель указал, что брать с собой ничего не нужно: в классе есть компьютеры. И все же Кейт задумалась, не прихватить ли с собой ноутбук. Она отбросила эту идею, но вытащила из-под кровати альбом и положила его в рюкзак вместе с угольными карандашами. Вдруг некуда будет девать свободное время и она сможет порисовать: любая деятельность всегда успокаивала ее.

Чтобы добраться до нужной станции на красной линии метро, ей пришлось пройти несколько кварталов по Чарльз-стрит. По небу мчались облака, и когда выглядывало солнышко, чувствовалось тепло, как в начале лета. Но едва туча закрывала солнце и поднимался ветерок, температура, казалось, падала до двенадцати градусов.

За оживленным перекрестком возвышалась станция «Чарльз-стрит» – массивное сооружение из стекла. Кейт дождалась зеленого света, хотя пешеходы в Бостоне умудряются проскакать на красный перед самым носом автомобилей. Внутри она купила специальную карточку и пополнила ее на двадцать долларов. Это оказалось легче, чем предполагалось. Она ехала на эскалаторе на внешнюю платформу и чувствовала себя весьма благополучной. Она здесь, в Бостоне, вот-вот посетит курсы «ИнДизайн». Жизнь прекрасна. И теперь, когда она находилась за стенами квартиры, ей вдруг показалось смешным, что она настолько погрузилась в ситуацию со смертью Одри Маршалл и возможной причастностью Корбина. Если бы его по-настоящему подозревали, полиция вернулась бы и обыскала квартиру снова.

Приближался поезд, громяхая по путям от затяжной остановки. Кейт шагнула в вагон и заняла место поближе к двери. Половину мест заняли жители пригородов – все как один были в наушниках, и все уткнулись в свои телефоны. Вместе с Кейт в вагон заскочили две женщины в свободной светло-голубой медсестринской форме. Поезд отъехал от станции, и одна из них что-то сказала другой – обе залились смехом. Маршрут поезда

пролегал через мост, и Кейт открылся прекрасный вид на реку и фешенебельный район Бостона Бэк-Бэй. По реке под парусом ходили лодки, кружась в небольших бухточках. В мгновение ока поезд въехал в тоннель, свет начал мигать. Кейт пробила дрожь.

Поезд остановился на станции «Кендалл». Еще три остановки, и она доберется до нужной ей станции «Портер». Практически никто из пассажиров не вышел, зато вошло очень много людей. Рядом с Кейт уселся мужчина с запахом фастфуда и прижался к ней габаритным бедром. Она отодвинула свою ногу и прилипла к ограждению. Перед самым ее носом держалась за грязные поручни женщина с сидящими волосами, но относительно молодым лицом. Сколько же ей лет? Кейт призадумалась, нужно ли уступать место, или это будет выглядеть оскорбительно. Решила не суетиться. Двери с шипением закрылись, и поезд загромохал дальше. Она сделала глубокий вдох, но кислорода явно не хватало, и она сразу же начала проговаривать про себя свою мантру, как обычно в подобных ситуациях. Пусть паника накатывает. Она не может ранить или убить. Стало немного лучше. Чтобы занять чем-то руки, она расстегнула рюкзак, лежащий на коленях, и вытащила альбом. Решила пересмотреть свои рисунки. Открыла альбом. На глаза попались наброски портрета Алана Черни, ее первое впечатление, и ей показалось, что это довольно неплохая работа. Прошлым вечером она провела с ним некоторое время и теперь могла сказать, что скулы у него более отчетливы, а губы немного тоньше. Позже она нарисует новый портрет.

Она перевернула страницу, посмотрела на автопортрет и быстренько перешла на следующий лист. Дальше шел Джек Людовико. Она пристально вгляделась в рисунок. Он больше не был похож на себя, по крайней мере, не таким она его запомнила. Близко, но не те глаза, и форма лица отличается. Как она могла такое нарисовать? Или, может, портрет правильный, а в памяти отложилось неверное?

Она внимательно исследовала рисунок, сердце начало бешено колотиться в груди. Теперь она была уверена, что это не тот портрет, который она нарисовала первоначально. Кто-то добрался до альбома и подменил его. «Нет, – рассуждала она, – невозможно». А значит, она сама подменила рисунок – вернулась и каким-то образом изменила его черты. Но зачем она это сделала? И почему теперь не может вспомнить?

Поезд со скрежетом остановился. Громкоговоритель выплюнул что-то неразборчивое – вроде как что-то похожее на «Портер». Кейт встала и выглянула в грязное окно поезда. Они были на станции «Гарвард», осталась одна остановка. В вагон набилось еще больше людей. Почему

никто не вышел?

Сердце забилося, готовое выскочить из груди. Кейт протиснулась сквозь плотную толпу пассажиров и выскочила на платформу. Прижимая к себе альбом, она хватала ртом воздух. Двери закрылись, и поезд уехал.

Глава 19

Кейт добралась до своего класса на пять минут раньше. Выйдя из станции «Гарвард», она направилась вдоль Массачусетс-авеню к Институту графики, который разместился в большом сером особняке викторианского стиля. До него было меньше мили. Пока она бодро шагала по улице, мозг немножечко проветрился, и она решила, что приняла портрет Джека Людовико слишком близко к сердцу. Ну нарисовала немного неправильно лицо после беглой встречи. Ну и что? Она ведь только приехала в другую страну, у нее нарушен режим в связи со сменой часовых поясов.

Занятие оказалось проще, чем она предполагала. Она переживала, что преподаватель обяжет студентов представляться по очереди, но когда вошла в кабинет на втором этаже, в котором стояли двенадцать компьютеров «Макинтош», ей просто сказали занять место. Преподаватель с окладистой рыжей бородой, обладающий приятным южным акцентом, сразу приступил к объяснению, как пользоваться инструментами «ИнДизайн». Кейт была немного знакома с этой программой: ее ввел в курс дела преподаватель живописи, когда она лежала в больнице после смерти Джорджа Дэниэлза. Кейт с детства обладала способностями к рисованию. Ее первой большой любовью стали раскраски. Иногда она представляла, что в старости будет с утра до вечера разгадывать японские кроссворды. Однако уже в юном возрасте поняла, что поглощена искусством. Даже простое рисование на полях тетради было для нее единственным верным способом расслабиться. То же произошло с компьютерной графикой. Стоило только преодолеть первый страх из-за непонимания этих программ. Кейт хорошо освоила фотошоп и подрабатывала фрилансером по графическому дизайну в агентстве временного трудоустройства в южной части Лондона. Она решила во что бы то ни стало сделать это своей профессией. Куда лучший выбор, чем становиться портретистом, к чему пыталась подтолкнуть ее мать. Писать портреты – по существу интимный процесс, и сама мысль об этом уже пугала Кейт. К тому же вероятность разочаровать клиента при такой работе гораздо выше.

После урока соседка Кейт – такая крошечная, что поначалу Кейт приняла ее за ребенка, – представилась:

– Моя мама тоже англичанка, – сказала девушка, услышав акцент Кейт. – Англичанка из Пакистана.

Они вместе вышли на улицу, постояли, поболтали. Кейт рассказала

девушке, которую звали Сумера, о квартирном обмене и своем намерении прожить в Бостоне шесть месяцев.

– У тебя есть здесь друзья?

– Нет, – призналась Кейт.

– О боже. Какая ты смелая! Я бы никогда не решилась на подобную авантюру.

Кейт рассмеялась:

– Ты, пожалуй, первый и, возможно, последний человек, который считает меня смелой.

– Ну что ты, – уверяла Сумера. – Я серьезно.

– Ладно. Принято.

– Где же твоя квартира?

Кейт рассказала, что живет неподалеку от Чарльз-стрит, возле реки, и Сумера поинтересовалась:

– Ты слышала, что там случилось убийство? Убили какую-то девушку в своей квартире.

– Это в моем доме, – сообщила Кейт, решив не уточнять, что убитая жила в соседних апартаментах.

Сумера открыла рот:

– Боже мой. Ужас!

– Откуда ты знаешь, что ее убили? В газетах сообщили, что ее нашли мертвой.

– Вычитала на сайте «Реддит»^[14], – сказала Сумера. – Посмотри. Это ужасно. Кто-то написал, что тело раскроили пополам.

– В каком смысле?

– Не знаю, правда ли, но говорят, что ее распороли до середины, как на операции. Очевидно, что это работа какого-то маньяка. Я хочу сказать, что «Реддит» – очень известный...

– Не слышала ни о каком «Реддите», – перебила ее Кейт.

После разговора с Сумерой Кейт попыталась избавиться от образа исполованной Одри Маршалл. Раньше она не представляла себе детали смерти Одри по той простой причине, что вариантов слишком много. Но сейчас она знала больше о том, что случилось, и ее мозг прорисовал все это. Она удивилась, что ничего не заметила – ни одного кровавого пятна, – когда прокралась в квартиру Одри Маршалл. Может, то был сон?

– Слушай, прямо не знаю, стоит ли тебе оставаться там. В том доме.

– Думаю, все будет нормально, – сказала Кейт, и ей вдруг захотелось уйти. Лицо Сумеры, у которой от страха буквально вываливались глаза с того момента, как они начали говорить об убийстве, начало раздражать

Кейт:

– Приятно было познакомиться, Сумера. Соседи пригласили меня сегодня вечером в гости, так что я, пожалуй, пойду.

– Может, они больше знают о том, что случилось?

– Возможно. До среды.

– Ладно. Ты на станцию «Портер»?

Кейт собиралась пойти туда, но теперь передумала:

– Я, наверное, пойду на «Гарвард». Мне кое-что нужно...

Сумера, наконец почувствовав беспокойство собеседницы, позволила ей уйти, и Кейт зашагала вдоль Массачусетс-авеню. Ветер приутих, но небо было полностью затянуто облаками, так что солнечный свет казался размытым. Ей показалось, что она смогла бы дойти до самого дома. Она была почти уверена, что широкое светлое авеню, на котором она находилась, растянулось через весь Бостон. Но дойдя до Гарвард-сквер, она увидела станцию метро и решила, что сейчас важно спуститься в подземку еще раз. Всего несколько остановок. Ее паника была больше связана с альбомом, чем с клаустрофобией. И теперь она направлялась домой, в относительную безопасность своей квартиры.

Она без колебаний вошла на станцию, слившись с высадившейся толпой, и заскочила в ближайший более-менее пустой вагон. Назад ехать было гораздо легче. Ей хотелось вернуться домой и посмотреть, что можно разузнать в интернете об Одри Маршалл. Может, Сумера вообще наврала с три короба? Насколько правдивой была информация насчет характера смерти Одри? Рассуждая таким образом, Кейт доехала до станции «Чарльз-стрит». По пути домой заскочила за продуктами. Как минимум до следующего занятия ей не хотелось бы выходить на улицу.

Вернувшись в апартаменты, Кейт забралась на кровать и вытащила из рюкзака альбом, чтобы еще разок взглянуть на эскиз, беспокоивший ее. Может, она слишком резко отреагировала на него в метро? Но нет, когда она посмотрела на рисунок снова, он показался ей еще более неправильным. Вероятно, в квартире освещение все-таки лучше. Глаза были изменены полностью.

«Те глаза нарисовал кто-то другой», – снова прозвучал в голове голос Джорджа.

Она попыталась не обращать на него внимания, перевернула страницу, вынула из коробки угольные карандаши и быстренько набросала портрет Сумеры – ее круглое лицо и широкие невыщипанные брови, прямой пробор посередине. Она не знала, как правильно написать «Сумера», поэтому подписала рисунок следующим образом: «ДЕВУШКА ИЗ КЛАССА

ГРАФИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА, КЕМБРИДЖ, МА» – и поставила дату. Перевернув страницу, она начала рисовать новый портрет Джека Людовико, но он не получался. Она потеряла уверенность в том, как он выглядел. И она сделала то, что делала крайне редко, – вырезала страницу лезвием бритвы, которое хранила вместе с художественными принадлежностями.

Девушка соскочила с кровати и подошла к компьютеру, чтобы поискать новую информацию об убийстве, но ничего не смогла найти. Она даже зашла на «Реддит» и попыталась выяснить что-нибудь там, но не смогла сориентироваться в обилии информации и забросила это дело.

Решила проверить электронную почту. Ответа от Корбина не было. Он не отреагировал даже на ее сообщение о том, что полиция обыскивала квартиру.

В семь вечера, переодевшись в летнюю одежду и кардиган, Кейт вышла из квартиры, спустилась по лестнице в вестибюль, а потом по другой лестнице поднялась на противоположное крыло. Интересно, может, Кэрол Вэлентайн или ее муж что-нибудь знает о расследовании смерти Одри Маршалл? Она предположила, что эта тема может стать частью их вечернего разговора.

Она повернула за угол в коридор Вэлентайнов, оклеенный обоями черного и серебристого цветов, и увидела Алана Черни, который вышел из своей квартиры и как раз запирает дверь. Он повернулся, и Кейт заметила у него в руках бутылку вина. В голове промелькнул вопрос: куда это он собрался? Но тут она поняла, что его, вероятно, тоже пригласили к Вэлентайнам.

– Завалюсь-ка я на вечеринку в честь вашего приезда, – улыбнулся он, когда она подошла поближе.

– А я ничего с собой не взяла, – покраснела Кейт и уставилась на бутылку вина. – Я даже не подумала об этом.

– Вот, – Алан протянул ей бутылку. – Я произвел на них первое впечатление месяц назад. Так что теперь ваша очередь.

– Нет-нет, – стала отказываться Кейт.

– Да они и пригласили меня только потому, что я столкнулся с Кэрол в вестибюле и сказал, что немного вас знаю.

– Так это будет большая вечеринка? Я думала, они пригласили только меня пропустить стаканчик-другой.

– Нет, будем только мы и, может, миссис Андерби – она живет внизу. Полагаю, на Бери-стрит такая традиция. Приглашают всех новых жильцов к Вэлентайнам. Я взял вина, чтобы не идти с пустыми руками, но они будут

подавать мартини и надеются, что вы примете угощение.

– Да?

– Так было, когда они приглашали нас с Куинн.

– Нам правда нужно идти, как думаете?

– Да, надо идти.

Алан постучался, и дверь открыл мистер Вэлентайн – низенький мужчина с красивыми седыми волосами. Сложно сказать, всегда ли он был маленького роста или всему виной старость. На нем были брюки от костюма и голубой кашемировый джемпер, он поманил их длинной тонкой серебряной ложкой.

– Olive or a twist?^[15] – поинтересовался он.

Кейт смутилась, поскольку ей показалось, что мужчина сказал «Оливер Твист», и повернулась к Алану.

– Мне лимон, пожалуйста, – сказал он мистеру Вэлентайну и обратился к Кейт: – С чем хотите мартини – с оливками или лимоном?

– О, оливки, будьте добры, – с облегчением вздохнула Кейт. Едва мистер Вэлентайн развернулся и ушел, тотчас же появилась Кэрол. На ней все еще был белый свитер с большим запахом, в котором она ходила утром, а ее седые волосы, которые Кейт всегда видела собранными, были распущены, зачесаны назад и жестко удерживались каким-то средством для укладки.

– Заходите. Кейт, какое прелестное платье! Пожалуйста, извините Билла. Он молчит до первого мартини, а потом не сможет его заткнуть.

Они последовали за Кэрол в изысканную гостиную, обставленную в основном белой мебелью. Стены были оклеены обоями бледно-золотого цвета. Пока они шли, Алан прошептал Кейт: «Эти слова она произносила в прошлый раз». Пока он шептал, они чуть не столкнулись лбами, и Кейт обнаружила, что рада его компании.

Билл Вэлентайн стоял у стойки в гостиной, помешивая мартини в кувшине той самой длинной ложкой, с которой их встретил. Кот Сандерс, который терся у его ног, остановился и пристально посмотрел на новых гостей.

– О, Сандерс, – улыбнулась Кейт.

– Он здесь? – переспросила Кэрол, не сразу заметив четвероногого гостя. – Я уверена, что он уже пытался пробраться в вашу квартиру. Вы не обязаны пускать его, если не нравится. Он думает, что весь дом принадлежит ему, а мы все ему служим.

– Я ни разу не видела его хозяйку, – заметила Кейт.

Алан и Кэрол одновременно произнесли:

– Флоренс Гальперин.

– Ее никто не видит, – продолжила Кэрол. – Насколько мне известно, она не выходит из квартиры. Продукты ей привозят поставщики.

– Я тоже никогда не встречался с ней, – поддержал разговор Алан.

Послышался стук в дверь, и Кэрол сказала:

– Это, должно быть, миссис Андерби. Извините, пожалуйста.

Алан подошел к стойке, чтобы узнать, не нужна ли помощь Биллу Вэлентайну, а Кейт прошла дальше в богатую гостиную. В комнате стоял резкий неприятный запах сирени. Кейт повернулась и заметила большой букет на столе. Над столом висел написанный маслом портрет Билла и Кэрол в полный рост, сделанный, похоже, четверть века тому назад. Билл сидел, а Кэрол стояла позади, опустив руку ему на плечо. Они выглядели так же, как и сейчас, если не считать волос. У молодого Билла они были темные, в которых только-только начала прорезаться седина, ну а Кэрол – чистая блондинка. Алан появился рядом с Кейт, держа два мартини – одно с лимоном, другое с оливкой. Он вручил Кейт ее бокал. Ее рука слегка дрогнула, бокал покачнулся, и напиток чуть не пролился. Кейт наклонила голову и отхлебнула глоток – и мартини тонкой струйкой потекло вниз по подбородку.

– Боже! Как я рада, что ты единственный видел это безобразие!

Алан засмеялся и отвернулся, чтобы не смущать девушку. В комнату вошли Кэрол и миссис Андерби, которая выглядела явно старше Билла и Кэрол. Она была низенького роста, с горбом вдовы^[16] и жидкими волосами, обнажающими розовую кожу головы. Кэрол представила ее Кейт, и та удивилась крепкой хватке пухлой ручонки миссис Андерби.

– Yes, she is pretty^[17], – воскликнула вновь прибывшая.

– Нет, – уточнила Кейт. – Это моя фамилия. Кейт Придди. П-Р-И-Д-Д-И. – Она привыкла каждый раз объяснять.

– А, понимаю. Но ты к тому же прелесть, дорогуша.

– Спасибо.

Это заняло некоторое время, но в итоге все гости были рассажены вокруг белого лакированного низенького столика, на котором стояли несколько небольших чаш с орешками и оливками. Кейт выпила половину своего мартини, опасаясь, что напиток снова выплеснется, но уже ощутила его действие. Она много раз пила мартини, но всегда с минеральной водой или соком. Но теперь оказалось, что ей нравится и неразбавленный мартини, если не обращать внимание на легкую дрожь при каждом глотке.

Билл Вэлентайн тоже успел выпить полбокала и принялся посвящать

Кейт в историю дома, в котором они жили:

– Это итальянский дворик, который действительно отличается от похожих зданий во Флэт-Хилл^[18].

– Что за Флэт-Хилл? – спросила Кейт.

– Наш район...

– Вообще-то Бикон-Хилл, – уточнила Кэрол.

– Нет, неправда. Люди говорят, что мы живем в Бикон-Хилл^[19], но мы же не на холме, ведь так? На самом деле мы на засыпанной территории, которая потеснила русло реки, чтобы здесь было больше места для строительства. Вот почему она плоская.

– Как бы этот район ни назывался – он самый красивый из тех, в которых я жила, – призналась Кейт.

Билл продолжал рассказывать Кейт о местной истории, включая длинный перечень знаменитых жителей, ни одного из которых Кейт не могла знать. Кэрол тем временем завладела вниманием Алана и завела беседу с ним и миссис Андерби. Пока Билл продолжал свой монолог, Кейт краем уха слышала обрывки другой беседы и поняла, что они говорят об Одри Маршалл. Она прилагала все усилия, чтобы сохранять видимость интереса к речам хозяина, а сама прислушивалась к словам Кэрол – что-то о некомпетентности полиции. В бокале Кейт осталась пара капель мартини. Она допила – остатки были теплыми и с более терпким привкусом – и закусила оливкой в надежде, что Билл заметит ее пустой бокал и предложит долить. Его взгляд наткнулся на ее бокал, и он поспешно допил свой. Кейт спросила, не хочет ли он еще, и начала было суетиться, но он остановил ее и сказал, что сам приготовит. Он с усилием поднял себя с дивана, взял оба пустых бокала и пошел к барной стойке. Кейт почувствовала себя виноватой, но ей действительно хотелось услышать, о чем говорят другие. Она немного придвинулась, чтобы быть ближе к ним.

Кэрол повернулась к Кейт:

– Мы говорим об Одри Маршалл. Надеюсь, это вас не беспокоит? Надо же, приехать в Америку и узнать, что твоя соседка убита.

– Значит, уже официально заявили, что это убийство?

– О да, думаю, что так. – Глаза Кэрол метались от гостя к гостю, ища поддержки.

Миссис Андерби подтвердила глубоким мужеподобным голосом:

– О да, убийство. Вероятно, преступление на сексуальной почве. В этом городе уже небезопасно, даже с привратником. Я сказала сыну, что найму выгульщика для своей собаки Скаута, потому что не знаю, могу ли

спокойно ходить по улицам. Я больше не узнаю свой район.

– Лайла, не думаю, что сейчас на улицах более опасно, чем когда-либо, – возразила Кэрол.

– Ну, я просто не знаю.

– Кто-нибудь слышал, как убили Одри Маршалл? – напрямую спросила Кейт. Она надеялась получить подтверждение того, что узнала от девушки с курсов.

– Нет, даже Боб сказал, что не уверен. Ну а если Боб не знает...

– Ножом, и она была изувечена, – заявил Алан таким голосом, как будто речь шла о пятидневном прогнозе погоды. Все взоры обратились к нему.

Глава 20

Миссис Андерби положила руку на грудь и тихонько ахнула – так ее поразило заявление Алана.

– Ну, это то, что я читал, – продолжил Алан. – В интернете.

– В «Реддите»? – уточнила Кейт.

– Нет, в комментариях к статье в «Глоуб»^[20]. Понимаю, что звучит не слишком правдоподобно, но один из авторов комментариев сказал, что знает водителя скорой, доставлявшей тело в морг. По его словам, это самое страшное преступление, которое он когда-либо видел.

– Боже мой! – воскликнула Кэрол.

– Я тоже такое слышала, – подтвердила Кейт. – Не из интернета – мне девушка с курсов сказала. Она прочитала в «Реддите». Я даже не знаю, что это.

– Ну, давайте будем надеяться, что все это неправда, – предложила Кэрол. – Если информация распространится, сюда хлынут зеваки и репортеры. Будет как в Чарльз-тауне после, после...

– Кого-нибудь уже арестовали? – спросила миссис Андерби, адресуя вопрос Кейт и Алану.

– Нет, – ответил Алан. – По крайней мере, об этом я не читал. У меня на самом деле не так уж много информации.

– Вы ее знали? – спросила Кэрол.

– Э-э-э-э... – Алан бросил взгляд в направлении Кейт. – Нет, правда. Я встречал ее, как и всех, но не знал.

– Мы приглашали ее к себе, как только она въехала, правда, Билл?

Билл Вэлентайн устроился на своем месте, вручив Кейт ее бокал с мартини.

– Она была очень красивой, – продолжала Кэрол. – Но, кстати сказать, я так и не поняла после того вечера, что она делала, чем занималась, Билл, кажется, работала в издательстве или что-то в этом роде?

Билл пожал плечами и кивнул головой.

– Кажется, да...

– Не понимаю, что он имеет в виду под словом «изувечена», – вступила в беседу миссис Андерби.

– Если честно, это всего лишь слухи, – сказал Алан. – Я уверен, что все это неправда.

– Они ужасно долго провозились на месте преступления, – заметила

Кэрол.

– К вам уже приходили из полиции, говорили с вами? – спросила Кейт.

– Приходили, брали показания. Они говорили со всеми жильцами дома.

Кейт рассказала, как полицейские обыскивали ее квартиру.

– У них был ордер? – поинтересовался Билл.

– Нет. Но я не знала, что делать. Я только приехала и не была уверена...

– О, даю голову на отсечение, что Корбину нечего скрывать, – вставила Кэрол. – Он вообще уехал перед тем, как все произошло, ведь так? Но интересно, зачем они обыскивали его квартиру, тем более ночью?

– Может, потому, что он был ближайшим соседом, – предположил Алан.

– Уверена, что именно так. А они знали друг друга, Кейт? Одри и твой кузен?

Кейт взглянула на Алана.

– Они действительно знали друг друга. Не знаю, насколько хорошо, но полиция сообщила Корбину о произошедшем. Не думаю, что его просили вернуться в Бостон или что-то еще. – Кейт сделала еще глоток мартини и подумала, что нужно притормозить, хотя было очень вкусно.

– И все-таки не могу понять насчет увечий, – сказала каркающим голосом миссис Андерби.

– Никто не понимает, Лайла, – быстро ответила Кэрол. – Мы даже не знаем, что там произошло на самом деле. Может, пора сменить тему? Кейт, расскажите о себе.

Четыре пары глаз обратились к Кейт, и она почувствовала, как у нее запылали щеки. Она поставила бокал на столик и открыла рот, чтобы что-то сказать, но не знала, с чего начать. Кэрол подсказала, спросив, из какой она части Англии.

– Брейнтри, графство Эссекс, – сказала Кейт, – только не используйте это против меня. – Судя по непонимающим взглядам, ни у кого из гостей не было ни малейшего представления об Эссексе. Кейт немного рассказала о своем детстве и взрослении, как она занималась портретной живописью, а теперь хочет овладеть искусством графического дизайна. Как обычно, повествуя о своей жизни, Кейт поверхностно освещала страшные страницы биографии – период жизни после университета, после случившегося с Джорджем Дэниэлзом, когда лежала в больнице или была затворницей в родительском доме.

– Так вы первый раз в Америке? – спросила миссис Андерби.

– Да.

– Мы должны составить для Кейт список того, что ей следует сделать, пока она здесь, – предложил Алан, и Кейт сразу же поняла, что таким образом он решил сместить фокус внимания, отвлечь от ее персоны. И это сработало. Все начали говорить буквально хором, забросав ее предложениями, как наилучшим образом провести время в Бостоне. Кейт подняла глаза на Алана, чтобы поблагодарить его взглядом, но он не смотрел на нее. Она с минуту изучала его профиль, впервые обратив внимание на полную нижнюю губу. Она почувствовала прилив нежности – он так старается защитить ее. Они виделись трижды, а ей казалось, будто она знает его всю жизнь. Внезапно смутившись, она перестала смотреть на него и снова взяла свой martini, чтобы сделать глоточек. Она была пьяна и понимала это. Пальцам стало холодно ото льда, болтающегося в бокале. Она зачерпнула горсть орешков из маленького блюда и начала один за другим забрасывать их в рот.

Примерно через двадцать минут компания под руководством Алана составила окончательный список того, что Кейт нужно увидеть и посетить. В перечень включили следующее: осмотреть Музей Изабеллы Стюарт Гарднер, побывать на игре «Ред сокс» в Фэнуй-парке^[21], попробовать лобстер-ролл^[22] из ресторана «Устрицы Нептуна», переправиться паромом в Провинстаун^[23], посетить частную библиотеку-музей «Атенеум» по другую сторону парка Бостон-коммон. Последнее предложил Алан, добавив, что будет счастлив отвести ее туда.

Билл встал:

– Кто желает на дорожку?

Миссис Андерби с готовностью подняла руку, но тут включилась Кэрл:

– Билл, думаю, у молодых людей свои планы на ужин.

Алан вопросительно посмотрел на Кейт.

– Думаю, что два martini – это мой предел, – сказала она, и все засмеялись. А она пыталась понять, не заплетался ли у нее язык.

Кэрл проводила Алана и Кейт к входной двери, а Билл тем временем готовил напиток для миссис Андерби.

– Мне жаль, что пришлось прервать разговор об Одри Маршалл. Боюсь, Лайла и так не будет спать несколько дней, – пояснила она. – Кейт, я лично общалась с управляющим, а также с Бобом, Санибелом и с, как его, новеньким?..

– Оскар, – подсказал Алан.

– И с Оскаром. В ближайшие месяцы привратники будут начеку.

Алан и Кейт остались в коридоре одни – Кэрол настаивала, чтобы они погуляли и возвращались, может быть, даже на ужин. С минуту они стояли неподвижно, глядя друг на друга. Пауза в разговоре позволила Кейт осознать, к чему привели два мартини – стены приобрели причудливую форму, как будто они были под водой.

– Думаю, мне надо поесть, – пролепетала она.

– Это большие порции мартини, – улыбнулся Алан.

– Сколько ты выпил?

– Два, но я профессионал.

– Ага, полагаю, что я любитель.

– Я не силен в кулинарии, – признался Алан, – но хорошо готовлю завтраки. Могу состряпать тебе омлет.

– Звучит мило.

На кухне Алана, так же как и на кухне Кейт, стоял стол с поверхностью, отделанной гранитом. Она сидела и наблюдала, как он готовит омлет. Он предложил ей вина, но она попросила воды. Он уже взбил яйца, нарезал сыр «Ярлсберг»^[24].

– Извини, у меня нет овощей, – огорчился он.

– Я тебя умоляю! С удовольствием поем сыра.

– Могу еще поджарить тост, если хочешь.

– Да, пожалуйста. Могу и сама приготовить, если покажешь, где хлеб.

Пока Кейт жарила тост, Алан пошел в гостиную и включил музыку, что-то джазовое, смутно знакомое. Саксофон-тенор, фортепиано, ударные. Он вернулся и принялся за омлет, бросив большой кусок масла на горячую поверхность сковороды. Лицо было сосредоточенным, как у мальчика, склонившегося над орфографическим тестом в школе. Именно в тот момент она решила непременно переспать с этим парнем.

После Джорджа Дэниэлза она ни с кем не была. Уже больше пяти лет. Она ужаснулась при мысли о сексе, но понимала, что это нужно сделать. Она не собиралась избегать интимных связей лишь потому, что имела близость с человеком, пытавшимся ее убить. Однако надо выбрать подходящее время. Важно не ошибиться – ни в человеке, ни в моменте, – чтобы не усугубить психологическую травму. И вот он наступил – тот самый идеальный момент. Она пьяна и находится в другой стране. Если вдруг захочется уйти, далеко бежать не придется, ибо ее квартира в этом же доме. И ее тянуло к Алану, а его, кажется, влекло к ней. И несмотря на его некоторую странность – одержимость Одри, например, – он казался добрым. И она сказала себе, что время пришло.

В ожидании чего-то волшебного Кейт потеряла аппетит. Тем не менее, пока они говорили о Кэрол и Билле, она съела свой омлет и тост с маслом. Алан рассказал, что Билл в свое время возглавлял крупную авиакомпанию, поэтому у семьи была возможность проводить зимы на Палм-Бич^[25]. У них был один сын, покончивший с собой двадцать лет назад.

– Откуда ты все это знаешь? – удивилась Кейт.

– Куинн, моя бывшая девушка, рассказала. Мы выпивали с ними – точно так же, как и сегодня, кстати, – и Куинн, очевидно, прошла тест, а я нет. Кэрол и Куинн стали почти подружками. Ну, как-то они играли в гольф, затем обедали, а меня не пригласили.

– Ты играешь в гольф?

– Нет.

– Почему же ты считаешь, что произвел плохое впечатление?

– Я сделал замечание, что на Бери-стрит не нужен швейцар. Что-то вроде того. И мне прочитали целую лекцию. Кроме того, я не уверен, что они в восторге от моего носа.

– Ты серьезно? Правда? – изумилась Кейт.

– Нет, не совсем. Я имею в виду, что я еврей.

– А-а-а.

– Ты знала, что я еврей?

– Нет, я даже не думала об этом.

– Возможно, я параноик, но я весь вечер просидел не переставая думать, что они видели исключительно уродливого еврея с прекрасной девушкой и гадали, как же я попал в их дом. Вероятно, такие же мысли посещали их и сегодня вечером.

– Согласна, ты параноик.

Алан засмеялся.

– То, что я параноик, – это понятно. Но интересно, они тоже такого мнения?

– А я не считаю тебя некрасивым, – призналась Кейт. – Нисколько.

Они убрали посуду, и Кейт не отказалась от бокала белого вина. После еды она практически протрезвела, и ей снова захотелось вернуть то ощущение легкости и игривости, которое она испытывала ранее. Когда кухня была убрана, Алан пошел в гостиную поставить новую запись, и Кейт последовала за ним. Начала играть музыка – снова джаз, но на этот раз женский вокал, – и Кейт поставила бокал на столик. Алан тоже отставил свой бокал и после некоторых раздумий обнял Кейт и поцеловал. Девушка слегка напряглась, но затем расслабилась и приоткрыла губы. Кончики их языков коснулись, и ноги Кейт ослабели. Она немного

отодвинулась.

– Что-то не так? – заглянул ей в глаза Алан.

– Давно не занималась этим.

– Ладно.

– И на то есть причина. Это тянется из прошлого.

– Хорошо. Мы можем поговорить, если хочешь.

– Нет, не хочу. Я просто опасаюсь, что ты можешь испугаться, заметив во мне некоторые странности.

Алан улыбнулся.

– Спасибо, что дала знать. – Его голос казался немножко охрипшим. – Предупрежден – значит вооружен.

Они еще поцеловались, стоя возле проигрывателя. Кейт узнала одну из песен, «Околдована, взволнована и смущена»^[26]. Эта старая мелодия перенесла ее в другую эпоху. Как будто все было давным-давно. Песня помогла ей почувствовать себя другим человеком – без страхов, способным испытать новую любовь и страсть.

– Ты хочешь? – спросил Алан.

– Остаться?

– Да.

– Ага.

Они пошли в спальню. Она была такая же чистая, как и вся квартира, двуспальная кровать была аккуратно заправлена, нигде на полу не валялась одежда. Над кроватью висела репродукция, в которой Кейт узнала картину Шагала. Любопытно, это его картина или просто напоминание о его неудавшихся отношениях? Сначала душ принял Алан, затем Кейт. Когда она вернулась, он уже лежал в постели. Она чувствовала себя абсолютно протрезвевшей и немного нервной, но паники не было. Она понимала, что готова. Конечно же, Джордж Дэниэлз ошивался где-то на задворках ее разума и наблюдал за ними, но Кейт в состоянии с этим справиться. Он всегда был там, она привыкла к нему.

Кейт заметила футболку и что-то похожее на пижамные штаны, аккуратно сложенные у кровати. Алан сказал:

– На случай, если захочешь что-нибудь надеть. – Узнав, что она некоторое время не имела отношений, Алан проявлял деликатность. Она стащила платье через голову, сняла лифчик и пробралась к нему. Постель была свежей, и Алан прижал Кейт к своему худому теплему телу. Его рука скользнула по ее грудям. Во рту все еще чувствовался привкус вина.

Она проснулась на рассвете, спальня была залита жемчужно-серым

светом, пробивающимся через единственное окно. Алан слегка похрапывал, его рука покоилась на ее ноге. Над ними стоял Джордж Дэниэлз. В одной руке он держал охотничье ружье, другой – расстегивал штаны. Он улыбался ей беззубым ртом, похожим на зияющую дыру. Кейт удивилась: где же его зубы? Но тут же обнаружила их в собственном рту. Горсть зубов, стучащих, как остроконечный бисер, лезла ей в глотку и не давала дышать.

Она снова проснулась. Окно выглядело по-прежнему, тускло просвечивался рассвет, но Джорджа не было, а рука Алана больше не лежала на ее ноге. Сердце забило быстрее, а кожа покрылась потом. Это просто Джордж, он снова в ее снах, в единственном месте, где он может добраться до нее. Она выскользнула из постели и, не одеваясь, пошла в ванную. Щелкнула выключателем, вспыхнул резкий яркий свет – четыре большие лампочки над умывальником. Она зажмурилась, потом аккуратно приоткрыла глаза, чтобы дать им привыкнуть. Во рту было сухо, и она выпила холодной воды с привкусом железа прямо из-под крана. Посмотрела на себя в высокое зеркало. Глядя на свою наготу, она остро осознала, что произошло. Все прошло хорошо. На самом деле даже лучше, чем хорошо. Они целовались и робко прикасались друг к другу. Было совершенно очевидно, что Алан не торопится, давая ей возможность адаптироваться. И она уже начала сожалеть, что рассказала, как на нее давит прошлое. Но когда сняла трусики и спросила его о презервативе, он взял процесс под свой контроль, сначала медленно, затем, когда уже вошел в нее, – с пониманием дела. У Джорджа, неуклюжего и озабоченного, никогда так не получалось. Несмотря на то что она чувствовала себя несколько отстраненной, как бы наблюдающей за происходящим со стороны, ей все понравилось. Она была крайне счастлива, что это наконец произошло, хотя и не совсем в тот момент. Алан уткнулся головой ей в плечо и давил на нее всем весом. Она чувствовала каждый его вдох и выдох, липкое тепло между телами. Ее любимый момент. Она прикоснулась кончиком языка к его шее, чтобы попробовать на вкус. Размышляя сейчас об этом, она ощущала облегчение оттого, что познала другого мужчину кроме Джорджа Дэниэлза. Однако ее также не покидало чувство беспокойности. Несмотря на то что Алан заставил ее почувствовать вкус жизни, нельзя было отрицать, что она его едва знает.

Она выключила свет, и ванная снова погрузилась во тьму. Она отыскала дверную ручку и шагнула в тускло освещенный коридор. Вернулась в спальню. Алан все еще спал, уткнувшись лицом в подушку,

одна нога выглядывала из-под одеяла.

Кейт тихо собрала свою одежду и пошла в ванную одеваться. Она видела, как он там лежал, невинный, словно младенец. И это зрелище вызвало импульс страха, пронзивший живот. Точно так же спал Джордж Дэниэлз – лежа на животе, засунув руку под подбородок.

«Просто Алан так спит, – успокаивала она себя. – Он не Джордж».

Но она явно ощущала, как приятные чувства, которые она только что испытывала к Алану, испарялись. Это было похоже на быстрое изменение погоды.

Она оделась и вышла из его квартиры, направляясь в свою часть дома. Она никого не встретила по дороге, но туфли так громко стучали о кафельный пол, что, казалось, весь дом знает, где она провела ночь.

Уже дома, за закрытой дверью, ее воспаленная фантазия разгулялась. Она едва знала Алана. Он был одержим той женщиной, которая сейчас мертва. После единственной встречи он заявился в ресторан, где она ужинала. Вероятно, следил за ней, и, возможно, сам позаботился, чтобы его тоже пригласили к Биллу и Кэрол Вэлентайнам на выпивку. В лучшем случае он решил ее соблазнить, и это ему удалось почти сразу же. В худшем случае он был психом-убийцей. Она поймала себя на том, что быстро шевелит большим пальцем, поочередно смыкая его со всеми остальными – по три раза с каждым. Усилием воли она заставила себя прекратить.

Раздался стук в дверь – легкий, почти нерешительный. Нет никакой надобности смотреть в глазок. *«Это Алан, – прозвучал голос Джорджа. – Он разыскивает тебя».* Все-таки Кейт посмотрела. За дверью было лицо Алана – серьезное, почти напуганное. А было ли что-то еще? Немножко ярости, может быть.

Кейт сняла туфли и максимально тихо попятилась от двери, Джордж продолжал нашептывать.

Глава 21

Кейт попыталась уснуть, но не удалось, поэтому она приняла душ и оделась, хотя и не намеревалась в тот день выходить из квартиры.

Она открыла учетную запись почтового сервера, увидела, что Марта находится онлайн, и послала ей сообщение: «Приветики».

Прошло пять минут, в течение которых Кейт прочла письмо от отца, в котором он выражал надежду, что она в полном порядке. Она знала, что письмо надиктовывала мама или вообще сама писала, – видимо, она не хотела говорить такое от себя. Она была уже готова погуглить об Алане Черни, но тут ей ответила Марта: «Привет».

КЕЙТ: Как жизнь? Больше не лизалась с моим кузенком?

МАРТА: Хотела. Он убежал.

КЕЙТ: Что ты имеешь в виду?

МАРТА: Не видела его, не слышала. Не то чтобы я не пыталась (полная ложь), но он не попадает на глаза.

КЕЙТ: С каких пор?

МАРТА: С тех пор как виделись в последний раз. Не знаю. Кажется, в субботу слышала его.

КЕЙТ: Странно.

МАРТА: Он расспрашивал тебя обо мне? Это ты посоветовала ему бежать без оглядки?

КЕЙТ: Я посоветовала ему, чтобы он держался подальше.

МАРТА: Похоже, ты добила своего, грязная сука.

КЕЙТ: Возможно, он снял какую-нибудь роскошную квартиру, чтобы выселиться из моей. Если увидишь его, все же дай знать.

МАРТА: Что происходит?

КЕЙТ: Ничего. Просто любопытно. Должна бежать.

Кейт вышла из аккаунта. Куда же запропастился Корбин? Он возвращается? Если да, почему не сообщил?

Кейт вернулась к поиску информации об Алане Черни, но нашла ничтожно мало. Похоже, он был фехтовальщиком, его имя значилось в результатах какого-то турнира. Также она раскопала одно фото десятилетней давности команды Университета Тафтса. Вчера на коктейльной вечеринке он сказал, что Одри Маршалл была изувечена и он

якобы узнал об этом из заметки в «Бостон глоуб». Нет, не из заметки, а из комментариев к ней. Кейт перешла на сайт «Глоуб» и нашла новость об Одри Маршалл. Ниже стояло несколько комментариев, но ни в одном не упоминалось, как именно ее убили. Она проверила каждое сообщение – все, что смогла найти, – и все комментарии к ним. Ничего. Либо они были удалены – что вполне вероятно, – либо Алан знал, что произошло с Одри, из других источников.

Кейт убрала ноутбук с колен и быстро встала. Так быстро, что голова закружилась и она снова села. Во рту все еще было сухо после вчерашней ночи и чувствовался вкус martini. Она снова встала, на этот раз медленнее, и пошла на кухню. Выпила сока прямо из пакета. Присосавшись, она не могла остановиться, и пила настолько жадно, что сок потек по подбородку. Потом она съела ванильного йогурта. Стало немного лучше.

Она вернулась в гостиную и выглянула в окно, чтобы узнать, что там с погодой. День был ярким и ясным – в поле зрения ни одного облачка. Впервые с момента ее приезда в Бостон погода радует. Однако видимая часть реки была покрыта рябью, а ближайшее дерево, на котором уже появились молодые листья, сгибалось и разгибалось под порывами ветра. Она прижалась ладонями к стеклу – оно было холодным на ощупь, и ощущалась вибрация от ветра.

Может, и стоит сегодня прогуляться, подумала она, но тут же отбросила эту мысль. Ей было комфортно за закрытой дверью квартиры, а там, на улице, где-то бродит убийца Одри. И, может быть, убийца как раз сейчас интересуется Кейт.

Она пыталась убедить себя, что это паранойя, но уговоры не срабатывали. То, что случилось с Одри, напрямую касается и ее. Может, и не с самого начала, но сейчас уже да. У Корбина была интрижка с Одри, и он лгал. И Кейт сейчас здесь, в его квартире. Неважно, что им заинтересовалась полиция.

А тут еще Алан. О чем она только думала, когда прыгнула к нему в постель? Даже если он никоим образом не причастен к преступлению, он месяцами шпионил за Одри, был одержим ею, изобретая способы знакомства с ней. *«Нормальные люди так себя не ведут»*, – злилась Кейт. Может, она просто неспособна быть с нормальными людьми? Может, ее влечет к психопатам? Джордж Дэниэлз не лишил ее дара привлекать извращенцев. Ей нужно было отправиться в совершенно другую страну и найти другого придурка. Она представила искаженное линзой глазка лицо Алана, которое видела буквально пару часов назад, и ужаснулась. Он,

вероятно, сейчас на работе, но вернется к ней позже, вечером. Она была в этом уверена.

В гостиной зазвонил телефон, издавая резкий бренчащий звук. Кейт подошла к аппарату, сердце забилося чаще. У Алана есть ее номер? Вполне возможно. Очевидно, этот номер указан в справочнике. Телефон прекратил звонить. Прошло несколько секунд, и он снова ожил. Кейт была уверена, что это, безусловно, Алан, но решила все-таки поднять трубку. Если она собирается поговорить с женщиной (а она уже переспала с ним, так что теперь придется говорить), то это легче сделать по телефону, чем в личной беседе.

Она откашлялась, сняла трубку и произнесла:

- Алло?
- Кейт Придди? – прозвучал женский голос.
- Угу.
- Это детектив Джеймс. Звоню, чтобы узнать, можем ли мы прийти, чтобы обыскать квартиру еще раз.
- Полагаю, что да. Есть ли у вас, э-э-э, ордер?
- Нет, но если хотите, мы можем его получить.
- Думаю, было бы неплохо.
- Я привезу родителей Одри Маршалл в ее квартиру, чтобы они могли забрать какие-то вещи. Вот и подумала, что мы могли бы оставить их на некоторое время одних, а в это время поговорить с вами и получше осмотреть квартиру Корбина, которая в данный момент является вашей.
- Ну, да. Хорошо. Корбин подозреваемый? Вы разговаривали с ним?
- Я смогу ответить на ваши вопросы, когда буду у вас, Кейт, хорошо?
- Ладно.

Кейт повесила трубку. К ней что, придет куча людей в резиновых перчатках с пакетиками для улик? Похоже, что нет, если у них даже ордера нет. Тем не менее они явно знают, что у Корбина были отношения с Одри. Как и раньше, перед прибытием полиции у Кейт возникло непреодолимое желание снова обыскать квартиру самостоятельно. Но тут она подумала, что, вероятно, стоит вести себя осмотрительнее и не прикасаться к вещам. Она застыла и осталась стоять у телефона. Вдруг ей пришло в голову, что они захотят увидеть ключ от квартиры Одри. Где же он? Какое-то мгновение Кейт не могла собрать мысли в кучу, но затем возникло смутное воспоминание, что она положила его обратно в ящик, где, собственно, и нашла его. Она отправилась на кухню, чтобы проверить свою версию. Ключа на месте не было. Валялось несколько неподписанных ключей и какие-то с бирками, но нужный – с инициалами «ОМ» – как будто

испарился. Кейт напряженно думала. Может, он все еще в кармане джинсов, в которых она ходила в квартиру Одри. Она помчалась в спальню, начала рыться в одежде, но ключ найти не смогла. Она вернулась на кухню и снова обшарила весь ящик – даже подняла лоток, чтобы убедиться, что ключ не завалился под него. Она ломала голову, но так ни к чему и не пришла. Ключ точно был при ней, когда она вернулась из квартиры Одри. Она еще увидела Алана через окно и испугалась, что он тоже заметил ее, но потом выбросила это из головы.

Она снова пересмотрела ключи с ярлыками, взяла в руки один – с надписью «КЛАДОВКА». Она видела этот ключ раньше, но предположила, что он от какой-то ячейки склада, которую арендовал Корбин или его отец. А что, если нет? Может, он от кладовки в подвале дома? Не похоже, конечно, что к такой огромной квартире прилагается еще и дополнительное пространство, но чем больше она думала об этом, тем отчетливее осознавала, что так оно и есть. Она сильно сжала ключ между пальцами. Может, именно поэтому она нашла так мало следов личной жизни Корбина в квартире – все хранится в кладовке. Детектив Джеймс сказала, что явится примерно через час. Кейт решила, что у нее есть время быстренько проверить подвал. Она понимала природу своего импульсивного желания: если не посмотрит немедленно, будет думать, что в кладовке хранится что-то ужасное. Она должна взглянуть, чтобы убедиться, что никаких ужасов нет. И что такого кошмарного там может быть? Половинные останки бесконечного количества убитых девушек?

Кейт начала стучать пальцами друг о друга и выронила ключ. С громким бряцаньем он ударился о пол, выложенный сланцевой плиткой.

Она подняла его и открыла дверь кухни. Миссис Вэлентайн, делая экскурсию по квартире, говорила, что из кухни есть выход в подвал. Кейт распахнула дверь, нашла выключатель, и узкую крутую лестницу залил слабый желтый свет. Убедившись, что дверь за ней сама не захлопнется, Кейт спустилась на три этажа вниз. Пока она шла, воздух становился все холоднее. Внизу, под лестницей, была открыта дверь. Она пробралась через нее в подвал. Ожидала увидеть слабое освещение и сырые стены, но все выглядело совсем по-другому. Это было просторное, незахламленное, хорошо освещенное помещение. Пол – безупречно вылитый бетон, а стены выкрашены серой краской. Вдоль одной стены – ряд водонагревателей, напротив – двери из ДСП. На каждой двери – трафаретные буквы и висячие замки. Кладовки. Кейт нашла дверь с надписью «3D» и вставила ключ в замок. Он вошел легко. Кейт повернула ключ, и замок со щелчком открылся.

«Вот она», – отметила про себя Кейт, и мысли пустились вскачь, выискивая злодеяния. Она коснулась сухим языком верхней губы.

Дверь со смазанными петлями легко распахнулась. Внутри было темно, но не настолько, чтобы совсем ничего не видеть. Алтаря, забрызганного кровью, здесь не наблюдалось. Трупов тоже не видно. Не было даже лужицы крови. Повсюду громоздились коробки, пластиковые ящики со спортивным инвентарем и компакт-дисками. Подождав, пока глаза привыкнут к темноте, Кейт шагнула внутрь. Жаровня для барбекю со сферической металлической крышкой распространяла запах пыльного древесного угля. Вдоль стены были сложены с полдюжину дешевых постеров. Она пролистала их. На одном было аляповатое изображение, в котором она узнала обложку альбома группы «Уин», – девушка в рубашке, едва прикрывающей грудь, подпоясанная пластиковым поясом с логотипом группы. Кейт уставилась на нее, не в силах сдвинуться с места, но не могла сообразить почему. Другие постеры, преимущественно с фотографиями итальянских спортивных автомобилей, казались довольно убогими даже для стен университетского общежития. В стопке была также афиша «Бойцовского клуба» и постер, на котором были перечислены «Двенадцать причин, почему пиво лучше женщины».

Кейт открыла ближайшую коробку. Она оказалась забита комиксами в пластиковых обертках. Она вынула один – под руку попала «Фантастическая четвертка^[27]» – и положила обратно. В остальных коробках тоже хранились комиксы, исключительно в пластиковых обертках. В одной коробке обнаружилась куча журналов, посвященных спортивным автомобилям, и среди них затерялся замусоленный номер «Пентхауса»^[28]. Кейт на какую-то секунду стало стыдно за то, что роется в вещах брата. Она представила свой шкаф, коробки со старыми эскизными альбомами, включая посвященный группам молодых музыкантов и единорогам. Не хотелось бы, чтобы кто-то их просматривал. Хотя с другой стороны, Кейт копошилась в чужих вещах не ради любопытства – она искала улики. Неожиданно ей стало смешно. Скоро здесь будет полиция. Вот она-то и займется поисками улик. Копы действительно знают, что делают. А здесь, в этой пыльной кладовке, нет ничего, что может заинтересовать. Здесь просто хранилось то, что Корбин пока не готов выбросить. Каждый чулан выглядел примерно так же.

Она вышла из кладовки и, захлопывая дверь, загнала занозу в большой палец. Она положила палец в рот, а потом осмотрела его. Сквозь полупрозрачную кожу виднелся крошечный острый кусочек дерева. Она

нащупала край указательным пальцем и попыталась вытащить, но заноза вонзилась крепко. «Разберусь с этим наверху», – решила она и уже собиралась защелкнуть замок, как вдруг почувствовала внезапное желание снова взглянуть на постеры. Показалось, что в девушке с большими грудями было нечто странное. Она открыла дверь, подошла к постерам и вытащила один подозрительный. По центру просматривалась темноватая линия. Именно из-за нее вернулась Кейт. Постеры были обрамлены в тонкие пластиковые рамки – Кейт сняла верхнюю планку, а боковые отвалились сами. Тонкий прозрачный пластик, прикрывающий постер, тоже соскользнул, и Кейт увидела, что постер разрезан посередине. Линия, которая подспудно не давала ей покоя, оказалась разрезом, и половина плаката полетела на пол, упав лицевой стороной вверх, так что на полу оказалась половина глянцевої женщины.

Кровь отхлынула от головы, и она почувствовала холод в каждой своей клетке. Она машинально присела, подняла половину постера и попыталась сложить две половинки вместе, затем отбросила неудачную идею и решила выбираться из этой кладовки и этого подвала.

Она попятилась, вышла за дверь и заперла ее.

Повернулась, чтобы идти, но тут заметила боковым зрением какое-то движение около одного из водонагревателей. Кейт остановилась, прислушалась и услышала царапающие звуки. Присела и увидела Сандерса, который тащил что-то в зубах. Кот повернулся к девушке, и его глаза – две пуговицы – сверкнули желтым огнем. Она попыталась рассмотреть, что он там поймал. Похоже на маленькую крысу либо огромную мышь. Он уронил добычу на пол, и она медленно поползла в сторону. Сандерс прыгнул и прижал ее лапой. Неожиданно он посмотрел прямо на Кейт и громко зашипел.

Кейт уходила из подвала на ватных ногах. Что значит порезанный постер? Может, он был сложен пополам и со временем порвался на сгибе? Нет, невозможно. Постер не разорван, он именно разрезан. Нарочно разрезан, а потом обрамлен. Неужели у Корбина настолько большая фантазия, чтобы специально уродовать женщину? Фантазия, которую он в конечном счете реализовал с Одри Маршалл? Кейт вошла в квартиру и остановилась, задумавшись о преднамеренной модели поведения.

Возвратившись в гостиную, Кейт услышала шум в коридоре. Она посмотрела в глазок – как раз вовремя – и увидела детектива Джеймса, снимающую полицейскую ленту с двери Одри Маршалл. Рядом тихонько ждала пара средних лет – родители Одри. Они выглядели старше, чем Кейт себе представляла. У женщины в руках была тросточка с четырехрожковым

основанием. Может, Одри – поздний ребенок или это ее бабушка и дедушка. Когда лента была снята, а дверь открыта, детектив провела пару в квартиру, а двое офицеров в форме остались в коридоре. Кейт пошла на кухню выпить воды.

Стук в дверь прозвучал раньше, чем она ожидала. Она впустила детектива Джеймса, а также одного офицера в форме.

– Мне нужно поговорить с вами, – заявила Кейт детективу, как только они переступили порог.

– Хорошо. Давайте присядем.

Полицейский – молодой чернокожий парень с бритой головой, – похоже, знал, что делать, и без указаний. Он пошел на кухню, натягивая перчатки. Кейт с трудом удавалось не смотреть на пистолет в кобуре у него на поясе.

Детектив присела на краешек дивана и поправила костюм:

– Вы в порядке? Выглядите немножко расстроенной.

– Одри Маршалл была изувечена?

На лице детектива не промелькнуло ничего, никаких изменений, но Кейт показалось, что она увидела какую-то перемену в глазах. Заинтересованный взгляд и проблеск беспокойства.

– Где вы это слышали?

– Я познакомилась с женщиной на курсах, и она рассказала, что прочитала это в интернете. А потом я слышала ту же версию от другого человека, он тоже видел информацию в сети, в комментариях к статье, которую прочитал. – Кейт специально не упомянула, что вторым источником был Алан Черни, но если детектив спросит, она расскажет. Она решила все выложить.

Детектив Джеймс медленно покачала головой. Она, казалось, обдумывала варианты.

– Не вдаваясь в подробности, Кейт, да, Одри Маршалл после смерти была порезана в нескольких местах. Прошу не распространяться – мы еще не публиковали эту информацию. Хотя очевидно, что кто-то уже в курсе.

– Ладно, обещаю, – согласилась Кейт. – Как ее порезали? Я имею в виду, где находился разрез?

– Зачем вам знать?

– Я почти уверена, что мой троюродный брат Корбин как-то замешан в смерти Одри. Я спускалась в кладовку в подвале...

– Здесь, в этом доме?

– Да.

– Когда вы ходили?

– Да вот буквально перед тем, как вы пришли.

Кейт рассказала, что она нашла, описала постер с изображением сексапильной девушки и то, как он был разрезан пополам, а затем обрамлен. Она обстоятельно излагала все это, а сама думала, не выглядит ли она параноиком в глазах детектива. Но Джеймс внимательно ее слушала, сидя на краю дивана. Когда Кейт закончила, детектив поблагодарила ее и сообщила, что хочет быстренько переговорить по телефону. Она встала, вынула мобильник и направилась к окну. Неизвестно, кому она звонила, но разговаривала меньше минуты. Возвращаясь к Кейт, она снова спрятала телефон в карман.

– Причина смерти Одри Маршалл – ножевое ранение в области горла, но были также раны, нанесенные после смерти, в частности разрез от головы вдоль всего тела. – Детектив показала рукой, какой именно.

– Ах, – воскликнула Кейт. Она моментально представила лоскуты кожи и открытый череп. Девушка почувствовала привкус желчи во рту.

– Зачем вы вообще ходили в кладовку? – спросила детектив Джеймс. – Есть еще причины, по которым вы подозреваете кузена?

Кейт глубоко-глубоко вдохнула, задержала дыхание и медленно выдохнула. Она понимала, что обязана рассказать все детективу. Сначала она сообщила, что узнала от Алана Черни: как он подглядывал за Одри Маршалл, и как был убежден, что Корбин встречался с Одри, и как увидел, что они целовались.

Кейт опасалась, что детектив спросит, зачем Алан Черни шпионил за Одри Маршалл, но вместо этого она сказала:

– Даже если у Корбина и были романтические отношения с Одри, какие основания его подозревать? Наверное, есть что-то еще?

– Ну, потому что он все отрицал. Алан говорит, что у них была интрижка. Это подтверждает Джек, друг Одри. Он тоже, кажется, подозревает, что Корбин как-то причастен к трагедии.

– Я определенно хочу вернуться к Джеку Людовико и еще раз услышать подробности вашего с ним разговора, но сначала скажите, что дало вам повод подозревать кузена? Очевидно, что вы осмотрели...

– Я упоминала о ключе от квартиры Одри Маршалл, который у него хранился.

– Да.

– Именно это и дало повод. Хотя, конечно, ключ может означать все что угодно. В конце концов, они были соседями. И потом порезанный постер, который я обнаружила в кладовке.

– У вас с собой ключ от кладовой?

– Да, здесь, – Кейт засунула руку в передний карман джинсов, но ключа не нашла. Она встала, поискала в других карманах. Пусто.

– Может, положили обратно в ящик? – подсказала детектив Джеймс.

– Действительно, должно быть, так и сделала, – сказала Кейт и развернулась, чтобы идти на кухню.

– Все нормально, – остановила ее детектив. – Мы найдем его.

Кейт села. Да, сейчас она вспомнила, что положила ключ обратно в ящик на кухне.

– Извините, – смутилась она. – Я не спала и вообще в шоке от случившегося.

– Ничего удивительного, – кивнула детектив Джеймс. Она протянула руку и коснулась пальцами колена Кейт, чтобы успокоить ее. Такой же успокаивающий жест и подобную мимолетную улыбку она наблюдала у десятков психиатров и консультантов, с которыми имела дело на протяжении своей короткой жизни. Хотя она и псих, но точно не сейчас. Присутствие детектива доказывало это. По соседству произошло убийство. А Корбин как-то причастен.

– Расскажите лучше о Людовико. Вы знаете, как пишется его имя?

– Не знаю. Наверное, так же, как и звучит, – предположила Кейт. – А что?

– А то, что после нашего последнего разговора я попыталась его отыскать, но у меня ничего не вышло.

– Разве он не приходил в отделение полиции?

– Нет. А говорил, что приходил?

Кейт попыталась вспомнить. Она все еще мучилась оттого, что запамятовала, куда подевала ключ, поэтому все воспоминания вдруг показались нереальными.

– Да, – наконец сказала она после долгих раздумий. – Я уверена в этом. Он приходил сюда, чтобы навести справки. Сообщил, что был в полиции, но ему ничего не сказали. Кажется, он говорил, что его допрашивали.

– Вы ничего не упустили из вашего разговора?

Кейт наморщила лоб.

– Вроде нет. Он был другом Одри, но явно влюбленным в нее. Говорил, что работает в гостиничном бизнесе.

Детектив быстро записала показания в блокнот и спросила:

– Вы могли бы описать мне его? Как он выглядит?

Кейт задумалась. У нее не выходил из головы тот набросок, который таинственным образом изменился. Она хотела пойти за ним, но

передумала:

– Я могу нарисовать, если хотите, – предложил она. – Мне проще нарисовать, чем описать.

– Конечно, – кивнула детектив Джеймс и передала Кейт блокнот и карандаш.

Она быстро набросала портрет Джека Людовико, припоминая его торчащие волосы и миниатюрные черты лица, из-за которых он больше походил на мальчика, чем на мужчину. Пока она рисовала, незнакомый портрет из альбома продолжал врываться в ее разум и путал мысли, так что глаза все равно вышли какие-то неправильные. Она толком и не поняла, что там не так, но тем не менее передала блокнот детективу.

– У него рыжие волосы. Мне следовало указать.

– Я запомню. Вы замечательный художник. Это поможет нам.

– Он не совсем точен. Я только однажды виделась с ним.

– Он хорош. Спасибо. Могу я еще кое о чем спросить? Когда вы с Корбином приняли решение обменяться квартирами? Помните, когда он впервые связался с вами?

Кейт задумалась. Мама огласила идею насчет обмена после воскресного ужина. Это произошло в конце февраля или в начале марта – дни были еще короткие.

– Примерно в конце февраля, – сказала она.

– Вы могли бы уточнить?

– Ой. Я бы сказала, либо в последнее воскресенье февраля, либо в первое воскресенье марта. Могу спросить у мамы. Она должна помнить, а если нет, возможно, она где-то записала.

– Было бы здорово. – Детектив Джеймс закрыла блокнот и слегка подалась назад, готовясь подняться. Кейт заметила, насколько совершенна осанка детектива – спина прямая, широкие плечи, – и сама немного выпрямилась.

Прежде чем детектив успела встать, Кейт спросила:

– Значит, Корбин был связан с Одри Маршалл? Поэтому вы здесь, правильно?

– Да. Одри вела дневник, и она упоминала о нем. И мы получили подтверждение от одного из друзей Одри, что последние несколько месяцев у них были отношения.

– Вот как? – Хотя она и догадывалась об этом, даже можно сказать, знала – очевидный факт все же удивил ее. – Итак, у них однозначно была интрижка. Значит, он точно подозреваемый.

Детектив улыбнулась и почесала запястье под ремешком массивных

часов.

– Он главный подозреваемый, Кейт. Мы бы очень хотели побеседовать с ним.

– Я думала, вы уже переговорили.

– Переписывались по электронной почте, но когда лондонский полицейский отправился в вашу квартиру, чтобы допросить, его там не оказалось.

– Да. Думаю, он съехал оттуда.

– Откуда вы знаете?

Кейт рассказала детективу о подруге Марте, которая сообщила, что американца нигде не видно.

– Если будете снова связываться с Мартой, пожалуйста, расспросите поподробнее – когда приходил, уходил и так далее.

– Спрошу. Вы собираетесь арестовать его?

– Мы просто хотим допросить его. Как можно скорее.

У детектива зазвонил телефон, и она вытащила его из кармана.

– Хорошо, мы здесь. Поднимайтесь наверх. Сразу за квартирой Одри Маршалл, дверь в конце коридора. – Она закончила разговор, но, продолжая держать телефон в руке, сказала Кейт: – Мой коллега из ФБР тоже придет.

– Почему ФБР?

– Есть вероятность, Кейт, что преступление связано с двумя предшествующими, одно из которых произошло в Коннектикуте. Именно тогда мы и подключили ФБР. Отслеживаем любые зацепки, и мне очень интересно то, что вы нашли в кладовке внизу.

В дверь постучали, и детектив вскочила, чтобы открыть. Вошла азиатской внешности женщина, одетая в черный кожаный жакет поверх белой рубашки. Она выглядела не намного старше Кейт. Детектив представила ее как Абигейл Тан и спросила:

– Кейт, можете пойти с нами в кладовку и показать, что вы там нашли?

Глава 22

Проснувшись, Алан обнаружил, что Кейт ушла. Он понял: что-то не так. Она, очевидно, передумала, иначе, по крайней мере, попрощалась бы. Алан потянулся к своему телефону, чтобы написать сообщение, но сообразил, что у него нет ее номера. Он вылез из постели, натянул джинсы и футболку, прошел через весь дом на ее сторону и постучал в дверь. Он точно знал, она была там, по ту сторону двери. Он чувствовал ее, хотя и не мог слышать. Темный глазок пристально смотрел на него, и он вдруг разозлился на себя за то, что преследует ее. Он вернулся к себе в квартиру, снял туфли и начал думать, как действовать дальше. Он встал намного раньше обычного, но слишком разволновался и теперь вряд ли уснет снова. Его подташнивало, где-то в голове раздавались глухие удары. Он выпил два стакана воды и проглотил таблетку аспирина.

Если у него похмелье, то и Кейт, наверное, страдает – возможно, даже сильнее, чем он. Может, она проснулась, почувствовала тошноту и вернулась к себе домой. Или проснулась и ей стало стыдно. Она говорила, что какой-то груз прошлого не отпускает ее и что она давно ни с кем не была. Он проявил уважение к этому факту и не торопился, хотя им овладело не только физическое, но и эмоциональное желание. Когда они прижались друг к другу, их дыхание синхронизировалось, и он почувствовал, как излечился от травмы, о существовании которой даже не подозревал.

А сейчас она убежала.

Лишь бы чем-нибудь заняться, он приготовил себе кофе и, хотя не был голоден, разогрел в микроволновке овсянку. Подошел к компьютеру, открыл рабочий аккаунт электронной почты и послал боссу сообщение: мол, проснулся от недомогания в желудке, собираюсь остаться дома. Он выпил чашечку кофе, сидя у окна, выходящего во двор. Странно было сидеть здесь, не сосредотачиваясь на окне Одри Маршалл. Она умерла меньше недели назад, а ее значимость в жизни Алана значительно ослабла.

День был ясным, но ветреным. По двору кружил пластиковый пакет. Едва пробило семь, как дверь фойе распахнулась и на пороге появился человек в деловом костюме, с газетой под мышкой. Алан узнал его, но не мог вспомнить, как зовут. Финансовый аналитик с первого этажа, чья жена никогда не появляется на людях. Когда мужчина пересекал двор, за его правую туфлю зацепился пластиковый пакет. Он наклонился, снял его и

продолжал держать на вытянутой руке, как будто он был токсичным. Финансист простоял в такой позе несколько секунд. Алан видел, что он взвешивает варианты: оставить пакет во дворе или отнести в мусорный бак. Остановился на первом варианте. Вытер пальцы о штаны и продолжил свой путь.

Алан продолжал смотреть во двор. Если Кейт таки выберется из своей квартиры – определенно *если*, а не *когда*, – то Алан быстро сбежит вниз и успеет перехватить ее. Она должна объяснить, рассказать, что случилось, что заставило ее уйти из его квартиры. Вероятно, ей покажется, будто он преследует ее, но ему все равно. Кроме того, так будет лучше, чем снова идти и стучаться в квартиру, зная, что она там и не хочет открывать дверь. Она просто стыдится или он что-то сделал не так? Он тщательно рылся в памяти, выискивая подсказки, но так ничего и не нашел.

Он отошел от окна только один раз за утро, чтобы быстренько сбежать в ванную – умыться, почистить зубы и надеть чистую одежду. По дороге назад он остановился на кухне, посмотрел на окоченевшую овсянку в миске и прихватил на свой пост у окна кусочек индейки и ломтик швейцарского сыра. Он видел, как прибыл почтальон и медленно шел по двору, на ходу вытаскивая большой сверток из своего баула. Прошли несколько жильцов – и каждый отправился своей дорогой в то солнечное вторничное утро. Он видел, как во двор вышла миссис Андерби со своим мопсом и отпустила его с поводка. Пес принялся яростно обнюхивать куст, на который кто-то помочился до него. Миссис Андерби качнулась под сильным порывом ветра и слегка отступила, чтобы не упасть.

Около одиннадцати часов Алан увидел, как на Бери-стрит подкатили два серых седана и припарковались рядом друг с другом, так что капоты выпирали на улицу. Он понял, что это полиция, еще до того, как увидел высокую женщину в темном костюме, вышедшую из авто, и двух копов в форме в другой машине. С ними были еще какие-то люди. Они поговорили о чем-то, пересекли двор и вошли в фойе. Алан узнал женщину-детектива. Он предположил, что полиция по какой-то причине возвращается в квартиру Одри Маршалл. Его глаза устремились в ее окно, внутри было темно. Но все же он уловил какое-то движение, как будто кто-то просто отпустил штору в окне спальни. Он выпрямился и начал всматриваться туда, где, как он думал, увидел движение шторы. Но разглядел только покачивание огромного клена, который маячил позади дома. Не это ли движение увидел? Отражение дерева?

Он снова устремил взгляд в окно гостиной прямо напротив него – шторы были немного раздвинуты. Он дождался, пока вошли полицейские.

Если там кто-то есть, то ее или его тут же обнаружат. Хотя если внутри кто-то и находился, то это, скорее всего, другой полицейский. Алан велел себе быть разумным, хотя и не особо верил, что справится.

Через несколько минут стало ясно, что полицейские приехали не для того, чтобы в очередной раз обыскивать квартиру Одри. Так куда же они пошли? Снова к Кейт?

Алан так сосредоточился на окне Одри, что чуть не пропустил человека, который вышел из фойе и быстро прошагал через двор. Алан не признал в нем ни одного из жильцов. Он был рыжим, сухопарым, невысокого роста. Как раз подходил под описание Джека, которое дала Кейт. Парень, который утверждал, что является бывшим бойфрендом Одри. Не он ли случайно был в квартире? Он шел очень быстро, вряд ли Алан смог бы догнать его, даже если бы захотел. Он снова перевел взгляд на окна Одри. Все еще никакой активности. Алан выглянул на улицу, где полицейские автомобили почти не оставили пространства для проезжающих машин. Возле автомобилей он заметил того самого человека, которого только что видел выходящим из дома. Рыжий парень стоял на тротуаре и смотрел на дом. Взгляд был направлен точно на окна Кейт.

Алан натянул туфли, схватил ключи, повесил кожаную сумку через плечо и выскочил из квартиры. Он еще не решил, что собирается говорить тому парню, но это все же лучше, чем просто сидеть у окна и ждать чего-то. Он сбежал по ступенькам и спокойно прошел через вестибюль и двор, чтобы не показаться сумасшедшим. На Бери-стрит он повернул направо, но Джек уже исчез. Он посмотрел на Чарльз-стрит и заметил его рыжую голову – парень быстро шагал по тротуару. Алан направился за ним.

Джек – если это был он – не пошел дальше по Чарльз-стрит, а повернул налево, на Бриммер-стрит. Алан немного ускорился, чтобы не потерять его из виду, но когда завернул за угол, рыжего уже и след простыл. Алан продолжил путь, оглядываясь по сторонам: может, парень нырнул между домами? Но здания из красного кирпича на Бриммер-стрит стояли почти вплотную друг у другу. Там негде спрятаться.

– Вы не меня ищете?

Алан повернулся на звук. Голос прозвучал откуда-то сзади, и Алан окинул взглядом улицу, пытаясь сообразить, где тут можно спрятаться. Невдалеке росло огромное дерево – гинкго^[29] – наверное, Джек стоял за ним.

– Да, ищу, – сказал Алан и несколько смутился оттого, что его голос немного дрожал. – Могу я поинтересоваться, как вас зовут?

– Поинтересоваться можете, но не знаю, отвечу ли. – Он улыбнулся,

показав выступающие клыки. Ветер трепал короткие грязные волосы.

– Вы Джек, правильно? – спросил Алан. – Вы были другом Одри Маршалл.

– Откуда вы знаете? – Джек все еще улыбался, но в глазах появилась растерянность.

– Угадал. Я видел, как вы выходили из дома. Я тоже там живу, и я слышал о вас. Вы ведь приходили сюда раньше?

Он немного колебался.

– Ага. Пару раз.

– Вот и хорошо. Я – Алан.

Джек протянул ему руку, и Алан пожал ее.

– Значит, вы знали Одри? Не помню, чтобы она упоминала о вас.

– Нет, я не знал ее. Я немного знаком с Корбином и дружу с Кейт, его кузиной, – она сейчас проживает в его квартире. Она рассказывала о вашей встрече. Как долго вы знали Одри?

– С колледжа, но мы перестали общаться. Мы восстановили контакт, когда она переехала сюда. Когда она переехала в Бостон. – Джек несколько раз моргнул, как будто смахивал пылинки, которые ветер занес ему в глаза.

Из-за угла выехала машина и медленно покатила по улице, словно водитель выискивал конкретный адрес. Джек проследил глазами за авто до самого конца улицы и снова повернулся к Алану. В его темных глазах читался вопрос:

– Значит, вы собираетесь рассказать, чего вы от меня хотите? Вы шли за мной от самого дома, не так ли?

– Что вы там делали?

– Делал где? В квартире Одри? Не вашего ума дело.

– Так вы все-таки *были* в квартире Одри?

– Вот заладил! Не твое дело. – В голосе Джека уже звучала агрессия, но в поведении еще не просматривалась. К лицу все еще была прилеплена улыбка – этот волчий оскал с выступающими клыками. Алан и сам не знал, по какой причине решил проследить за Джеком.

– Ладно, – примирительно сказал Алан. – Тогда доложу полиции, что видел вас, не возражаете?

– Пожалуйста, вперед! Я сам скажу, если хочешь. Мне нечего скрывать.

Смятение Аланаросло:

– Послушайте, я ни в чем вас не обвиняю. Но в моем доме произошло убийство, а вы здесь оживаетесь...

– Понимаю. Извини, что доставил неприятности. Можешь не

стесняться и рассказать полиции, что видел меня. Я просто пришел, потому что... – Он замолчал, его глаза заблестели и стали мокрыми.

– Простите, – смутился Алан.

Джек отвернулся и потер один глаз кулаком. С минуту они стояли молча, Алан пытался придумать, что бы такого сказать, чтобы закончить разговор.

Наконец Джек прервал паузу:

– Вы что-нибудь слышали от полиции? Корбина вернут из Англии?

– Нет, ничего такого не слышал. Думаете, Корбин имеет какое-то отношение к этому?

Джек посмотрел на Алана с недоумением, как будто удивляясь, как можно не понимать столь очевидных вещей.

– Да, это он сделал. Одри рассказывала мне об их отношениях и о том, что он не хотел встречаться на публике и всегда лгал.

– Вы говорили об этом в полиции?

– Ага, и в полиции, и той девушке, которая сейчас живет в его квартире. Лучше бы ей убраться оттуда, пока он не вернулся, потому что...

– Думаете, он вернется?

– Полагаю, что нет, – сказал Джек. – Если его возьмут под стражу, то вернется, но сомневаюсь, что он приедет сюда по собственной воле. Я бы не стал. Но я буду ждать его. И мне все равно, узнает кто-либо или нет, но я лично собираюсь его убить. И я не шучу.

На его лице снова появилась странная хмурая улыбка, и Алан подумал, что Джек больше похож на деревенщину, рассказывающего пошлые шутки, чем на человека, охваченного убийственным гневом.

Глава 23

Только под вечер Кейт осталась в квартире одна. После того как она показала детективу Джеймсу и агенту ФБР кладовку и разрезанный постер, они отправили ее назад в квартиру. Она ждала в гостиной, пока закончится обыск, периодически заглядывая в ноутбук. Двое офицеров тщательно осматривали каждую вещь.

– Ничего, если я останусь здесь? – спросила Кейт у детектива Джеймса, когда все закончилось.

Детектив внимательно посмотрела ей в глаза:

– Как я уже говорила, Корбин Делл – главный подозреваемый. Если верить тому, что Одри написала в дневнике, то их отношения завершились не очень хорошо. Мне Корбин сказал, что едва знает ее. Очевидно, что это кое о чем говорит. А поскольку у нас нет других подозреваемых, он поднялся на верхушку черного списка. И все же, Кейт, нет никакой конкретной причины связывать вашего кузена с тем, что случилось по соседству. Если Корбин вздумает вернуться домой, хотя пока вроде не собирается, я сообщу вам первой. Так что пока можно считать, что все нормально, и вы имеете право оставаться здесь ровно столько, сколько вам самой захочется находиться в квартире подозреваемого в убийстве. – Детектив Джеймс улыбнулась, чуть обнажив белоснежные зубки.

– Как вы думаете, почему он утверждает, что не знал Одри?

– Именно это мы и пытаемся выяснить.

– Абсолютно бессмысленно. Он сам навлек на себя подозрения, ну а если действительно виновен, то зачем лгать? Ведь его же поймают?

– Добро пожаловать в мой мир, – сказала детектив и добавила: – Послушайте. Я не забуду о вас. Если что-то станет известно о Корбине, вы узнаете об этом первой, ну или одной из первых. Обещаю.

– Спасибо.

– У вас есть номер телефона той девушки, которая живет в вашем лондонском доме? Ее зовут Марта...

– Марта Ламберт, да.

Кейт достала свой мобильный и продиктовала номер Марты.

Роберта Джеймс ушла, а Кейт начала бродить по квартире, выискивая следы обыска. Но все, за исключением, может быть, шкафа в кабинете, выглядело как и раньше. Она взглянула через окно на Бери-стрит и заметила, как полицейская машина отъезжает в направлении реки.

Смеркалось, от порывов ветра дрожали окна. Кейт на несколько минут впала в прострацию и никак не могла решить, что же делать дальше. Чем больше она стояла, тем больше просыпалось в ней чувство тревоги. Она понимала, что нужно чем-то заняться, но не двигалась с места. Можно заставить себя пообедать, или сделать домашнее задание с курсов, или немного порисовать. Может, набросать портрет детектива по свежей памяти. Как же ее полное имя? Роберта Джеймс? А что с Аланом? Как она поступит, когда он вернется с работы и снова попытается с ней встретиться? А ведь он попытается. Нельзя же просто скрываться от него в квартире. Невозможно постоянно прятаться, правда?

Наконец она привела ноги в движение, пошла за ноутбуком. Может, Марта сейчас онлайн. Надо снова спросить у нее, не появлялся ли Корбин.

Она взяла ноутбук и направилась в спальню. Почувствовала, что немного замерзла, и забралась под одеяло.

Открыла электронный почтовый ящик, поискала в списке контактов Марту, но той не было в сети. Кейт отправила ей коротенькое сообщение: «Есть там какие-нибудь признаки Корбина или он совсем исчез?» Она просмотрела другие письма, большей частью спам, и решила еще раз написать Корбину, как вдруг заметила, что его имя подсвечено зеленой точкой. Это значит, что он пользуется той же почтовой службой и сейчас находится онлайн. Она открыла окно чата и настрочила: «Привет».

Подождала минуту.

Открыла новую вкладку браузера и загуглила «*женщина, разрезанная пополам*». Большинство ссылок касалось почему-то стрижек для женщин среднего возраста. Она попробовала «*женщина, разрезанная пополам*». Поисковик выдал ссылки с видео – происшествия с поездами и конвейерами. Кейт смотреть не стала. Несколько ссылок касалось рассказов о чародеях. Кейт набрала «*посмертные увечья*» и просмотрела новостные материалы. Их было очень много, но она упрямо продолжала листать, пока наконец не нашла статью трехлетней давности: «Изувеченное тело опознано: Рейчел Чесс – студентка медицинской школы из Портленда, Мэн». Кейт щелкнула мышью. Это была местная история, опубликованная глостерской газетой. В ней сообщалось, что рано утром коллекционер ракушек нашел на нью-эссекском пляже женское тело. Полиция не оглашала все детали, кроме того, что на теле были раны, нанесенные уже после смерти девушки. Мозг Кейт мгновенно выдал напоминание о фотографии, которую она нашла в коробке Корбина, когда впервые обыскивала его квартиру. Брюнетка на пляже. На обратной стороне фотографии было написано: Рейчел.

Кейт выползла из-под одеяла и выскочила из спальни. Она пробежала через всю квартиру к шкафу в кабинете и толкнула дверь. Коробок не было, включая ту, с фотографией. Она заподозрила что-то неладное еще тогда, когда увидела, как полицейские выносят из квартиры кучу коробок. Если женщина на фотографии Корбина и вправду убитая Рейчел Чесс, то полиция тоже выяснит это. Она пошла назад через гостиную и вспомнила другие найденные фотографии – в книжке «Игра Эндера». Она снова отыскала книгу, вытащила из нее фотографии и сложила их веером в руке – в камеру смотрела симпатичная девушка с веснушками. Она проходила мимо кухни, как вдруг услышала, что кто-то скребется в дверь. Кейт остановилась как вкопанная. Осторожно подошла к кухонной двери, которая вела в подвал, и прислушалась. Снова тихое царапанье, а потом громкое «мяу». Она открыла дверь на пару дюймов, и в образовавшуюся щель протиснулся Сандерс. Кот направился в гостиную, Кейт захлопнула дверь и заперла ее. Она была счастлива, что Сандерс не притащил ей мышь.

Возвратившись в спальню, она продолжила изучать историю о Рейчел Чесс. Тогда никого так и не арестовали, хотя и раскопали, что она завела роман с женатым преподавателем медицинского колледжа. Но преподаватель по имени Грегори Чапел имел железное алиби на ту ночь, когда была убита Рейчел. Никаких упоминаний о Корбине Делле. Нормальных фотографий жертвы тоже не нашлось. В большинстве новостных сюжетов использовали один и тот же черно-белый снимок широко улыбающейся девушки в выпускной мантии и академической шапочке. Вероятно, фото предоставили родители Рейчел. Кейт сравнила его с фотокарточкой из книги. Не похоже, что это та же девушка. Такие же темные волосы, но лицо отличается. Она попыталась вспомнить фотографию на пляже. Все, что ей запомнилось: развеваемые ветром темные пряди, джинсы и свитер. На обратной стороне написано название пляжа, но теперь его уже не вспомнить. Должно быть, на той фотографии была Рейчел Чесс. Такое же необычное написание имени. И пляж, их объединял холодный пляж Новой Англии. Разве не так?

Из ноутбука прозвучал громкий сигнал, и Кейт переключилась на страничку почтовой службы. Она получила ответ в чате от Корбина: «Привет». У нее забило сердце, как будто он появился у двери, а не на мониторе. Она выждала минуту и написала: «Ты убил Одри Маршалл?»

И удалила.

И снова написала тот же вопрос и нажала «Отправить». Долгая пауза, мерцающие точки возле имени Корбина, показывающие, что он формирует ответ.

КОРБИН: Нет. Уверяю тебя. В полиции думают, что я?

КЕЙТ: Они приходили сюда. Говорили, что у вас были отношения. Это правда?

КОРБИН: Да.

КЕЙТ: Зачем же врал?

И снова пауза. КОРБИН: Привычка, наверное. Когда мы встречались, то держали это в тайне, так что я привык не распространяться. Я не убивал ее.

КЕЙТ: Знаешь, кто убил?

КОРБИН: Не знаю, но хотел бы узнать.

КЕЙТ: Где ты сейчас?

КОРБИН: Дома. В твоей квартире в Лондоне. Здесь дождь. Как там?

КЕЙТ: Прекрасно. Ветрено и мило. Полиция собирается кого-нибудь отправить к тебе, чтобы поговорить.

КОРБИН: Пускай. Поговорю.

Внезапно появилось другое окно чата. Это была Марта: «Ты здесь?» Кейт ответила Марте: Да. Могу попросить тебя об услуге? Ты дома?

МАРТА: Да.

КЕЙТ: Постучись в мою дверь и узнай, дома ли Корбин. Только не говори обо мне.

МАРТА: Ладно, но мне кажется, что его там нет, из твоей квартиры вот уже сколько дней ни звука.

КЕЙТ: Проверь, пожалуйста.

Кейт снова переключилась на разговор с Корбином. Он написал: С тобой все в порядке?

КЕЙТ: Все хорошо. Сандерс передает привет.

КОРБИН: Ха!

Кейт чуть было не спросила о Рейчел Чесс, но вовремя остановилась. Нельзя, чтобы он догадался, что она рылась в его вещах.

Она настроила вопрос: Какой была Одри Маршалл?

КОРБИН: Она была великолепной. То, что произошло, ужасно. Я не перестаю думать об этом.

КЕЙТ: Ты знаешь ее друга Джека?

КОРБИН: Нет, не припомню. Кто это?

КЕЙТ: Друг из колледжа. Он знает о тебе.

КОРБИН: Джек? Который?

КЕЙТ: Джек Людовико.

КОРБИН: Как он выглядит?

КЕЙТ: Довольно обычно. Короткие рыжие волосы. Очки.

КОРБИН: И ты говорила с ним?

КЕЙТ: Он приходил сюда, чтобы выяснить кое-что. Остановил меня на улице и расспрашивал.

КОРБИН: Ты говорила о нем полицейским?

КЕЙТ: Да, говорила, но мне кажется, что они еще не беседовали с ним.

В чате снова появилась Марта: «Его там нет».

Кейт переспросила: Ты уверена?

МАРТА: Я колотила в дверь кулаком. Не думаю, что он прячется, – его там нет. Я бы услышала, как он входит или выходит.

КЕЙТ: Спасибо. Какая у вас погода?

МАРТА: С утра – солнце, впервые с тех пор, как ты уехала. Даже не знаю, что было сначала.

КЕЙТ: Марта, я должна бежать. Чмоки-чмоки.

Тем временем Корбин начал прощаться: Нужно идти.

КЕЙТ: Передавай от меня привет Марте.

КОРБИН: Ты говорила с ней?

КЕЙТ: Немножко. Она сказала, что ты выше по статусу, чем я.

КОРБИН: Она привлекательная.

Кейт ничего не написала в ответ, не сразу. Корбин тоже молчал – наступила неловкая пауза, если так можно выразиться применительно к чату.

Кейт наконец откликнулась: Я дам знать, если здесь что-нибудь произойдет.

КОРБИН: Ладно. Пока.

Кейт закрыла свою страницу. Ее знобило, и одеяло не спасало. Она закрыла крышку ноутбука и прижала его теплую поверхность к груди. Почему Корбин говорит, что он в ее лондонской квартире? Если, конечно, он не прячется там, закрыв жалюзи и отказываясь подходить к двери. Такой вариант, конечно, тоже возможен. Марта умела быть навязчивой.

В спальню гордо вошел Сандерс, запрыгнул на кровать и мяукнул. Кейт села. Сандерс спрыгнул на пол и побежал к входной двери. Она пошла следом и выпустила его в коридор, после чего направилась на кухню, чтобы выпить воды. На часах микроволновки светились цифры «6: 26». Похоже, что уже поздно. Неужели она уснула на кровати?

Выпив два стакана воды, она почувствовала, что голодна, сделала себе тост из черствого хлеба и щедро намазала маслом, а сверху медом. Она взяла тост с собой и начала бродить по квартире, везде включая свет и задергивая наполовину приоткрытые шторы. Дверь в одну из гостевых спален была открыта шире – не так, как раньше, – и она зашла туда. В это время суток тусклый свет снаружи создавал видимость большей темноты, чем на самом деле. Она включила ночник, доела тост и облизала пальцы. Спальня была оформлена скорее в женском стиле – на стенах висели фотокопии цветов, на кровати лежало кремовое одеяло. Она заметила легкую вмятину на одеяле и присмотрелась внимательнее. Обнаружила белую ворсинку – шерсть Сандерса – и приложила руку к одеялу. Оно было слегка теплое в том месте, где дремал кот. Вот почему дверь оказалась приоткрыта. Она глубоко вдохнула и вышла из комнаты, оставив свет включенным.

Вглядываясь в темную безоконную пещеру кабинета, она хотела было посмотреть телевизор, но почувствовала, что слишком взволнованна. Вместо этого решила порисовать. Забрала альбом и карандаши из спальни и принесла все в гостиную. Вытянулась на диване и открыла альбом. Кейт хотела снова увидеть портрет Алана, нарисованный в первые сутки ее пребывания в Бостоне. Это было меньше недели назад, а казалось, что прошел год. Она стала рассматривать свое творение. Подумалось, что, в общем-то, удалось уловить его черты, кроме глаз. Они были нечеткими, немного размытыми, не такими, как задумывалось. Она пристально посмотрела на них, по затылку пробежали мурашки. Может, глаза были немножко изменены? Нет, сказала она себе, они просто размазались. Это случилось само собой.

Да, глаза размазались, а все прочее – нет.

«Это я нарисовала?» – размышляла Кейт. «Конечно нет», – сказал

Джордж, но она отмахнулась от него. С тех пор как она приехала в Бостон, день слился с ночью, и теперь было сложно вспомнить. Она не раз возвращалась к своим уже готовым рисункам и изменяла их, обычно кончиком пальца. Подчищала линии, добавляла текстуру. Чтобы не доводить себя до безумия, она перевернула лист и нашла чистую страницу. Снова по-быстрому набросала портрет Алана, пытаясь на этот раз не подкачать с глазами. Закончив, Кейт отставила альбом на расстояние вытянутой руки и посмотрела. Это был Алан, но она несколько перестаралась с глазами – он выглядел взбешенным и немного страшным. Потом она поняла, что именно таким и увидела его сегодня утром в глазок. Неужели она ошиблась? Он, наверное, просто волновался из-за того, что она ушла, не попрощавшись. Но нет, рисунок четко и ясно давал понять – Алан был расстроен. Она совершила *большую* ошибку. Не только потому, что переспала с едва знакомым мужчиной, но и потому, что имела секс с извращенцем-вуайеристом, а может, и того хуже. Она перешла на следующую страницу и быстренько нарисовала лицо Роберты Джеймс. Получилась довольно приличная работа – она великолепно изобразила скулы и черные глаза. А вот губы вышли неидеальными – поджатыми и недостаточно пухлыми. Она вытерла их и пририсовала детективу улыбку. Довольная собой, она подписала эскиз, поставила дату и принялась за следующий портрет.

На дворе уже совсем стемнело. Кейт успела изобразить миссис Вэлентайн, мистера Вэлентайна, еще одну женщину с той вечеринки (забыла, как ее зовут) и, наконец, Джорджа Дэниэлза. Она никогда не переставала его рисовать. Многие психологи говорили, что ненормально заикливаться на его портретах, но она ничего не могла с собой поделать. Он всегда сидел где-то у нее в голове, и ей становилось легче, когда она вытаскивала его из черепной коробки и переносила на бумагу. Сегодня она нарисовала его таким, каким увидела в недавнем сне – с беззубым ртом и оскалом.

Это был великолепный рисунок, лучший за сегодняшний день. Кейт подушечкой большого пальца начала растушевывать штрихи на лбу и почувствовала резкий укол в том месте, где все еще оставалась заноза. Она уже и забыла о ней. Кейт взглянула на опухшую покрасневшую кожу на пальце и пошла на кухню. Смыла с рук следы угольных карандашей и обыскала все ящики, пока не нашла булавку и коробок спичек. Она прогрела острый конец булавки и пошла обратно в гостиную – там лучше освещение. Расковыряв палец, она увидела-таки колючку и попыталась подхватить ее булавкой, но та засела довольно глубоко. Она попробовала

высосать ее, чувствуя при этом вкус собственной крови, но проклятый кусочек деревяшки не сдвинулся с места. Ей бы поискать пинцет, но ее одолевали разные мысли. Что случится, если она оставит занозу в пальце? Выйдет ли она самостоятельно или останется в ее теле навсегда и станет ее неотъемлемой частью?

Она вздрогнула – кто-то опять царапался в дверь. Она же выпустила Сандерса, правда? Кейт положила булавку на альбом, встала и вернулась на кухню. И снова слышала этот звук. Он доносился из-за двери, которая вела в подвал: Сандерс снова сделал круг и вернулся через подвал. Она открыла дверь, но там оказался Алан – он тянул к ней руки, а глаза были дикие и уставшие.

– Пожалуйста, пусти, – пролепетал он и быстро шагнул на кухню, чтобы Кейт не успела захлопнуть дверь.

Глава 24

Алан не понял, как ему удалось так напиться, но это произошло почти случайно. Возвращаясь в темноте домой, он принял решение обязательно увидеться с Кейт, даже если она того не желает.

Днем он поговорил с Джеком на Бриммер-стрит, выслушал его подозрения насчет того, что Корбин Делл убил Одри Маршалл. Джек раззадорился и предложил сходить куда-нибудь и продолжить разговор. Больше всего на свете Алан хотел развернуться и пойти домой – теплилась надежда увидеть Кейт во дворе. Но вместо этого решил все-таки узнать, что собирается поведать ему Джек. Алан предложил «Святого Стефана». Они добрались до места, заняли одну из кабинок, и Алан заказал большой стакан кока-колы, а Джек – бутылку пива «Хайнекен». Официантка развернулась на каблучках и отправилась за напитками, а Джек сразу же начал рассказывать о девушке по имени Рейчел Чесс, которую убили на пляже в Нью-Эссексе несколько лет назад.

– Она была изуродована, – вещал Джек, – точно так же, как Одри. – Ее имя он каждый раз произносил надтреснутым голосом.

– Как ты узнал, что Одри изувечена? – спросил Алан.

– Все в интернете. Я начал выискивать информацию о подобных случаях, когда жертву уродовали, разрезая посередине, вскрывая ее, и нашел историю о Рейчел Чесс.

– И как она связана с Корбином Деллом? – Алану было интересно, что скажет Джек, но в то же время немного боязно. Джек все более оживлялся, а его манера разговора становилась почти маниакальной. Официантка вернулась с заказом. Джек сделал длинный глоток из бутылки.

– Слушай, – сказал он, с грохотом поставив бутылку на стол, так, что пена перелилась через край и потекла по стенкам. – Корбин Делл жил в Нью-Эссексе, а его мать по сей день там обитает. У нее там дом, прямо на берегу...

– Откуда ты знаешь?

– Кое-что узнал от Одри, а кое-что отыскал в сети. Но это не главное. Дело в том, что родители Рейчел Чесс тоже живут в Нью-Эссексе, не на самом берегу, но близко. Очевидно, там Корбин и познакомился с Рейчел. Он психопат. Одри рассказывала, что он был прямо как параноик – не хотел, чтобы их видели вместе, они всегда сидели дома. Он опасался, что кто-то узнает об их связи, потому что собирался ее убить. Но потом она

начала встречаться со мной и не желала больше иметь никаких отношений с Корбином, и тогда он убил ее. Это он. Я знаю. – Джек почесал руку – видимо, не в первый раз, потому что на коже виднелись красные расчесы.

– С тобой все в порядке? – кивнул на руку Алан.

– Думаю, аллергия. Ненавижу весну.

– Ты уже ходил в полицию? – спросил Алан.

– Пойду. Обещаю. Просто хочу привести мысли в порядок. Это не сойдет ему с рук.

Алан догадывался, что парень и не думал идти в полицию. Играет в детектива. Возможно, даже надеется лично отомстить.

– Думаю, что ты должен пойти в полицию. Там, вероятно, выяснят, была ли между Корбином и той Рейчел какая-то связь.

– И вот еще что – он постоянно рассказывал Одри, что недостойн ее, как будто знал, что собирается предпринять. Ты не хочешь поесть? Уже время ланча.

Алан как раз допил свою кока-колу и согласился пообедать. Джек махнул официантке, и оба заказали по чизбургеру. Джек попросил еще пива, и Алан решил поддержать компанию.

– Джек, как часто ты встречался с Одри? – поинтересовался он, когда официантка, приняв заказ, ушла. Он надеялся получить побольше информации. Интересно, почему он никогда не видел Джека в квартире Одри?

– Примерно раз в неделю, – сказал Джек. – Мы ходили на кофе или просто что-то выпить. Думаю, поначалу она решила, что я пытаюсь возобновить отношения.

– Но ты не собирался? – допытывался Алан.

– Не знаю. И да и нет.

– Я никогда не видел тебя в доме. Ты бывал у нее?

– Пару раз.

Алан сразу понял, что он врет – не было его в квартире Одри. Видимо, дружба с девушкой – возможно, пара встреч за кофе, несколько эсэмэсок – имела значение для него, но не для нее. Принесли пиво, и Алан сделал глоток. Оно оказалось настолько холодным, что аж зубы свело.

– Только одно пиво, а потом мне нужно идти в офис, – предупредил Алан. – Сегодня вторник.

– Спасибо тебе, – чуть не прослезился Джек. – Спасибо, что проводишь со мной время. Так приятно поговорить с кем-то, кто не считает меня сумасшедшим. Ты же не думаешь, что я брежу насчет Корбина, а?

– Нет.

– Значит, ты согласен со мной?

– Я согласен, что у Корбина был мотив, и он, вероятно, имел ключ от квартиры Одри. А кроме того, уехал из города сразу же после ее убийства.

– Почему ты думаешь, что у него был ключ? – спросил Джек.

– Просто подумал, что такое вполне вероятно. Они встречались. Жили по соседству. – Он не стал говорить, что узнал об этом от Кейт. Он сам не понимал почему, но ему хотелось держать ее подальше от всего, что связано с убийством.

– Понятно, – кивнул Джек.

Принесли еду, и Алан в очередной раз выслушал соображения Джека насчет того, что Корбин убивал и раньше. Все, что он говорил, не было лишено смысла.

Алан и Джек просидели в «Святом Стефане» почти до вечера, выпив по несколько бутылок пива. Это были странные несколько часов. Алан зачем-то начал рассказывать незнакомому, по сути, человеку о своих отношениях с Куинн. Он чуть было не проболтался о минувшей ночи с Кейт, но вовремя прикусил язык. Почему он так много говорит? Он пошел в туалет, посмотрел на себя в зеркало, и то, что он увидел, ему не понравилось. Почему он позволил себе во вторник напиться в баре с незнакомцем? Он решил, что пора уходить.

Они вышли на улицу и начали прощаться. Глаза Джека наполнились слезами.

– Спасибо тебе, спасибо, что проторчал здесь со мной. Знаю... Знаю, что не...

– Это было здорово. – Алан положил руку Джеку на плечо.

Джек снял перчатки, вытер глаза и протянул руку Алану. Слава богу, обошлось без объятий. Рукопожатия, долгого и настойчивого, вполне достаточно.

– Куда ты теперь? – полюбопытствовал Джек, и Алану вдруг отчаянно захотелось сбежать. Кивнув куда-то в сторону востока, он сделал шаг вниз в направлении Чарльз-стрит. Их пути разошлись, и Алан пошел через незнакомый жилой район, по которому раньше никогда не ходил. Ветер немного утих, но верхушки деревьев все еще шумели. Футболка прилипла к телу – он не знал, куда идет. Он снова проголодался и хотел отлить. Заметил туалет и направился к нему, понимая, что, если есть сортир, поблизости найдется и бар. Первой ему попалась стилизованная под ирландский паб забегаловка «Рози Макклеин», в которой было почти пусто, только один столик заняли японские туристы. Алан устроился в баре и заказал себе рыбы, чипсов и большой стакан кока-колы. Выпив колу, он

попросил еще одну, но уже с виски «Олд оверхолт». Он хорошо понимал, что если сейчас прекратить пить, то закончится тем, что всю ночь будет раскалываться голова – обычная история после дневных возлияний. Принесли рыбу и чипсы. Поев, он немного пришел в себя и почувствовал, что трезвеет. Этого он допустить не мог – заказал еще виски с колой и начал размышлять о том, что ему наговорил Джек.

Зазвонил телефон. Алан вытащил аппарат из сумки и посмотрел на экран. Сестра. Он хотел нажать «Отклонить», но решил на всякий случай ответить: вдруг она звонит по какой-то серьезной причине, а не просто узнать, как он поживает.

– Звоню узнать, как ты поживаешь, – объявила Ханна после приветствия.

– Нормально.

– У тебя странный голос. Ты пил?

– Немножко. А сейчас я ем. Поэтому разговариваю с набитым ртом.

– Не забудь позвонить маме – поздравить с днем рождения.

– Угу. Ты поэтому звонишь? – Алана несколько покорило ее напоминание, хотя, вероятнее всего, он действительно забыл бы.

– Нет. Я волнуюсь за тебя. Мне приснился дурацкий сон.

Ханна начала описывать в деталях свой сон, в котором Алан сначала надолго пропал, о нем ничего не было слышно, а потом она нашла его мертвым в своей квартире, приехала и обнаружила гниющее тело. Пока сестра излагала свои кошмары, Алан допил коктейль и заказал следующий, кивнув барменше на пустой стакан.

– Эй, – вклинился Алан, едва Ханна сделала паузу и прекратила говорить о своем сне, – помнишь, ты работала вожатой в лагере, а я приехал к тебе на выходные?

Молчание. Алан услышал в трубке смех кого-то из ее детей – похоже, Изи.

– Ага. Ну да. Да, мама с папой чуть ли не силой меня заставили, а сами поехали вдвоем на Кейп-Код^[30].

Алан не помнил таких подробностей. Он продолжил мысль:

– Ты знаешь, именно тогда я впервые увидел голую девчонку. Я подглядывал за ней через дырку в стене.

– За кем? За вожатой?

– Ага.

– Ха! Помнишь, кто это?

– Наверное, я никогда и не знал ее имени. Круглолицая такая.

– Элли, что ли?

– Я никогда не знал, как ее зовут, но мне кажется, что она превратила меня в извращенца.

– Что ты несешь?

– Я подсматривал за ней, а она и не знала, что за ней наблюдают.

– О боже. Ты был не один такой в этом развратном лагере. Там во всех стенах были дырки. Она, наверное, знала, что за ней подсматривают. Я бы с удовольствием послушала еще несколько гадких историй в исполнении моего пьяного братика, но мне нужно идти. Позвони маме, не будь козлом.

Когда Алан наконец выдвинулся из паба, он уже был забит выпивохами, которые заскочили сюда после рабочего дня. Темнота на улице шокировала. К тому же стало холодно, а он в одной футболке. Пока дошел до Бери-стрит, 101, изрядно продрог.

Может, потому что Алан был пьян, а может, своеобразное освещение сыграло свою роль, но дом показался ему выше обычного. Эдакая громадина, возвышающаяся за воротами. Лунный свет красиво отражался от аспидной кровли ^[31] соседнего дома, через дорогу пытался согреться в открытом подъезде бомж. В квартире Кейт поблескивал тусклый свет. По пути домой он решил: нужно во что бы то ни стало встретиться с ней. Необходимо узнать, почему она ушла, не попрощавшись. Он должен поделиться тем, что узнал от Джека. Хотелось также рассказать, что звонила сестра и он поведал ей большую тайну о летнем лагере, но ее это мало взволновало. Он прошел через двор и вестибюль, кивнул Санибелу. Любопытно, заметил ли швейцар, что он пошел по другой лестнице – в северное крыло, а не южное? Он прошел по коридору, слабо осознавая, что идет мимо двери Одри – той самой, за которой было совершено преступление. Он сосредоточился исключительно на двери Кейт. Алан уже поднял руку, чтобы постучать, но остановил себя. А что, если она не откроет? Собственно, почему она должна открывать? Она же проигнорировала его утром. А ведь он знает, что она была там, по другую сторону двери. Возможно, даже смотрела на него в глазок. Алан придумал другой план.

Он пошел обратно на лестницу и спустился вниз. Прошел через освещенный лампами дневного света подвал – слава богу, там было пусто, – и нашел заднюю лестницу, ведущую на кухню к Кейт. По крайней мере, он на это надеялся. В своей квартире он оставлял этот вход незапертым. Вероятно, и Кейт не закрывала его на замок. В крайнем случае он поговорит с ней через дверь. Все-таки не то же, что стоять в коридоре. У него, по крайней мере, будет возможность высказаться.

Он взобрался по крутой узкой лестнице и аккуратно дернул за ручку.

Заперто. Собирался постучать, как вдруг его осенило. Кот Сандерс всегда скребется в дверь, когда просится в квартиру. А что, если самому так попробовать? Понимая, что идет на обман, но решив не менять план, Алан тихо постучал и начал царапать дверь. Затих. Подождал.

Послышались слабые шаги на кухне, а потом дверь открылась – и он увидел испуганную Кейт. Он быстро поднял руки и сделал один шаг через порог.

– Пожалуйста, разреши мне войти, – попросил он, пытаясь придать голосу безобидное звучание.

Кейт прижала руку к груди. Она так побледнела, что казалось, на лице не осталось ни кровиночки.

– Мне нужно поговорить с тобой. Я могу и отсюда, но поговорить нужно обязательно. Я считаю, тебе не стоит оставаться в этой квартире. Ты должна переселиться ко мне. – С языка сорвалось совсем не то, что он задумывал изначально.

– Ты пьян, – догадалась Кейт.

– Знаю, знаю. Я встретил Джека, и он рассказал мне всю правду о Корбине. Он напоил меня.

– Какого Джека?

– Джека. Ну Джека. Парня, который дружил с Одри. Ты мне о нем рассказывала. На улице. Ты познакомилась с ним на улице.

Алан начал продвигаться дальше на кухню, но Кейт отскочила от него:

– Нет-нет. Оставайся там.

Алан сделал шаг назад.

– Ты боишься меня? Нет, ты не должна бояться меня. – Он почувствовал себя ужасно и продолжал извиняться.

Кейт прервала его монолог:

– Все нормально. Знаю, тебе жаль. Расскажи мне о Джеке.

– Я увидел его утром, когда он выходил из дома...

– Откуда? Отсюда?

– Да. Сразу после того, как приехали полицейские. Я сначала не узнал его, но он смотрел в твои окна, так что я пошел за ним, но он заметил меня, а потом мы долго беседовали. Мы пошли в тот бар, где мы с тобой... «Святой Стефан», и он изложил мне свою теорию о том, что Корбин – серийный убийца.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «серийный убийца»?

– Он сообщил, что была еще одна девушка, убитая Корбином. И тоже изувеченная, и он уверен, что именно Корбин убил Одри. А мне просто кажется, что тебе небезопасно находиться одной в этой квартире.

– Если Корбин убил Одри, то он не вернется сюда, правда? Это же бессмысленно.

– Значит, ты останешься здесь?

– Алан, прости. Мне кажется, мы поспешили прошлой ночью, и... для меня это было ошибкой. Нет, дай мне договорить. Давай встретимся завтра, ладно? За кофе или за завтраком. Мы сможем все обсудить. Но не сейчас. Не сейчас, когда ты такой. Ладно?

Кейт так посмотрела на него, когда сказала «ладно», что Алан понял – пора уходить. Казалось, она вот-вот заплачет. Не сказав ни слова, он развернулся и, держась за стену, чтобы не упасть, пошел вниз по лестнице.

Возвратившись в квартиру, Алан разулся и лег на кровать, не снимая джинсы и футболку. Едва он закрыл глаза, как комната наклонилась, а когда открыл – комната вернулась на место. Он сколько мог продолжал лежать с открытыми глазами, перебирая в памяти все, что произошло за день, все, что случилось в последние дни. Глаза закрылись сами. Комната снова качнулась, теперь уже в другую сторону, и он погрузился в глубокий беспокойный сон.

Глава 25

Пора домой, подумала Кейт, когда Алан наконец ушел. Назад в Англию. Она пошатнулась и положила руку на кухонный стол, чтобы удержаться на ногах.

Она чувствовала, как становился громче голос Джорджа в голове, как начинали формироваться слова, но ей удалось остановить его, расхаживая по кухне.

Мне не следовало уезжать из своей страны. Не следовало оставлять родительский дом. Я не должна была ехать ни в университет, ни на каникулы в Озерный край, ни в Лондон, и Бостон мне *точно* не нужен. Со мной вечно происходят нехорошие вещи.

Мне постоянно встречаются плохие люди.

Кейт налила в стакан вина и таскала его с собой из комнаты в комнату, проверяя, заперты ли окна, и заглядывая в шкафы. Руки дрожат, сердце пустилось в пляс, но она в полном порядке. Пережить еще одну ночь в огромной квартире с тенями, и она сможет отправиться к родителям – в отчий дом, чтобы больше никогда не покидать его. Она проверила, закрыта ли передняя дверь, и посмотрела в глазок. Неделью назад убийца стоял в этом коридоре у двери Одри Маршалл с намерением убить ее. А потом зашел внутрь и сделал это. Убил ее ножом. Изувечил.

Она долго разглядывала коридор – искаженный глазком тоннель с изогнутыми стенами. Все ожидала, что кто-то появится из-за угла. Кот Сандерс. Возродится из мертвых Джордж Дэниэлз. Корбин Делл вернется из Англии. Нетерпеливый Алан. Но ничего не происходило. Хорошо освещенный, покрытый ковровой дорожкой коридор оставался пустым.

Она зашла в интернет и проверила стоимость авиабилетов до Лондона. Начала писать письмо родителям, извещая, что едет домой, но не закончила. Сделает это завтра, когда закажет билеты.

Она снова взглянула на записку о Рейчел Чесс. Должно быть, именно о ней говорил Алан, когда упоминал другую убитую девушку. Значит, Джек тоже проводит свое расследование.

Она вернулась на кухню, чтобы налить себе еще вина, но бутылка оказалась пустой – пришлось довольствоваться молоком. Она взяла его с собой в кабинет и включила телевизор. Работал канал старых кинокартин, по которому транслировался хорошо известный ей фильм «Я знаю, куда я иду!» с Уэнди Хиллер и Роджером Ливси в главных ролях – один из

любимых фильмов ее отца. Она свернулась калачиком на диване, уложив голову на две огромные подушки, и попыталась занять свои мысли черно-белым кино. Однако продолжала думать об Алане. Когда она увидела его, явно пьяного, за дверью на кухне, ей показалось, что она вот-вот умрет. Еще один Джордж Дэниэлз – человек, который пришел ее убить. Хотя Джордж, несмотря на агрессию и больную голову, никогда не пил. На самом деле, когда Кейт выпивала больше двух стаканов вина, он начинал злиться, обвиняя ее во всех грехах.

В фильме, который сейчас шел по телевизору, героиня Уэнди Хиллер отчаянно пыталась добраться до шотландского острова, где находился ее жених, но из-за шторма задержалась на побережье и влюбилась в другого мужчину. Она все равно сделала попытку доплыть до острова на маленьком катерке, но водоворот тащил ее к смерти. Кейт натянула одеяло повыше. Картина закончилась, и сразу же началась другая. «Пигмалион». Еще одна лента с Уэнди Хиллер. Кейт вспомнился отец, который так любил этот канал – единственный, по которому показывали старые фильмы. Она начала вникать в сюжет, но тут ей захотелось в туалет, да и вообще – неудобно валяться в тугих джинсах. Она заставила себя встать. Прошла через гостиную мимо кухни в спальню, переоделась в пижаму, сходила в туалет, примыкающий к спальне, почистила зубы. Возвращаясь назад, она миновала спальню, в которой яркий лунный свет бросал через окно странные тени на скомканную постель. Эта квартира наводит страх, подумала она и быстро направилась в кабинет, освещаемый мерцанием огромного телевизора.

Лесли Говард стоял под дождем, прислушиваясь к лондонскому акценту Уэнди Хиллер, которая продавала цветы.

Кейт не помнила, как погрузилась в сон. Еще минуту назад она смотрела телевизор, размышляя о том, живы ли еще эти актеры, а потом глаза, должно быть, закрылись, и она вдруг очутилась в мире кино, голоса из телевизора стали частью ее сна. Диван поглотил ее, и она уже почти скользнула в дремотную темноту, как вдруг сновидение сменилось и чья-то рука закрыла ей рот. Она почувствовала, как вылетает из глубин сна, пробуждаясь толчками, но чужая рука все еще оставалась на месте, жестко сжимая ее рот, в то время как другая рука держала за плечо.

«*Это реальность*», – подумала она и начала вырываться, уже окончательно проснувшись.

В комнате было темно, но телевизор все еще работал, и мужчина, державший ее, пытался успокоить. Это не Алан. Она видела короткую стрижку, светлые волосы и контуры квадратной челюсти, чувствовала

спертый и пыльный запах тела. Сердце начало колотиться так, что заболело в груди, а из глаз брызнули слезы. Мужчину, который пришел ее убить, она не знала, хотя было в нем что-то знакомое, как будто она пересекалась с ним на улице или видела во сне.

Он прошептал:

– Кейт, пожалуйста, выслушай меня. Это Корбин. Твой кузен. Я не причиню тебе вреда. Мне нужно, чтобы ты вела себя очень тихо. Здесь, в квартире, находится человек – очень плохой человек. Ш-ш-ш-ш-ш. Если ты начнешь шуметь, он услышит и придет сюда. Мне нужно, чтобы ты спряталась, и тогда я смогу, не опасаясь за твою жизнь, разобраться с ним. Кивни головой, если поняла.

Кейт затрясла головой. До нее дошел смысл только половины из этих слов. Неужели это настоящий Корбин? Может, он врет? Как он оказался в квартире? Она решила попробовать укусить его за руку, но он плотно сжимал ей рот, а губы вдавливались в зубы. Она видела глаза этого человека, неистово устремившиеся поверх дивана в темноту квартиры. Он выглядел напуганным. «*Это Корбин*», – пришла к выводу Кейт, вспомнив его фото, которое видела раньше.

– Ш-ш-ш-ш, – снова прошипел он. – Ты должна верить мне, или мы оба умрем. Понимаешь? – Его голос стал более настойчивым, почти срывающимся, и Кейт кивнула головой. Она сделает, что он говорит, а там будь что будет – либо он убьет ее, либо нет. Это снова произошло в ее жизни – не с Аланом, как она опасалась, а с мужчиной, которого она никогда не встречала.

Почувствовав кивок Кейт, Корбин посмотрел ей в глаза. Он слабил руку у ее рта, но не убирал.

– Ты мне веришь? Ты *должна* верить.

Она закивала и сделала глубокий вдох.

– Все будет хорошо, – сказал Корбин, глядя в коридор. – Ты знаешь о шкафе?

– Нет, – хрипло прошептала Кейт ему в руку.

– Там двойная задняя стена. Отец хранил в нем ценные вещи. Надави рукой с самого края справа и толкай. Услышишь щелчок, и она откроется. Там достаточно места, чтобы спрятаться.

Кейт затрясла головой и сказала «нет» в руку Корбина. Но он продолжил:

– Просто оставайся там, пока я не вернусь. Если не вернусь, оставайся там как можно дольше. Он не найдет тебя и в конечном счете сдастся. Ты должна доверять мне, хорошо?

– Я не могу, – прохрипела Кейт и почувствовала, как по лицу скатываются слезы. Она глубоко вдохнула через нос, ее грудь поднялась. Она подумала, что сейчас рассмеется.

– Ты должна, – увещевал Корбин. – Ты будешь в безопасности. Обещаю.

Она посмотрела на него, и у них впервые установился зрительный контакт. Это как найти опору на отвесной скале. Приняв решение, она спокойно кивнула, и Корбин убрал руку с ее лица.

– Кто он? – спросила она. – Кто здесь?

– Это не имеет значения. У нас мало времени.

Она пошла за ним к шкафу, ноги стали ватными и двигались отдельно от остального тела. Он аккуратно подтолкнул ее внутрь, в пространство, завешанное сухими чистыми костюмами, завернутыми в полиэтилен.

– Просто надави скраю справа, – повторил он.

– Ладно, – отозвалась она, ее голос прозвучал как будто издалека.

– Я не дам тебя в обиду, – прошептал он, прежде чем закрыть дверь, и Кейт окунулась в темноту. Она сделала, как он советовал, и надавила рукой на заднюю стенку. Стенка немного подалась и, распахнувшись, щелкнула. Она шагнула вперед и пошарила внутри рукой. Там была маленькая металлическая ручка, и она потянула дверь на себя, но не до конца. Небольшое замкнутое пространство пахло необработанным деревом и затхлыми бумагами. У нее возникло чувство, словно она шагнула в прошлое – в другой шкаф в другой стране – и за дверью другой сумасшедший. Только на этот раз она оставалась спокойной. Ну не то чтобы совсем спокойной. Скорее пассивной. Все кончено. Мир пытается убить ее самым извращенным способом и сейчас наконец добьется своей цели. Она сдалась и успокоилась. И даже потянула фальшивую стенку на себя, и та полностью закрылась. Ручка повернулась, но она понимала, что сможет выйти отсюда, если захочет, хотя, возможно, в этом уже не будет смысла. Она провела рукой по дереву. Каморка оказалась довольно широкой, как шкаф, но вглубь уходила не больше чем на треть метра. Плотнo прижавшись спиной к задней стенке, она все равно грудью касалась двери. По телу прокатилась волна нереальности, и она приняла ее. Она ждала.

Кейт прислушалась и слышала только свое собственное дыхание и стук сердца в груди, больше ничего.

Как Корбину удалось незамеченным вернуться в Америку? А может, он никогда и не уезжал? Нет, уезжал. Он был в Лондоне, ведь Марта видела его.

Он вернулся, потому что убил Одри, а сейчас собирается избавиться от нее, а эта игра в прятки в шкафу, мифический другой мужчина – все это часть сложной комбинации, которую он придумал.

Или в квартире действительно есть кто-то еще?

Может, это пьяный Алан, который нашел способ проникнуть сюда другим путем?

Или Джордж Дэниэлз, в конце концов? Кейт начал разбирать смех, но она изо всех сил сдерживалась, напрягая челюсти, так что чуть не свело мышцы шеи. Джордж Дэниэлз восстал из мертвых в другой стране. В какой-то мере это ее даже не удивило. Ведь она постоянно твердила: *«Он всегда со мной, куда бы я ни отправилась»*.

В голове прозвучал его голос: *«Ты умрешь в шкафу, Кейт»*. Хихиканье.

Она закрыла глаза, но ничего не изменилось. Вокруг была только темень.

Она пыталась не думать о родителях и о том, что будет с ними, когда они узнают, что дочь убита.

Она подумала об Алане. Двадцать четыре часа назад она была с ним в постели, позволив себе чувствовать. Она ощущала себя счастливой, в приподнятом настроении оттого, что познала наконец другого мужчину. Может, именно этого и ждал Джордж Дэниэлз – что она изменит ему, – чтобы воздать по заслугам? Возможно, он и вправду жив, а полиция и родители все это время обманывали ее. На какой-то жуткий миг она поверила.

Послышались какие-то звуки – нечто похожее на хрюканье. Или пронзительный крик, который внезапно прервался. Она почти перестала дышать, но больше ничего не происходило – обычное гудение и жужжание дома. Она засомневалась, действительно ли что-то слышала, и глубоко вдохнула – воздух был спертый. Она слегка приоткрыла дверь своего убежища. Сжала подушечки пальцев и почувствовала резкий укол – заноза все еще сидела на прежнем месте. Она взяла распухший палец в рот, раскусила зубами кожу и высосала наконец проклятую занозу. Вытерла кровь о пижаму. Избавившись от занозы, она убедилась, что все-таки еще не сошла с ума, но тут же задумалась, как долго сможет оставаться в этом шкафу. Что происходит снаружи?

Она составила план просто для того, чтобы понять, как могут развиваться события. Она выберется из шкафа и побежит как можно быстрее, но в то же время тихо из кабинета в гостиную, потом в прихожую, откроет дверь, бросится в коридор, затем в фойе и помчится к стойке

регистрации. Квартира большая. Корбин или кто-то другой вполне может быть в это время где-то в другом месте. Таким образом она освободится. А если нет? Ну, значит, по крайней мере, не будет торчать в тесном шкафу.

Большой палец Кейт все еще кровоточил, и она снова засунула его в рот, почувствовав привкус крови.

Она часто думала о той ночи, когда Джордж Дэниэлз выследил ее в Озерном крае и закрыл в шкафу. Пыталась реконструировать события, чтобы понять, все ли сделала правильно, или можно было действовать по-другому. Смогла бы она убежать, если бы он не заблокировал дверь? Не сразу, а уже после выстрела. Она была в ловушке, и ей ничего не оставалось, кроме как ждать. Но Кейт иногда казалось, что, даже если бы дверь была открыта, она осталась бы там навсегда. Вспомнила, как свернулась калачиком подобно раненому животному и не двигалась. Даже увидев полицейского, который открыл дверь шкафа, она была не в силах пошевелиться. Но сейчас у нее есть шанс сбежать, и она должна, что бы ни случилось, воспользоваться им.

Она открыла фальшивую стенку, шагнула в основное пространство шкафа и прижалась ухом к двери. С минуту прислушивалась – ничего. Положила ладонь на ручку двери. Вдохнула носом, а выдохнула ртом.

Кейт попыталась вспомнить молитву из своего детства, но в памяти всплывали только слова, которые произносила ее бабушка перед сном. Закрыв глаза, она мысленно проговорила:

«От вампиров и приведений,
И длинноногих зверушек,
И всей ночной нечисти,
Господи, избавь нас».

Успокоившись от этих слов, тем более что в голове звучал родной бабушкин голос, она распахнула дверь и вышла из шкафа в мерцающий свет кабинета.

Глава 26

Утром в понедельник он позвонил в лондонский офис и, сообщив, что смертельно болен, попросил разрешения приступить к работе на следующей неделе. Корбин Делл снял пятнадцать тысяч фунтов стерлингов наличными в местном отделении Королевского банка Шотландии. Он открыл счет онлайн еще перед отъездом в Лондон, чтобы избежать необходимости оплачивать комиссионные по снятию наличных. Кассирша, индианка в платке, внешне никак не отреагировала на его просьбу, но потратила без малого пятнадцать минут, делая звонки и что-то набирая на компьютере, прежде чем вручила ему все деньги стофунтовыми банкнотами.

Спрятав тяжелый пакет с деньгами во внутренний карман плаща, Корбин взял такси до Кэмден-маркета^[32] и принялся бродить вдоль рядов, выискивая кандидата. Он не торопился – впереди был целый день. Кроме того, когда откроются пабы, его шансы увеличатся. Да, у него был план. Он собирался отыскать Генри Вуда и убить его. Вряд ли когда-нибудь еще будет столь же прекрасная возможность.

Примерно в два часа дня Корбин заметил многообещающего партнера. Это было в сомнительном пабе в нескольких кварталах от рынка. Мужчина был с бородой и длинными засаленными волосами, но в остальном очень похож на Корбина. Тот же цвет волос, похожие черты лица, выступающие линии челюсти. Правда, выглядел слегка опустившимся. Мужчина допивал большой стакан сидра со льдом.

Корбин заказал себе пинту «Стеллы»^[33], еще сидра и понес все это добро к столику возле грязных окон, за которым сидел нужный ему мужчина. Там было немного светлее, чем в остальном помещении, что позволяло любителю сидра свободно читать роман Чарльза Буковски.

Корбин сел и поставил перед носом кандидата сидр. Тот опустил замусоленную книгу и поднял на парня испуганные глаза. Он и вправду был весьма похож на Корбина.

– Могу я кое о чем спросить? – произнес Корбин. – У вас есть паспорт?

– Какого черта тебе надо? – не понял вопроса мужчина. Он проговаривал слова чисто, Корбин не услышал акцента.

– У меня имеется к вам предложение, но сначала я хочу знать, являетесь ли вы счастливым обладателем паспорта.

– Угу, ну есть паспорт, – подтвердил он. Может, это немецкий акцент?
– Я бы хотел одолжить его у вас, а также любые другие документы – все, что есть. Это не больше чем на неделю, обещаю. Даю восемь тысяч фунтов наличными прямо сейчас и еще две – когда буду возвращать документы. Вы ничем не рискуете.

Мужчина рассмеялся.

– Гуляй.

– Повторяю, десять тысяч фунтов и никакого риска.

– Никакого риска? Ты будешь пользоваться моим долбаным паспортом.

Корбин сделал глоток пива. Он достаточно общался с людьми на протяжении последних лет, чтобы понять – парень уже на крючке. Заполучить паспорт не будет проблемой.

– Какой у вас рост? – продолжал Корбин. – Вы не могли бы встать?

Человек не ответил на вопрос. Вместо этого он спросил:

– А если ты не вернешься?

– Доложите в полицию, что паспорт украли. Везде и всюду такое случается. Вы, кстати, откуда? Не могу определить ваш акцент.

– Из Роттердама. Голландец.

– Как вас зовут?

– Брэм. Знаешь, я решил, что лучше не надо.

– Послушайте, Брэм. Десять тысяч фунтов. Наличкой. Все, что вы должны сделать, – это передать мне паспорт и помочь заказать билет на самолет вашей кредиткой. Эти расходы тоже возьмешу наличными. Мне нужно кое-куда поехать, но так, чтобы нехорошие люди не знали, куда я направляюсь. Вот и все. Через неделю все верну. Если что-то пойдет не так, вы просто скажете, что паспорт и кредитку украли, а вы сразу не заметили. Здесь нет никакой обратной стороны медали.

Брэм подумал с минуту и выдал:

– Я согласен. Пятнадцать тысяч фунтов.

Корбин встал.

– Пожалуй, продолжу поиски. Пойду поищу кого-то другого.

Корбин отнес пустой стакан к стойке и вышел из паба. Брэм догнал его на улице.

– Ладно, ладно, – сказал он. – Я согласен.

Брэм Хейманс незаконно занимал подвал неподалеку, спал и жил на рюкзаке. Несмотря на это, он таскал за собой ноутбук «Apple» и портативный роутер. Корбин осмотрел темно-бордовый паспорт. На фотографии Брэм был чисто выбрит, волосы были зачесаны назад. Корбин надеялся, что на фото тот будет с бородой, но и в таком виде Брэм оказался

достаточно хорош. Корбин будет Брэмом до тех пор, пока не привлечет к себе слишком много внимания. До конца дня рейсов на Логан^[34] не было, поэтому Корбин, воспользовавшись карточкой «Visa», заказал билет на утренний рейс следующего дня. Он дал Брэму восемь тысяч фунтов, еще восемь сотен за билет и завладел паспортом.

– Через неделю будете здесь? – поинтересовался Корбин у Брэма, который перелистывал банкноты пропитанным никотином пальцем.

– Здесь? На этом месте?

– Да.

– Ага, я никуда не собираюсь.

– Через неделю вернусь с вашим паспортом. В обеденное время. Вы будете здесь?

– Я буду здесь, – подтвердил Брэм, продолжая пересчитывать деньги.

* * *

У арочного металлоискателя в Гатвике^[35] выстроилась очередь из сотни путешественников, но Корбин приехал заранее. Он был рад видеть огромную толпу. Это обнадеживало, ведь тому, кто смотрит паспорта, нужно спешить, не особо присматриваясь к фото. Корбин всю ночь с тревогой анализировал маленький портрет в паспорте, а утром гадал, сработает ли его план. Должен сработать, особенно с учетом того, что фото было семилетней давности. Он долго раздумывал, стоит ли ему оставаться таким, как есть, или же уложить волосы, как на фотографии, но принял решение ничего не менять. Если прическа будет идеальной, то агент службы безопасности или таможенный контролер в Бостоне начнет более детально сравнивать черты лица и поймет, что глаза не очень похожи, а уши совсем другие.

Агент, явно с похмелья, в конце очереди почти не смотрел на паспорт. Положил его на сканер, быстро перевел взгляд с фотографии на лицо Корбина и пропустил его.

Больше проблем было в Бостоне, где недавно установили автоматический паспортный контроль. Корбин встал перед монитором компьютера, замер и долго смотрел в камеру, ожидая снимка. Он не был готов к такому испытанию и, пока ждал вспышки камеры, почувствовал, что сердце бьется быстрее. Вместо вспышки на экране появился текст, извещающий, что машине не удалось распознать лицо. Корбин уже решил,

что все кончено: какая-то программа вычислила, что его лицо не соответствует фото на паспорте. Он попытался снова, но получил такое же сообщение. Подкатил таможенник, подстроил высоту механизма, и все сработало. Вспышка света, и из аппарата выскочил изогнутый листок бумаги – черно-белое изображение встревоженного лица Корбина. Он отнес этот листик вместе с паспортом другому таможеннику, прыщавому юнцу с усами на военный лад. Тот расспросил его, с какой целью он приехал в Штаты, где собирается остановиться и как долго планирует оставаться, затем пролистал паспорт, уделяя относительно немного внимания фото. Наконец таможенник поставил штамп в документе Брэма Хейманса, и Корбин, с мокрыми от волнения подмышками, хотя в остальном все было отлично, прошел через двойные двери на территорию аэропорта. Он увидел через терминал и большие раздвигающиеся двери ряд такси, поджидающих пассажиров. Он почувствовал себя свободным. Он в Америке, и никто не может это доказать. Пока его не поймают, у него будет идеальное алиби. Он понял, что у него развязаны руки, – можно спокойно искать Генри.

Он неожиданно занервничал. А вдруг кто-нибудь узнает его в родном городе? Может, стоит замаскироваться? Кстати, где остановиться? Об этом он даже и не думал, пока был полностью сосредоточен на поездке в Америку с чужим паспортом. Но сейчас, когда перелет уже позади, что предпринять дальше?

Он взял такси до бутик-отеля^[36] на Бикон-стрит и зарегистрировался по паспорту Брэма, заявив с ужасным голландским акцентом, что у него намерен украсть кредитную карту, поэтому он расплатится наличными. Администратор сказал, что номер кредитки нужен обязательно на случай непредвиденных расходов, но Корбин предложил две тысячи долларов наличными (он обменял около пяти тысяч фунтов в Логане по документам Брэма), и менеджеру пришлось согласиться. В номере Корбин сбросил с себя одежду и около получаса простоял под душем, пытаясь расслабиться. С тех пор как он получил электронное письмо из полиции, он чувствовал себя одержимым, только сейчас поняв, что ему нужно делать. Он не позволял себе горевать по Одри, заглушал боль утраты и осознание, что она ушла навсегда. Но сейчас мысли разом нахлынули на него. Чтобы не зарыдать в голос, он так стиснул челюсти, что чуть не раскрошил зубы. Единственное, что давало ему силы, – мысль о том, что он доберется до Генри и расплющит его голыми руками, заставит расплатиться за все, что он сделал. Генри был в Бостоне меньше недели тому назад. *«Есть шанс, что я его найду»*, – рассуждал Корбин. Как только стемнеет, он пойдет к

своему дому и устроит засаду – вдруг что-то произойдет и Генри по какой-то причине нарисуеться там.

Почти полдень. С тех пор как Корбин узнал об Одри, он практически не спал и не ел. В животе раздавалось громкое урчание, а голова, несмотря на голод, была светла как никогда. Он натянул джинсы, футболку и молодежную толстовку фирмы «Джек Уиллз», которую купил в Гатвике. Набросил капюшон, затянул тесемки, чтобы не слетал, вышел из отеля, повернул направо и направился в сторону больницы. Прошел мимо парикмахерской, которую никогда раньше не замечал, вернулся, зашел внутрь. В зале скучали два парикмахера: один – старый и лысый, другой – молодой и тоже лысый, явно сын. В темном помещении, которое было шириной не больше вагона, пахло гелем для волос. Корбин сел в кресло к молодому и попросил коротко его постричь.

– Насколько коротко? – задал уточняющий вопрос парикмахер.

– Как можно короче.

Парикмахер установил самую короткую насадку на машинку и начал упражняться с волосами Корбина – состриг практически все. Радиоприемник, стоящий высоко на полке, был настроен на спортивный радиоканал, и Корбин на некоторое время отвлекся от своих мыслей, слушая, как ведущие ругают отвратительных реливеров^[37] «Ред сокс».

– Может, вас и побрить? – закончив стрижку, предложил парикмахер.

Корбин погладил себя по подбородку. Он не брился почти неделю, и щетина выросла длиннее, чем когда-либо.

– Конечно, – согласился он. – Все сбейте, кроме усов. – Он то ли читал, то ли слышал где-то, что, если мужчина хочет сменить внешность, достаточно побриться наголо и отрастить усы. Информация застряла в голове много лет назад, и ему всегда было интересно, правда ли это. Парикмахер управился, и Корбин внимательно осмотрел свою почти лысую голову и рыжие усики. Действительно смотрится по-другому – достаточно, чтобы ввести в заблуждение старых знакомых, если они вдруг встретятся на пути. В общем, нормально.

Корбин вышел из парикмахерской и направился вниз в сторону Массачусетской клиники. По пути обнаружил греческую пиццерию, в которой раньше никогда не был. Там он съел большой сэндвич и выпил два стакана кока-колы. После взял еще гамбургер с индейкой с собой. Кто знает, когда у него выпадет возможность снова поесть. Вернувшись в номер, он открыл окно, выходящее на парк Коммон. Приятно в ветреный день впустить немного свежего воздуха в душную комнату. Он открыл ноутбук, ввел пароль Wi-Fi и проверил почту. Телефон он оставил в

Лондоне. Даже с выключенной GPS-навигацией мобильник заставлял Корбина нервничать, но относительно ноутбука он не переживал – был уверен, что тот не выдаст его местоположение. От кузины Кейт – ничего нового, только воскресное письмо, в котором она извещала об обыске квартиры. Он все еще размышлял об этом. Должно быть, полиция каким-то образом связывает его с Одри, хотя он не понимает, как именно. Может, опросили других жителей или Алан что-то рассказал. Но это неважно. Они ничего не найдут в его квартире.

Корбин открыл окно браузера и в тысячный раз попытался нагуглить что-нибудь о Генри Вуде, или Хэнке Боумене, или Хэнке Вуде. Ничего. Он лег на кровать и уставился в высокий потолок, украшенный лепниной. За окном свистел ветер, колыхая шторы, и Корбин закрыл глаза, представив себя маленьким мальчиком, который лежит на пляже Аннисквем, обдуваемый соленым воздухом. Он уснул, и ему снилось, что он снова невинный ребенок, за ним пришли убийцы, но он не был одним из них.

Глава 27

Корбина разбудил сигнал компьютера. В комнате отеля стало прохладно, и он продрог. Он встал и посмотрел на экран. Он не вышел из учетной записи, когда ложился, и Кейт Придди прислала по электронной почте сообщение. «Привет», – написала она. Он какое-то время всматривался в буквы, от холода у него зуб на зуб не попадал. Ему казалось, что она видит его через экран компьютера и знает, где он находится. Он встал и закрыл окно, снова надел толстовку. «Салют», – отписался он.

«Ты убил Одри Маршалл?»

Корбин, едва дыша, поставил пальцы на клавиатуру. Он хотел признаться, что знает убийцу, но не хватило храбрости. Вместо этого он написал Кейт, что не убивал Одри, и спросил, не подозревают ли его копы. «Они говорят, что у тебя были с ней отношения», – сообщила Кейт, и Корбин подтвердил. Сказал, что они держали отношения в тайне, поэтому он не счел нужным обсуждать их. Он понимал, конечно, насколько нелепо такое оправдание. Почему он сразу же, как только узнал, что Одри мертва, не заявил открыто? Все равно это уже не имело значения.

Он уверял, что не убийца. Похоже, она поверила, потому что они начали болтать о погоде и Сандерсе. Она спросила, какой была Одри, а потом упомянула о каком-то ее друге, с которым сама познакомилась на улице.

У Корбина пробежал мороз по коже. Он спросил, как зовут друга.

«Джек Людовико».

Корбин начал выпытывать, как он выглядит, и Кейт описала его как рыжего парня в очках. Генри не подходил под описание, но волосы легко перекрасить.

Корбин быстро погуглил. Ничего. Снова набрал «Генри Вуд». И опять пусто. Они еще немного поболтали в чате и попрощались. Его передернуло оттого, что Генри встречался с Кейт. Надо немедленно его разыскать.

Почему Людовико? Что-то показалось Корбину знакомым в этой фамилии, и он загуглил слово отдельно. Первое же сообщение напомнило о

«технике Людовико» – экспериментальном лечении отвращением из фильма «Заводной апельсин», в котором главного героя по имени Алекс насильно заставляли смотреть жесткое порно. Это был самый любимый фильм Генри или один из любимых. Он обожал все картины Стэнли Кубрика, и тем летом в Нью-Йорке, когда Корбин с Генри были близки, они пересмотрели множество фильмов этого режиссера. Казалось, что все происходило десятки лет тому назад. Генри, очевидно, позаимствовал свой псевдоним оттуда. А как насчет другого вымышленного имени – Хэнк Боумен? Он использовал его, когда жил в Хартфорде? Корбин задал в поисковике «Кубрик» и «Боумен», и тут же выскочила информация о фильме «2001 год: Космическая одиссея». Сердце в груди Корбина заколотилось со страшной скоростью. Он почувствовал себя гончей, которая обнаружила добычу. Он пролистал фильмографию Кубрика. Они несколько раз смотрели вместе «Сияние». Как же зовут героя, которого сыграл Джек Николсон? Корбин отыскал. Джек Торренс. Он набрал «Генри Торренс». Поисковик обнаружил несколько совпадений. Актер, снимающийся в фильмах категории В^[38]. Корбин добавил «Бостон», и тут же нашелся «медиативный советник»^[39]. Это был сайт, и хотя фото Генри Торренса отсутствовало, Корбин каким-то образом моментально понял, что спустя столько времени он наконец нашел его. В биографии указывались Колледж Аврелия и Колумбийский университет – степень магистра в области разрешения споров. Там был номер телефона и адрес офиса в Ньютоне.

Он нашел его.

Было почти пять вечера. Маловероятно, что Генри все еще на работе. Однако Корбин окликнул такси на Чарльз-стрит и указал адрес офиса в Ньютоне. В бостонский час пик поездка заняла сорок пять минут. Офис находился в поселке Ньютонвилль, за пекарней, на зеленой тихой улице, пролегающей параллельно магистрали.

Через дорогу стояла скамейка, и Корбин присел, стараясь не упускать из поля зрения вход в здание. Ему нужно было время подумать. Он не мог поверить, что настолько близко подобрался к Генри. Вполне возможно, что враг прямо сейчас находится в офисе. Мысли Корбина были наполнены как надеждой, так и страхом. Если Генри действительно у себя, Корбин сможет убить его голыми руками, задушить, например, – в этом он не сомневался. А если там будет кто-то еще? Или люди в коридоре услышат суматоху? А если у Генри оружие?

Корбин встал. Пока он сидел на скамье, джинсы немного отсырели. Он

осмотрел этот торговый квартал. Заметил таверну, бутербродную, два банка, ювелирный магазин, а за углом – хозтовары, похоже на семейный магазинчик. Как раз то, что нужно. Он быстро вошел в дверь и легонько звякнул колокольчиком, чтобы хозяева знали, что есть покупатель. Здесь было темно и тесно, в проходах между стеллажами могло поместиться не больше одного человека.

– Чем могу помочь?

Корбин даже сразу не понял, откуда донесся голос. Повернул голову и увидел за прилавком женщину с завитыми седыми волосами. Сначала показалось, что она стоит на коленях, поскольку голова едва виднелась у поверхности стола. Однако затем она взобралась на высокий стул, и он понял – она невероятно низкого роста, возможно, даже карликового.

– Нет, спасибо, – улыбнулся Корбин. – Так, просто смотрю. – Собственный голос показался ему нервным и неискренним.

– Позовите меня, если не найдете то, что ищете.

Он вошел в первый попавшийся ряд, в котором оказалась сантехника. На полках лежали пластиковые трубы и всяческие фитинги^[40]. «Что же я ищу?» – размышлял Корбин. Он обнаружил другой ряд, заполненный ручным инструментом – молотками, отвертками и гаечными ключами. Там он нашел маленький молоточек с резиновой ручкой длиной чуть более десяти сантиметров. Он хорошо смотрелся в руке. С ним он легко мог одолеть Генри, а потом либо задушить, либо забить до смерти. И хотя молоточек был маленьким, но нести его неудобно – слишком заметен в кармане куртки. Он продолжил поиски. Присмотрел долото, но оно было недостаточно острым. А потом он нашел то, что искал, – увесистый садовый нож с прорезиненной ручкой. Он был довольно небольшим, с выдвижным лезвием – такой легко спрятать в кармане. Он мог бы даже нести его в руке, и никто не заметил бы.

Он чуть было не пошел к прилавку с выбранным товаром, но вовремя остановился. Если Генри в офисе и Корбин убьет его только что купленным ножом, женщина из магазина хозтоваров выдаст его. Наверняка она запомнит странного гражданина, совершившего покупку как раз перед убийством. Он бросил взгляд на потолки, высматривая камеры, но не увидел ни одной. Бросил нож в карман толстовки и продолжил бродить по рядам. Подобрал бутылку дешевого резинового клея и понес к прилавку.

Женщина отложила сборник рассказов Дина Кунца и пробила клей на кассовом аппарате, который казался таким же старым, как и она.

– Я смотрю, вы нашли наконец то, без чего не могли жить, – пошутила она и улыбнулась.

– Клея много не бывает, – бодро ответил Корбин, пытаясь не смотреть ей в глаза. Может, надо было просто уйти из магазина с ножом в кармане и не ломать комедию. А теперь эта женщина наверняка запомнила его.

Корбин вышел на улицу с маленьким тюбиком резинового клея и направился в сторону бутербродной. На углу стояла большая урна, и он отправил туда этот клей, потом вынул нож из бумажной упаковки и выкинул ее вслед за клеем. Мимо сновали люди, в основном жители пригородов, несколько детей катались на скейтбордах, но никто не обращал на Корбина внимания. Если Генри был в офисе – а это большой вопрос, – то Корбину нужно воспользоваться столь удачным обстоятельством. Неважно, что женщина из хозмага могла запомнить его. Единственное, что имело значение, – добраться до Генри.

Он перешел дорогу по пешеходному переходу и направился через стеклянные двери в небольшой вестибюль со стенами не первой свежести и линолеумным полом. В этом тесном пространстве витал запах свежего хлеба и моющих средств. На самой большой стене было три кнопки со списком субъектов бизнеса. Корбин нажал на звонок напротив надписи «ГЕНРИ ТОРРЕНС, МЕДИАТИВНЫЙ СОВЕТНИК» и подождал. Что он скажет Генри, если раздастся его голос из динамика на стене? Корбин почувствовал прилив адреналина в крови. Он решил, что не будет ничего говорить. Если Генри здесь, он просто мигом взбежит по лестнице, выбьет, если нужно, дверь и перережет ему горло. От таких мыслей у него задрожали пальцы.

Но ответа не прозвучало. Он нажал еще раз, на этот раз держа палец дольше. Наверху никого не было.

Корбин все равно поднялся по лестнице. За лестничной площадкой был короткий слабо освещенный коридор и три двери. «МЕЛАНИ ГЕЛЛАР, ТЕРАПЕВТ». «ДЖОЗЕФ ХАН, АУДИТОР». И ПРОСТО «ГЕНРИ ТОРРЕНС». Дверь была заперта, но ручка, за которую схватился Корбин, показалась ему хлипкой, как жестянка. Он решил ворваться в кабинет, чтобы узнать, где живет Генри, но вдруг услышал звонок в другом кабинете и мужской голос, ответивший на него. Корбин убрал руку от двери. Нет, сейчас он знает, где Генри работает, а если вломится в кабинет, то он затаится. Лучше сегодня уйти, а завтра вернуться и наблюдать с другой стороны улицы – ждать, пока Генри явится.

На улице Корбин понял, что у него нет возможности вернуться в отель. Ньютон хотя и считался окраиной Бостона, но все же оставался провинцией, и поймать там такси было не самой простой задачей. Он заметил через дорогу бар «Таверна Эдмандса». На мягких кожаных стульях

вокруг подковообразной стойки разместились небольшая группа работяг. Корбин облокотился о стойку, заказал себе пива «Лагунитас пилс» и попросил барменшу вызвать такси. Молодая, максимум студенческого возраста, с татуировкой на затылке в виде загадочного символа, она посмотрела на Корбина так, словно он требовал предоставить ночлег его лошади.

– Я потерял свой мобильник, – объяснил Корбин.

Она вытащила телефон, проворно большим пальчиком отыскивала службу такси и, набрав номер, передала телефон Корбину. Он назвал адрес бара, и его попросили подождать десять минут.

– Советую пользоваться «Убером»^[41], – сказала барменша, когда он отдал ей смартфон.

– У меня есть, на моем телефоне.

– Ладно, – засмеялась она и повернулась к двум бородатым мужчинам в теннисках, которые только что вошли и изучали меню.

Вместо того чтобы ехать в отель, Корбин назвал таксисту адрес: Беристрит, 75. Откинувшись на потертую спинку заднего сиденья из искусственной кожи, он закрыл на мгновение глаза и попытался расслабиться. Начал с лица, пытаясь освободить мышцы челюсти, потом поработал с остальными частями тела. Он подобрался к Генри так близко, что позволил себе мимолетные фантазии – одна посещала его несколько раз. Если бы он смог убить Генри и остаться живым и на свободе, то вернулся бы к прежней жизни. Во всяком случае, к некоторому подобию жизни. Может, спустя какое-то время он смог бы себя простить за то, что сделал с Клер и Линдой, и за то, какую роль сыграл в смерти Рейчел и Одри. Нет, он никогда не сумеет по-настоящему простить. Но может хотя бы как-то загладить свою вину. Он точно не знал, что надо сделать, но его иногда посещал волшебный образ, мечта, в которой он вместе со своей семьей, своими дочерьми, которых любит и оберегает. Как только недостижимый образ возникал в его голове, он прогонял его прочь – уж слишком оптимистично. Нет, если он убьет Генри, самое большее, чего можно ожидать от остальной жизни, – это прожить ее так, чтобы больше никому не принести боли и благополучно пройти сквозь оставшиеся дни и годы. Этого будет достаточно.

Он вышел из такси, не доехав квартал до своего дома. Уже стемнело, ветер стих, но и температура упала. Он натянул на голову капюшон. Пошел, засунув руки в карманы, в сторону дома номер сто один, но, чуть-чуть не доходя до входа, перешел через дорогу, не желая столкнуться лицом

к лицу с кем-нибудь из жильцов. Он медленно шагал по тротуару, выискивая место, откуда можно было бы незаметно следить за домом. Если Генри уже навещался к Кейт, то может снова прийти. Наблюдать за своим домом Корбину было комфортнее, чем сидеть до утра в отеле.

Дома на Бери-стрит в основном из красного кирпича, подъезды хорошо освещены. В доме номер сто шесть остались старые массивные немного утопленные двери, так что Корбин мог сесть на нижнюю ступеньку лестницы. Не самое укромное местечко, конечно, но оно находилось где-то посередине между уличными фонарями, как бы в тени. Самое главное, что отсюда удобно наблюдать за входом в дом сто один, а также за окнами гостиной его квартиры. В окнах горел свет, шторы были наполовину задернуты. Корбин подтянул ноги, прижавшись спиной к дверям, и попытался стать как можно более незаметным.

В течение двух часов он увидел нескольких людей, заходящих в здание и выходящих из него. Почти всех узнал. Среди них была старушка, подруга Вэлентайнов, выгуливающая своего астматичного мопса. Она вывела собаку за ворота, к короткой изгороди, граничащей с соседним участком. Мопс понюхал все вокруг и помочился прямо на тротуаре. Женщина взглянула в сторону Корбина. Он немного приподнял голову, чтобы продемонстрировать, что он европейского происхождения. Иначе она могла позвонить в полицию. Немного позже показалась миссис Хиткот. Она вышла из такси у самого дома, и водитель помог ей отнести две большие сумки с продуктами в фойе. Через двор в разных направлениях прошли еще какие-то люди, он их не узнал, но кухни Кейт или Генри Вуда среди них не было.

Когда стемнело, оказалось, что уличные фонари отбрасывают более яркие и широкие круги света, и Корбин стал опасаться, что кто-то из параноидальных соседей вызовет полицию, увидев бродягу, сидящего на ступеньках. Если полиция приедет, он может просто сказать, что отдыхает, или использовать голландский акцент и предоставить документы Брэма. Его прогонят, но вряд ли заберут. По крайней мере, он на это надеялся.

Корбин услышал громкие неровные шаги и заметил, как перед двором остановился молодой мужчина, на вид его ровесник. Он слегка качнулся, как пьяный, потом посмотрел вверх, прямо в окна квартиры Корбина, где теперь жила Кейт. Генри? Со спины не похоже – слишком высокий и крепкий. Однако все может быть. Парень повернул голову, и в свете луны и уличного фонаря Корбин узнал Алана – соседа из другого крыла. Он еще однажды интересовался, не встречается ли Корбин с Одри Маршалл. Почему он смотрит в окна Кейт? Может, он просто извращенец – любитель

заглядывать в чужие окна? Видимо, таким образом Алан и узнал об их с Одри отношениях. Корбин подтянул ноги поближе к себе и опустил голову, как будто пытаясь согреться. Алан, шатаясь, прошел через ворота. Каждый шаг давался ему с трудом – казалось, бедняга вот-вот упадет. Но Алан успевал выставить ногу вперед и таким образом передвигался.

На улице снова стало спокойно, и Корбин чуть-чуть приподнялся, чтобы помассировать ноги, как вдруг увидел еще одну фигуру, повернувшую к дому с Бриммер-стрит. Он быстро присел, прижавшись к двери.

Теперь это точно Генри.

Корбин был почти уверен. Все тело начало пульсировать в такт с сердцем. Он не мог видеть его лица, но то, как он шел – размашисто, плечи назад, было до боли ему знакомо. Он был настолько убежден, что это Генри, что слегка растерялся, когда тот прошел мимо входа, даже не взглянув в сторону дома, и продолжил путь в направлении реки. Корбин встал. Мужчина – теперь он уже не был уверен, что видел Генри, – миновал следующее здание, затем вдруг метнулся вправо и исчез из виду. Корбин буквально трусцой перебежал через дорогу, нащупывая нож, который лежал в кармане толстовки. Он замедлился, когда добрался до места, где испарился тот человек. Там была узкая, едва проходима дорожка между двумя домами, и лунного света хватало, чтобы увидеть, что тропинка пуста. Корбин шагнул в этот проход – такой узкий, что плечи терлись о стены. Отмостка под ногами была скользкой, и от нее исходил запах прокисшего молока. Не задумываясь над этим, Корбин немного развернул плечи, быстро протиснулся между зданиями и вышел на другую дорожку, гораздо шире предыдущей. Никаких следов того человека, которого он преследовал, не обнаружилось, но, видимо, надо поворачивать направо, так как слева тупик. Корбин медленно и осторожно пошел в направлении своего дома. Он никогда не заходил с тыльной стороны и был удивлен, когда обнаружил широкую металлическую дверь, встроенную в кирпичную стену. Дверь, скорее всего, вела в подвал. Камера видеонаблюдения, установленная на стене, была направлена на вход в переулок.

Теперь не осталось никаких сомнений: это Генри, и он собирается войти в дом. Но зачем? И как он узнал о черном ходе?

Ключи от квартиры остались в отеле. Это шанс. Если, вернувшись, он застанет Генри в подвале, то сможет убить его там. Если Генри в подвале не окажется, то где его искать? Неважно где, но Корбин его найдет.

Запахавшись от быстрой ходьбы, Корбин вернулся в отель и достал ключи из внешнего кармана сумки, застегивающегося на молнию. В связке

было три ключа – от квартиры, от кладовки и от входных дверей, хотя он последним не пользовался, поскольку швейцар всегда был на месте и парадная дверь никогда не закрывалась. Теперь ему стало интересно, открывает ли этот же ключ заднюю дверь, ведущую в подвал. Придется проверить.

Перед выходом из отеля Корбин выпил залпом три небольших стакана воды и посмотрелся в зеркало. Короткие волосы и проросшие усики изменили его внешность, но только на первый взгляд. Он пристально посмотрел в свои глаза. В них был испуг, но в то же время и уверенность. Генри должен умереть, и он убьет его.

Глава 28

Вернувшись на Бери-стрит, 101, Корбин решил попробовать, подойдет ли ключ к замку задней двери. Сначала ключ застрял, но стоило немного его подергать, и он повернулся. Корбин открыл тяжелую дверь. Он оказался прав – бетонные ступеньки вели в хранилище. Он колебался, стоя перед лестницей, – прислушивался, нет ли кого в подвале. Самое худшее, что может случиться, – это если кто-нибудь из жильцов застанет его здесь именно сейчас, когда он уже почти настиг Генри. Постояв с минуту, он плотно натянул на голову капюшон и шагнул вниз – в помещение, откуда лился едкий белый свет флуоресцентных ламп. В подвале было не много мест, где можно спрятаться, – запертые каморки под одной стеной, бойлеры и цистерны с водой – под другой. Корбин прижался к стене и прокрался к цистернам. Там не было никого.

Он прошел через комнату к коридору, который вел к задней лестнице. Туфли стучали о пол, залитый бетоном, и он пожалел, что не переобулся в кроссовки. Он открыл дверь и заглянул в пустой коридор. Если Генри вошел в дом, он должен был подняться по одной из таких лестниц в какую-нибудь квартиру. Возможно, он отправился в квартиру Одри – злодея всегда тянет на место преступления. Он мог также подняться в апартаменты Корбина, чтобы следить за Кейт.

Корбин пошел вдоль коридора к лестнице, ведущей к его квартире. Он много раз спускался и поднимался этой узкой лестницей, но никогда не обращал внимания, что на площадках вкручены такие слабые лампочки. Он почти ничего не видел, приходилось обеими руками держаться за перила. Он приблизился к входу в свою квартиру и прижался ухом к двери, пытаясь хоть что-нибудь расслышать, но оттуда не доносилось ни звука. Он, честно говоря, не знал, что делать. Генри исчез. Если бы у него с самого начала были при себе ключи от квартиры, он пошел бы за Генри в подвал. А сейчас это что могло быть где угодно.

Корбин решил, что лучше всего вернуться в подвал, спрятаться за цистернами и надеяться, что Генри снова объявится.

Он уже почти собрался спускаться, как вдруг услышал какие-то звуки снизу. Он стоял неподвижно. Кажется, это были шаги – тихие, но уверенные. Кто-то поднимался по лестнице.

В панике Корбин вытащил свою связку, нащупывая ключ от квартиры. Он просунул ключ в замочную скважину и тихонечко, насколько это было

возможно, открыл дверь, шагнул в темную кухню и закрыл ее за собой.

Он стоял, стараясь не дышать, и прислушивался к звукам с лестницы, одновременно пытаясь сканировать обстановку в квартире. Его глаза приспособились к темноте, так что он мог видеть кухню в лунном свете. Какое-то время тишину ничто не нарушало, потом он услышал приближающиеся шаги по ту сторону двери, медленные и осторожные. Они остановились на площадке. Корбин схватил купленный садовый нож, большим пальцем вытащил лезвие. Оружие оказалось неадекватным – лезвие было острым, но слишком маленьким. Придется нанести идеальный удар, чтобы хотя бы ранить Генри. Медленно продвигаясь, не отводя глаз от очертания ручки двери, он отступил к ближайшей стойке, буквально прижавшись к ней. Скользнул левой рукой вдоль гранитной поверхности и нашел держатель с ножами. Нащупал нож с самой большой ручкой и вытащил его. Корбин запихнул сегодняшнюю неудачную покупку обратно в карман и переложил кухонный нож в правую руку.

Что же происходит по ту сторону двери?

Если это Генри и он по какой-то причине медлит, значит, Корбину тоже нужно ждать. Держа свободную руку на поверхности стойки, он медленно и тихо отступил назад еще, чтобы как-то укрыться в нише за холодильником. Он сосредоточился на своем дыхании, желая убедиться, что оно ровное и тихое.

Неожиданно он что-то услышал, но не из-за двери, а из квартиры. Шелест одежды, топот босых ног по деревянному полу. Кейт вдруг прошла мимо кухни в спальню. Если бы она вошла в комнату или просто повернулась, чтобы заглянуть сюда, она увидела бы его. Он не сдвинулся с места, продолжая прислушиваться. Звук сливного бачка, знакомое клацанье водопровода, открыли кран. Он быстро вышел из кухни и заскочил в большую гостиную, освещенную одной лампой. Переместился в самую темную часть комнаты и спрятался за шторами. Через несколько минут прошла Кейт, возвращаясь в комнату. Он только услышал ее шаги и никакого шороха джинсов. Должно быть, она переделалась в одежду, в которой спит.

Спустя пять минут он высунул нос из-за штор. Из кабинета доносились слабые звуки включенного телевизора. Сейчас он, по крайней мере, знал, где находится Кейт. Осталось одно – дождаться появления Генри. Он торчал в своем укрытии, внимательно прислушиваясь ко всему, что происходит в квартире. Прошел час, во всяком случае, ему так показалось. Корбин начал задумываться о бессмысленности происходящего. Что он вообще здесь делает и на что надеется? Он даже

начал сомневаться, действительно ли слышал что-то на лестнице, или просто показалось. Такие и подобные мысли крутились у него в голове, как вдруг мимо гостиной прошел Генри Вуд – просто и обыденно, как будто много лет проживал здесь. Корбин, оцепенев, наблюдал за ним, пальцы вцепились в нож и онемели от напряжения. Это был определенно Генри – короткая стрижка, окрашенные волосы, одет в темный средней длины френч с поднятым воротником. Он направлялся в кабинет.

Корбин присел на одно колено и стащил туфли. Почему он не сделал этого раньше?

В носках, стараясь не поскользнуться, он прошел через прихожую и оказался в кабинете. По телевизору показывали черно-белый фильм. Кейт спала под одеялом на кожаном диване. Никаких признаков Генри не наблюдалось. Он оглянулся на прихожую, бросил взгляд в гостиную. Генри, видимо, засел либо в одной из гостевых спален, либо во второй ванной, либо в постирочной. Кейт зашевелилась на диване и тихонечко засопела. Корбин вспомнил об укрытии в шкафу кабинета, тайном месте, которое отец соорудил сразу после покупки квартиры. Он должен разбудить Кейт и спрятать ее там. Таким образом, если он не сможет убить Генри или Генри убьет его самого, то по крайней мере Кейт будет в безопасности. Не так важно, что случится с ним, он примет все.

Теперь самое главное – уберечь Кейт.

Он присел около дивана с ее стороны, положил нож на пол, стянул с головы капюшон и зажал ей рот. Она проснулась и начала вырываться, тогда он другой рукой схватил ее за плечо, чтобы удержать. Он сообщил успокаивающим – хотелось бы верить – голосом, кто он такой.

– Ты *должна* доверять мне, – прошептал он, – иначе мы оба умрем. Понимаешь?

Кейт кивнула и, как показалось Корбину, начала его слушать. Он рассказал о тайной стене в шкафу – ее установил Делл-старший, чтобы спрятать золото после краха технологического пузыря^[42], – о том, как туда попасть, и что нужно оставаться в укрытии, пока он не придет за ней. Она, похоже, снова впала в истерику, но сопротивлялась уже меньше. Он продолжал убеждать ее, давая инструкции, что и как нужно сделать, и наконец почувствовал, что тело девушки немного расслабилось. Она кивнула, и он убрал руку от ее рта. Пряди волос, влажные от слез и слюны, веером раскинулись по подушке.

– Кто он? – спросила она. – Кто здесь?

Корбин сказал, что это не имеет значения и нужно лезть в шкаф. Она покорно последовала за ним. Ему показалось, что она сломлена. Отчаянно

хотелось прижать ее к себе, обнять и успокоить. Они же семья, хотя никогда и не знали друг друга. Он боролся со своими эмоциями, но непосредственно перед тем, как она шагнула в шкаф, сказал:

– Я спасу тебя. – В тот момент он верил в это.

Закрыв дверь шкафа, он подошел к дивану и поднял с пола кухонный нож. В телевизоре все еще мелькали черно-белые кадры фильма, звучала речь с британским акцентом. Какие-то мужчина и женщина на маскараде. Хорошо, что включен телевизор. Вероятно, Генри понятия не имеет, что в квартире есть кто-то еще кроме Кейт.

Корбин выглянул в прихожую, по очереди окинул взглядом все двери: ванная и постирочная заперты, но обе гостевые спальни приоткрыты – одна больше, другая меньше. Скорее всего, Генри вошел в одну из этих спален. Корбин крался вдоль прихожей по персидской ковровой дорожке и уже собирался заглянуть в первую комнату, как вдруг заметил краем глаза движение в гостиной. Он обернулся. Там стоял Генри и смотрел на него. Света от единственной лампы было достаточно, чтобы прочесть удивление на его лице. Может быть, даже крайнее изумление.

Корбин прижал лезвие ножа к джинсам, чтобы не показывать раньше времени, и направился прямо к незваному гостю.

– Явился, – ухмыльнулся Генри, и из-под верхней губы показались белые клыки.

– Что ты здесь делаешь, Генри? – спросил Корбин, и его голос был спокойным, чего не скажешь о его внутреннем состоянии.

– Я здесь ради тебя, дружище. Ты же не думаешь...

Корбин не собирался мило беседовать с бывшим другом – нужно было немедленно действовать. Он шагнул вперед и сделал выпад ножом, но не хватило умения. Генри быстро втянул живот, выгнул плечи – так часто делают дети во время игры в салки. Корбин потерял равновесие, Генри бросился на него, и оба свалились на пол. У Корбина перехватило дыхание. Генри прижал к полу его руку и попытался выкрутить нож, но только порезал себе ладонь. Он зашипел от боли, и Корбин, который уже снова мог дышать, завалил Генри на спину. Нож при этом он не выпустил. Корбин ударил наугад, загнав лезвие в пол в миллиметре от щеки противника. Зрачки Генри расширились от выброса адреналина, хотя Корбин надеялся, что от страха. Он начал вытаскивать нож из твердой древесины, но рука, влажная от пота, соскользнула с рукоятки. От неловкого движения он немного качнулся назад и, потеряв равновесие, уперся левой ладонью в пол. Нож завибрировал. Генри быстро вскочил на ноги, схватился за рукоятку и, выдернув лезвие из пола, нанес удар. Все,

что успел сделать Корбин, – это выставить вперед правую руку и пытаться отбиваться ногами. Но этого было недостаточно. Нож попал в шею.

Корбин упал на спину, инстинктивно зажав обеими руками рану. Теплая кровь сочилась между пальцами. Он слышал то ли скрежетание, то ли царапанье по полу, но не мог поднять голову. Он уставился на кессонные потолки, и чувства начали постепенно покидать его. Перед глазами все поплыло, и вдруг он увидел Кейт, склонившуюся над ним.

– *Ты немного похожа на моего отца,* – сказал Корбин, но слышалось только бульканье крови в горле. – *У тебя такие же глаза.*

Глава 29

Алан проснулся от брнчания будильника над ухом. Он осторожно повернул голову. Десять тридцать. Он сходу и не сообразил, день сейчас или ночь, но потом увидел, что на улице темно. Он стукнул будильник и снова закрыл глаза. В висках стучало, словно череп сдавливали тисками.

Будильник снова зазвонил. На этот раз он поднялся. Осмотрелся. Нет, будильник молчал. Это звонок домофона. Он вскочил с кровати, удивился, что спал одетым, и неверной походкой пошел через гостиную к двери. «*Кейт*», – подумал он. В голове всплывали фрагменты вечера: Джек, длинный бессвязный монолог о предыдущих убийствах Корбина, прогулка пешком по Бостону, ирландский паб, все остальное – в тумане. Тем не менее он вспомнил, что заходил к Кейт. Они повздорили, она выглядела напуганной. Это было на кухне, как ему показалось, но он не мог сообразить, как туда попал и как вернулся в свою квартиру.

Он снял трубку домофона.

– Они идут к вам, – слышался в динамике голос швейцара.

– Кто?

– Полицейские. Они показали ордер.

Громкий стук в дверь. На Алана накатила тошнота, но он нашел в себе силы открыть.

– Алан Черни? – строго спросила женщина-полицейский, которую он видел раньше. За ней стояли двое мужчин в форме, оба меньше ее ростом, и еще одна женщина в штатском, похожая на стажера, приехавшего за компанию.

– Да.

– Я детектив Роберта Джеймс, а это агент Абигейл Тан из Федерального бюро расследований, и у нас есть ордер на обыск. – Она вручила Алану лист бумаги, который выглядел так, словно его сгибали и разгибали много раз.

– Пожалуйста, – согласился Алан и отступил, чтобы впустить всех в квартиру. – Это как-то связано с Одри Маршалл?

– Да, так и есть, – подтвердила агент. Голос был такой же молодой, как и она сама. Она вытянула две пары латексных перчаток из кармана жакета и вручила полицейским. – Что вы можете сказать об отношениях с погибшей?

Алан быстро помотал головой, осознавая, что ему сложно выдержать

пристальный взгляд. Он почувствовал очередной приступ тошноты.

– Извините, – икнул он и умчался в ванную.

Едва успев закрыть за собой дверь, он стал перед унитазом на колени и блевал, пока не стала идти желчь. Освободив желудок, он умылся и почистил зубы. Посмотрел на себя в зеркало. Воспаленные глаза, мокрые от слез нижние веки, лицо бледнее мела. Он вытер слезы и почувствовал, как холодеет от ужаса – не потому, что полиция обыскивает его квартиру, а потому, что понял – что-то случилось.

Он слышал полицейскую рацию в гостиной. Что они ищут? Он полез в аптечку за ибупрофеном, случайно схватил таблетки от аллергии и положил их обратно на полку – в голове вдруг вспыхнуло изображение покрасневших расчесов на руке Джека, которые он видел вчера в баре. Тот еще сказал, что его донимает весенняя аллергическая сыпь. Только это не было похоже на сыпь, и Алан вдруг догадался, откуда на руке Джека красные полосы. От этой догадки у него закружилась голова, нахлынуло чувство опасности, и в сердце вонзилась тревога за Кейт. Он точно не знал почему. Просто ощущение, но такое же реальное, как дождь или ветер за окном.

Он вышел из ванной и направился в гостиную – навстречу торопливо шагала агент ФБР, на ходу снимая перчатки. За ее спиной, на кухне, другой полицейский собирал и упаковывал кухонные ножи. Алан начал говорить, хотя и не вполне был уверен, что сейчас самое лучшее время для этого. Он замолчал, когда увидел, как агент достает из пиджака наручники.

– Алан Черни, – сказала Абигейл Тан, при этом взгляд ее был пустым. – Вы задержаны по подозрению в убийстве Одри Маршалл...

Надевая ему наручники, она зачитала его права.

Часть 2. Поровну

Глава 30

Дружба – как хотите, так и называйте – с Корбином Деллом была особенной. Генри Вуду впервые в жизни показалось, что он познал чувства нормальных людей – когда они влюбляются, нежно смотрят на родителей или приносят щенка в дом. Затем дружба кончилась – Корбин отказался от него после того, как они вдвоем убили то ничтожество по имени Линда Алчери. Генри почувствовал глубокую боль. И это был новый волнительный опыт. Не просто боль, а потрясение. Что ни говори, а ведь именно он, Генри, познакомил Корбина с новым, гораздо лучшим миром. Он перенес его из Канзаса в волшебную Страну Оз^[43], а Корбин по какой-то причине захотел вернуться в Канзас.

Неужели Корбин не понял: то, что случилось на Боддингтонском кладбище, прекрасно? А картина происшествия у пруда Ил-ривер вообще достойна кисти художника.

Именно так размышлял Генри, особо зацкливаясь на лондонском периоде, связанном с Клер Бреннан. В какие-то моменты воспоминания сопровождалось чувством острой тоски, но в целом он уже тогда постиг эту неправдоподобную красоту. В тот короткий промежуток времени, когда Генри оставался в Лондоне после убийства, а потом все невероятное лето в Нью-Йорке мир был насыщен новыми красками. Каждую ночь, засыпая, он проигрывал все мелочи, все детали яркого приключения, которое довелось пережить Корбину, Клер и ему самому в ту дождливую среду. Это был импульсивный танец, в котором каждый участник импровизировал. Именно так он вспоминал об этом. Смерть Клер стала кульминационным моментом, а ее пролитая кровь была поделена четко поровну между ним и Корбином. А дождь только добавил красивых мазков в живописную картину, смывая кровь, очищая воздух.

Время от времени Генри изменял изображение, немного поправляя, совершенствуя, как настоящий художник. Прокручивая в голове прекрасное кино, всегда отбрасывал тот неуклюжий момент, когда он поскользнулся на мокрой земле и упал на одно колено, а нож вылетел из руки. Он также убирал из воспоминаний длительное рытье могилы и панику Корбина, который опасался, что кто-то может пройти мимо. Иногда он позволял себе добавлять какие-то события – например, придумывал, как они разрезают тело Клер перед тем, как похоронить. *«Одна половина для Корбина, а другая для меня, – рассуждал Генри. – Поровну».* Таким образом они бы

увековечили причину смерти Клер. Она умерла, разделив свою любовь на двоих, за что и поплатилась. Одновременно это было бы напоминанием и о том, что произошло между Генри и Корбином.

Конечно, после случая с Линдой Алчери до Генри дошло, что Корбин ничего не понял и никогда по-настоящему не поймет. Разрезание Линды было подарком для Корбина, а он не оценил.

Тем не менее, когда Корбин сказал по телефону, что их дружбе пришел конец, Генри был потрясен.

А затем разозлился.

О чем он только думал, этот кретин Корбин? Надеялся, что после всего, что они вместе сотворили, можно просто взять и прекратить? Он что, собирается возвращаться к нормальной жизни? Хочет жениться? Родить детей? Неужели он думает, что сможет стать счастливым в Канзасе, жить в мире, лишенном цветов? Генри решил, что позаботится о друге, не даст ему сойти с пути истинного. Нет, мир не так работает. Корбин такой же, как и он. Он может притворяться другим, но против фактов не попрешь, и Генри проследит, чтобы Корбин никогда не забывал об этом.

Генри Вуд стал Генри Торренсом – посредником, специализирующимся на деловых спорах, в Сент-Луисе в штате Миссури. Это была легкая работа. Простых способов манипулировать людьми очень много, особенно когда они устали от конфликта. Особенно когда они глупы. Он познакомился с Кейли Бюхер, чем-то напоминавшей ему Клер – внешним видом, движениями и непристойным взглядом. Он пригласил ее на ужин, и она весь вечер рассказывала со скверным акцентом Среднего Запада, как стала первой в семье, кто поступил в университет. А ее родители не оценили этого и только интересовались, почему она еще не замужем. Он никогда ей не перезванивал, но преследовал ее полгода. Она жила в арендованном многоквартирном доме на Уэбстер-гроувз. Он следил за ней, выучил ее расписание. Он купил набор отмычек, научился пользоваться ими и забирался к ней в дом, когда заблагорассудится. Ему нравилось переставлять ее вещи, плевать в ее тарелки, читать ее плаксивый дневник («Привет в будущее!»). Однажды днем она вернулась домой раньше обычного, и не одна, а с мужчиной из своего офиса. Генри спрятался в спальне в шкафу и слушал, как они занимались сексом. После этого мужчина долго ныл, что он женат и раньше никогда не изменял жене. По крайней мере, так он сказал. Когда он ушел, Кейли позвонила подруге и начала пересказывать все события. Потом она позвонила в офис, чтобы сказать, что у нее мигрень и она сегодня не вернется на работу. Генри торчал в ее доме весь вечер и полночи. Ушел в три часа, постояв перед

уходом над кроватью Кейли, наблюдая, как она спит.

Пребывание в доме с Кейли породило в нем лучшие чувства, каких он не испытывал с тех пор, как проводил время с Корбином.

Он приходил в любую свободную минуту. Изучил каждый укромный уголок в большом голландском доме в колониальном стиле, запомнил каждый скрип доски на полу и несмазанных дверных петель. Он обнаружил, что может легко гулять по дому и в присутствии Кейли. И только один раз она чуть было не засекла его. Он находился в ванной внизу, которой девушка никогда не пользовалась. Она вернулась домой с вечеринки и сразу же понеслась в ванную пописать. Генри заскочил в душевую кабинку, но не успел до конца задернуть шторку. Кейли сидела на унитазе, опорожняя мочевой пузырь, и если бы подняла глаза и посмотрела в зеркало, то увидела бы лицо Генри за шторкой душевой кабинки. Но она не отрывала глаз от своего телефона. Это ее и спасло. Она прочитала какое-то сообщение и неожиданно рассмеялась, а потом заплакала.

В один прекрасный день владельцы выставили дом на продажу – как раз взлетели цены на недвижимость, – и Кейли решила вернуться в город. В последнюю ночь, пока она спала наверху, Генри, сидя в гостиной, вытащил карту из колоды. Красная – убьет ее прямо в постели, черная – пусть живет. Семерка треф. Перед тем как уйти, Генри взял ножницы, разрезал пополам все фотографии Кейли Бюхер, которые только смог найти, и поместил их обратно в рамку либо склеил скотчем, прицепив обратно на холодильник. Напоследок он украл репродукцию портрета Мао работы Энди Уорхола^[44], собственноручно подписанную автором. Вероятно, она стоила десятки тысяч долларов.

С Кейли было весело, но как-то одиноко. Хотя он и усовершенствовал ее фотографии, она никогда не узнает, кого нужно благодарить. Это останется тайной ее жизни.

Генри решил, что пора отыскать Корбина. Пришло время мести.

Это не составляло труда. На сайте «ЛинкдИн»^[45] он вычитал, что после нескольких лет в Нью-Йорке Корбин переехал обратно в Бостон и устроился на работу в головном офисе «Браяр-Крэйн». Летом Генри взял отпуск и полетел в Бостон, чтобы найти бывшего друга. Он тайно обследовал небольшие офисы «Браяр-Крэйн» в районе Саут-Энд и выяснил, что Корбина нет ни в одном из них. Генри оставил фэйковую визитку болтливому портюе и узнал, что Корбин большую часть августа провел в Норт-Шоре со своей семьей. Генри взял напрокат машину, поехал на север и остановился в единственном мотеле Нью-Эссекса, где нашелся

свободный номер. Он неделю следил за Корбином и его красивой темноволосой подружкой. Загорелый мускулистый Корбин каждое утро бегал на пляж. Он, казалось, был искренне счастлив со своей аборигенкой, которую здесь подцепил. Генри узнал ее имя. Рейчел Чесс. У нее были длинные темные волосы, как у Клер Бреннан, и она всегда улыбалась в присутствии Корбина, клала руки ему на плечи, обвивала ногами его талию в океане. Генри фантазировал, как эти ноги каждую ночь обвивают его. Она даже не подозревала, что ее золотой божок однажды колотил девушку головой о землю, пока она не потеряла сознание. Генри так рассвирепел, что готов был растерзать Корбина, забраться ночью в его спальню и перерезать ему горло, а потом смотреть ему в глаза, пока он истекает кровью. Но нет, это слишком легкая смерть. Он решил, что сначала нужно развлечься.

У Рейчел Чесс была активная учетная запись в «Фейсбуке», и, когда Генри узнал, что она возвращается в Нью-Эссекс на День Колумба, он тоже прилетел. Корбина рядом не было, и это упрощало дело. Ему удалось пересечься с Рейчел в пляжном баре «Ржавый порт». Как и следовало ожидать, она оказалась чванливой сучкой и отказалась от предложения угостить ее выпивкой. Он покинул бар, сел в арендованную машину и стал ждать. Она вышла уже перед закрытием. На парковке какой-то парень настойчиво пытался поцеловать ее, а она упорно отталкивала его. Бедняга наконец отстал от нее и уехал на пикапе, в котором давно пора было поменять глушитель. Она пошла на пляж. Генри вытащил из багажника рюкзак. Там лежал новый филейный нож, который он прикупил накануне в «Уолмарте»^[46], – достаточно острый. Он разделает ее тело таким образом, чтобы у Корбина не осталось никаких сомнений относительно того, кто прикончил его подружку.

Через год – пожалуй, скорее от скуки – Генри переехал в Бостон, открыл офис в Ньютонвилле и снял меблированную комнату в центре города. Через дорогу от того места, где работал Корбин, была кофейня, и иногда Генри сидел там и ждал, когда появится его дружок. Это почти всегда происходило в шесть тридцать утра. После работы Корбин часто ходил в ближайший спортзал; иногда сразу отправлялся домой. Но он ни с кем не встречался, с женщиной так уж точно. К тому моменту он знал, какие будут последствия. Он знал, что произошло с Рейчел Чесс.

Генри было интересно, что сейчас думает о нем Корбин, какие чувства испытывает по отношению к нему. Чистую ненависть и страх или, может, что-то вроде восхищения? Ревнует ли он? Или, вероятно, о чем-то сожалеет?

Когда Корбин был на работе, Генри иногда проникал в его просторные апартаменты через заднюю дверь, поднимаясь по черной лестнице. Он проделывал это не часто – опасался, что кто-то заметит, как он входит через заднюю дверь, хотя вообще-то еще ни разу никого не видел в подвале. Там были только чуланы и больше ничего. Иногда он встречал кота, который бродил за Генри по темной узкой лестнице и жалобно мяукал. Не похоже, что это животное Корбина. В квартире не было никаких признаков проживания кошки – ни кошачьего туалета, ни миски для еды. Иногда Генри представлял, как сворачивает коту шею, выпускает кишки и разбрасывает по персидскому ковру Корбина. Но не стал этого делать. Генри не был готов продемонстрировать Корбину, насколько близко подобрался к нему, и просто наслаждался временем, проводимым в его квартире.

Однажды он обнаружил, что у Корбина есть тайные отношения. Это был четверг. Развалившись на диване, он пил водку «Бельведер», как вдруг услышал стук в дверь. Генри бесшумно метнулся в прихожую, посмотрел в глазок. За дверью стояла блондиночка, которая показалась ему знакомой. Он услышал, как в замке проворачивается ключ, и помчался в направлении главной спальни, но не успел пересечь прихожую, как дверь начала открываться. Он не паниковал; он так много времени проводил с Кейли у нее дома, когда та и не знала, что он рядом. Он нырнул на кухню и спрятался в дальнем уголке возле холодильника, прислушиваясь к шорохам. Генри так ничего и не услышал, пока не хлопнула входная дверь. Он медленно вышел из своего убежища и вернулся в гостиную. Под его стаканом водки на кофейном столике лежала записка. Почерк уверенный, петлеобразный:

Дорогой Корб,

Воспользовалась своим ключом и вторглась в твои апартаменты. У меня разыгралась мигрень, а твои таблетки самые лучшие. Я никуда не совалась, честно. Сегодня не приходи, буду в постели с затычками в ушах, но, может, я и появлюсь, если голова утихнет. Как же давно мы не виделись!

Одри

У Корбина есть подруга. Девчонка для траха, не иначе. Генри вспомнил, где видел девушку. Она живет в этом же доме, блондинка с холодным взглядом и мужской прической, всегда таскает с собой сумку,

похоже набитую книгами. Бегают туда-сюда. Совсем не тип Корбина. И Клер, и Рейчел имели темные волосы и плавные аппетитные формы. Эта же была плоскозадой – непонятно, откуда ноги растут. И выглядела такой худой, словно ее сейчас ветром сдует. Тем не менее у них интрижка. Несложно будет узнать ее имя, где живет и насколько серьезно у нее с Корбином.

Генри почувствовал огромное облегчение – он уже предвкушал дальнейшие события. Корбин, может, и перестал делиться с ним сокровенным, но для Генри это не препятствие.

Глава 31

Ее звали Одри Маршалл. Она работала в издательстве. Переехала в Бостон из Нью-Йорка и жила по соседству с Корбином Деллом.

Генри получил все нужные сведения с помощью гугловского поисковика, притащив перед этим в вестибюль дома кипу рекламных листовок об услугах разнорабочих. Швейцар взял у него рекламки, пообещав вложить их в почтовые ящики жильцов. Генри сделал вид, что сомневается.

– Можно не класть в ящик Одри... Одри... – Он щелкнул пальцами, как будто пытался вспомнить.

– Одри Маршалл, – подсказал швейцар с сонными глазами.

– Да-да, ей не нужно. У нее есть уже такая. Я недавно красил ей стены. Привратник посмотрел с недоумением:

– Когда?

– Полагаю, несколько месяцев назад, – буркнул Генри и прошмыгнул к выходу.

Время от времени он следил за Одри. Она работала в непривычное время – иногда не появлялась в офисе до обеда или засиживалась там до полуночи. В будни она часто оставалась дома. Генри нервничал из-за ее беспорядочного графика: он никак не мог пробраться в ее квартиру, а ему до боли хотелось. Так продолжалось довольно долго, пока однажды утром она не вышла из дома с большим чемоданом. У тротуара ее ожидало такси, и Генри понял, что это шанс. Той же ночью он пробрался в квартиру через черный ход. На ее задней двери стоял цилиндрический замок на пять штифтов, и ему пришлось изрядно с ним повозиться, но в конце концов он справился. Свет не включал. Подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и начал экскурсию по скудно меблированному жилищу, гораздо меньшему, чем у Корбина, но достаточно большому как для городской квартиры. В гостиной повсюду лежали книги, кипы бумаг на полу – получился эдакий бумажный пейзаж. Шторы гостиной были открыты, поэтому Генри пошел в зашторенную спальню. Он достал фонарик и начал рыться в ее вещах. В ящичке возле кровати нашел то, что искал, – блокнот в красной кожаной обложке, перетянутый резинкой. Он снял резинку и начал листать. Это был дневник, исписанный страничка за страничкой петлеобразным почерком, который Генри уже видел в записке для Корбина. Он сел на краешек кровати и начал читать. Она проставляла даты над записями, которые редко

были длиннее двух-трех предложений. Довольно скучно – прочитанные книги, телефонные звонки нуждающейся сестре. Но потом начались упоминания о Корбине, и стало немного интереснее. Первая запись о нем была сделана несколькими месяцами ранее, в январе:

Секси-сосед заглянул на ужин. Никак не могу раскусить его. Это как смотреть на пустой лист, на абсолютно пустой лист. Выпили две бутылки вина, и он вроде собирался приступить к действиям, но вдруг выскочил за дверь, словно я шарахнула его электрошокером.

Потом упоминания стали появляться все чаще, каждые несколько дней.

Провела ночь с Секси-соседом в его огромной квартире. Немного странный, но милый. Толкнул речь, что не ищет отношений.

Наконец рассказала Керри о своем Секси-соседе. Она задала, естественно, массу вопросов, на которые я не нашла ответов. Я сказала, что он просто хочет с кем-то спать, но не торопится заводить девушку. «Потому что у него уже есть», – парировала Керри. Я рассмеялась, хотя и сама размышляла об этом сотню раз. Не похоже, что у него кто-то есть. Думаю, все намного сложнее.

Как бы там ни было, мы с СС определенно состоим в отношениях. Только мне непонятен характер этих отношений. Секс отличный, и я испытываю к нему чувства. Он относится ко мне так же или прикидывается? Хоть убей, не могу понять, почему мы не можем себе позволить прогуляться вместе.

Придется порвать с СС, и как можно скорее. Если бы мы были просто партнерами по сексу – это одно, но я знаю, что между нами существует нечто большее. А он не хочет поделиться, что за мысли бродят у него в голове. Нужно покончить с этим немедленно, дальше будет больнее. На днях мы обменялись ключами – больше как соседи, но все-таки хоть как-то похоже на отношения. Корбин, если ты в моей квартире и читаешь это, то пошел к черту, и перестань вытворять всякие штучки своим бесстыжим языком у меня в ухе. Это гадко.

СС подавлен. С ним происходит что-то серьезное. Если он не хочет

говорить со мной, значит, нужно покончить с этим.

Все кончено. Он пришел и начал обвинять меня – я даже не поняла, за что. Говорил что-то о нашей паре. О каком-то соседе! Подозреваю, что у него реальные проблемы с головой. Лучше с ним порвать.

Корб едет в Лондон на шесть месяцев, а в его квартиру переезжает троюродная сестра. Я счастлива. Почему бы и нет? Если бы только он не выглядел таким грустным, когда говорил об этом.

Это было последнее упоминание о нем. Датировано неделей ранее. Генри был потрясен. Корбин едет в Лондон. Как такое могло произойти? Новость не на шутку разозлила его. Лондон был их местом, а теперь он возвращается туда один, словно ничего важного там не произошло. Как будто это просто другой город.

На следующий день Генри пробрался в квартиру Корбина и нашел на столе папку с документами на поездку и копии рабочей визы на время пребывания в Лондоне. Он уедет через неделю, в четверг, вечерним рейсом. Генри принял простое решение – в тот самый четверг он проберется к Одри и, если она окажется в квартире, убьет ее.

Пришло время натянуть Корбина по-настоящему, показать ему, кто в доме хозяин.

Всю следующую неделю Генри держался подальше от Бикон-Хилл и Бери-стрит. Он не хотел испытывать судьбу, проводя много времени в том районе. Кто-то да заметит. В те дни он закончил дело одной кембриджской некоммерческой организации, внутри которой образовалась группа желающих отпочковаться и создать собственное предприятие. Он также занимался новым клиентом, небольшой юридической фирмой из Уолтема, – решал служебный спор, а в прошлые выходные пригласил на ужин старшего помощника организации, симпатичную блондинку. Это была скучная встреча в ужасном ресторане, так что Генри развлекал себя сам, рассказывая ей длинную придуманную историю о деле, в котором фигурировала известная телеведущая. У собеседницы загорелись глаза, она верила каждому слову, и увлекательный рассказ о непотребном поведении актрисы почти спас вечер.

В четверг он упаковал в рюкзак свои любимые инструменты, натянул на голову плотную синтетическую лыжную шапку, надел перчатки и, приехав на Бери-стрит, решил немного пройтись. Это был прекрасный весенний вечер, в воздухе ощущался запах дождя и цветущих деревьев, и

Генри казалось, что мышцы поют в унисон с природой. В нем столько силы и ловкости, что он мог бы не только убить Одри Маршалл, но и разорвать ее собственными руками.

Но все пошло не так.

Когда он вошел через заднюю дверь, Одри, должно быть, услышала шаги.

– Корбин? – нервно спросила она, заходя на кухню. Генри схватил ее сзади и вонзил нож в шею раньше, чем она успела что-либо сказать. Девушка повалилась на пол, и струя крови из артерии хлынула на стойку, шкафы и потолок.

Только ранним утром он покинул квартиру тем же путем, которым и попал сюда. Он выложил ее тело так, как хотел. Перерезал посередине. *«Половина для Корбина и половина для меня»*. Это была грязная тяжелая работа, и его вдруг накрыло волной одиночества, даже дыхание перехватило.

Ранним утром, закончив работу над телом, он пошел пешком домой, и ему стало легче. Нет никаких сомнений, что Корбин попадет под подозрение, и если все свалят на него, то не ошибутся, не правда ли? Корбин тоже виновен в смерти Одри Маршалл. Так же как и в смерти Рейчел Чесс. Все поровну. Всегда и навеки.

Генри добрался домой как раз тогда, когда восходящее солнце начало освещать небо. На дорогах и тротуарах стелилась дымка тумана. В Лондоне, наверное, сейчас светло – все-таки полдень. Сколько времени пройдет, прежде чем Корбин узнает, что произошло с Одри, прежде чем он поймет, что Генри по-прежнему присутствует в его жизни и останется с ним навсегда?

Только в субботу Генри впервые прочитал об убийстве – сообщение появилось на сайте «Глоуб».

С тех пор он слегка призадумался. Он был почти уверен, что Корбин станет одним из подозреваемых: начать хотя бы с того, что полиция прочитает дневник Одри. Но Генри хотел убедиться, что это точно произошло. Он хотел, чтобы имя Корбина было крепко втянуто в это дело. В идеале Корбина должны арестовать. Его красивое лицо взорвет интернет – стильный белокурый убийца невинных девушек.

Вопрос в том, достаточно ли будет дневника, чтобы Корбин наверняка попал в список подозреваемых? Пожалуй, да, но нужно кое-что еще. И если Генри собирается играть в эту игру, он должен действовать. Нужно внушить окружающим идею, что в Корбине Делле есть что-то

подозрительное, и он обдумывал, как бы проверить дельце.

На следующий день в полдень он пошел на Бери-стрит, 101 и стал околачиваться на улице, высматривая выходящих из дома жильцов. Генри чувствовал себя недостижимым. Он придумал легенду, что является скорбящим другом Одри, а может, и тайным воздыхателем. Из дома вышел мужчина в шерстяном пиджаке и джинсах не по размеру. Он остановился во дворе, выбрал музыку в телефоне, вставил в уши наушники, завязал шнурки и отправился вниз по улице, кажется на прогулку. Он и не взглянул в направлении Генри.

Следующей была девушка в стильном черно-белом жакете. Она выглядела встревоженной, словно пыталась сбежать от кого-то. Когда она приблизилась, Генри почувствовал, как у него в груди что-то щелкнуло. Девушка была похожа на Корбина, не разительно, но вполне достаточно, чтобы предположить, что она, возможно, его кузина. Перед тем как перейти через дорогу, она машинально посмотрела сначала направо, а потом только сообразила, что машины едут слева. Должно быть, действительно кузина из Англии. Он остановил ее, рассказал лживую историю о дружбе с Одри и попытках получить информацию. Она все время пыталась закончить разговор и улизнуть, но он не собирался ее отпускать. С ней что-то произошло. Она надломлена, и этот факт показался Генри куда более заманчивым, чем ее милое телосложение и пухлые губки.

Он пошел с ней до Чарльз-стрит, продолжая притворяться другом Одри, который понес тяжелую утрату. Надел очки для чтения – в них он казался более чувственным и ранимым – и даже умудрился выдавить из себя пару слезинок. Перед тем как попрощаться, он поведал Кейт, якобы ссылаясь на рассказы Одри, как странно вел себя Корбин. Потом он намеренно уточнил у Кейт, когда кузен улетел в Лондон. Он знал, что достаточно бросить наживку. От него не утаилось, как она нервно теребила пальцы. Вероятно, она сделает одно из двух: либо свяжется с полицией и расскажет о разговоре, либо сообщит Корбину. Так или иначе, Генри просигналил, что в этом деле все не так просто. Она была обычным пугливым животным и уже начала тревожиться.

Он вернулся в свою квартиру, не переставая думать о Кейт: ему понравилось с ней общаться. Хотелось бы пожить с ней в квартире, особенно если она не будет знать, что он рядом. Он достал с книжной полки в спальне экземпляр «Монетарной истории Соединенных Штатов» со скрытой полостью. В ней хранились его свидетельство о рождении, справка о смене имени на Генри Торренс, локон волос Дженни Гулли (первой разочаровавшей его девушки, давным-давно, еще в средней школе)

и полароидное фото, на котором Корбин стоит над мертвым телом Клер Бреннан. Конечно же, это их страховка, поскольку у Корбина имеется похожий снимок с Генри в главной роли. Однако Генри всегда думал, что это нечто большее. Соглашение. Обещание. Ему было интересно, где Корбин хранит свое фото. Вероятно, в банковской ячейке. Генри, в принципе, тоже следовало спрятать его подальше, но ему нравилось, когда оно поблизости, – в любой момент можно вытащить и долго рассматривать.

Он расхаживал по квартире с этой карточкой в руке. Он ненавидел находиться в доме один. Ненавидел с того времени, как побывал у Одри Маршалл. Внезапно он понял, что делать дальше: открыл электронную почту и отменил завтрашнюю встречу с представителями семейного адвокатского бюро в Уолтеме. Затем сложил в рюкзак все самое необходимое. Он собирался переехать к Кейт.

Глава 32

Генри шел через парк. Смеркалось. Перед этим прошел дождь, и на аллее блестели лужи, а с деревьев падали капли воды. Он перешел Бикон-стрит, миновал один квартал по Чарльз-стрит и добрался до Бери-стрит. Повернул за угол и увидел Кейт – она шла прямо на него. Он наклонил голову и продолжал идти. Она даже не взглянула на него. Ее стеклянные глаза говорили о том, что она полностью погружена в свои мысли. Сначала у него был порыв последовать за ней, просто из любопытства, но, подумав хорошенько, он решил воспользоваться прекрасной возможностью, которую она ему, сама того не желая, предоставила. Он рванул, как ретивый конь, едва не столкнувшись с мужчиной своего возраста, спешившим куда-то. Они извинились друг перед другом, и Генри заметил суровый взгляд черных глаз.

Он прошагал мимо дома, прошел через две аллеи, которые привели его к заднему входу. В подвале, как обычно, ни одной живой души. Обувь Генри была мокрой и грязной, на полу остались следы. Он нашел задубевшую тряпку за цистерной с водой и вытер сначала туфли, а затем следы. Он не торопился – жильцы редко навещают чулан. Зачем им нужны эти комнатенки, когда у них огромные квартиры? На некоторых каморках даже не было замков – наверное, ими и не пользовались. На чулане Корбина под номером 3D была хлипкая дверь и висячий замок из нержавеющей стали. А что, если Корбин хранит здесь фотографию, на которой запечатлен Генри с телом Клер? Он решил заглянуть сюда, когда выпадет возможность. Замок он откроет с легкостью.

Генри вошел в темную квартиру Корбина, точнее, Кейт, поскольку сейчас она здесь хозяйка. Снял на кухне туфли, замотал их в пластиковый пакет, который взял с собой, и положил в рюкзак. Он хорошо изучил квартиру и уже заранее решил, что удобнее всего скрываться в северной гостевой комнате, которая чуть больше остальных. Там стоял отличный довольно глубокий шкаф; с одной стороны были полочки с бельем и полотенцами, а с другой – небольшое пустое углубление. В пластиковых пакетах на поперечине висели два костюма, и если их правильно повесить, можно стоять в этом углублении до тех пор, пока не будут сдвинуты костюмы.

На полу в гостевой спальне лежал огромный ворсистый ковер бежевого цвета с рисунком из геральдических лилий. Под кроватью с

балдахинном имелось пространство больше полуметра высотой. Генри подумал, что под кроватью было бы вполне комфортно спать. Он спрятал рюкзак в шкаф и прошелся по квартире, автоматически отмечая места, где можно быстро спрятаться – за шторами, в кладовой. Впрочем, он не особо беспокоился об этом.

Он вошел в неприлично большую спальню Корбина и начал рассматривать фотографии на низком комод, хотя уже видел их прежде. На многих Корбин запечатлен в юные годы, а на некоторых – в студенческом возрасте, том самом, когда Генри впервые с ним встретился. Это были фотоснимки членов высшего общества, выполненные в несколько ироничной манере. Катера, большие дома и их загорелые светловолосые обитатели с джин-тоникум в руках. На лицах – удивленное выражение богатых людей, которым не с руки искренне улыбаться в камеру.

Просмотрев фотографии, Генри отыскал спальню, в которой расположилась Кейт. Она практически не распаковывала вещи. Расставила в ванной косметику, а большая сумка так и осталась стоять на ковре, некоторые вещички прямо выпирали наружу. Простыня и одеяло были брошены на кровать, но ни заправлены, ни расправлены. Генри прижался лицом к простыне и глубоко вдохнул. Она пахла моющим средством и ничем больше. Он припал к полу, чтобы заглянуть под кровать: всего-то сантиметров сорок в высоту. Если придется, то можно и забраться, хотя там будет не слишком комфортно.

Под кроватью валялся альбом в черной обложке из кожзама. Генри открыл первую страницу – мужской портрет, выполненный углем, отлично воспроизведенное лицо мужчины, с которым Генри столкнулся на Беристрит. Кто он и почему Кейт – это, должно быть, ее альбом – нарисовала его? Он перевернул страницу. Дальше была сама Кейт, потрясающе реальная, ее беспокойные глаза смотрели прямо на Генри, как будто она видела его. На следующей странице красовался его портрет, а снизу имя – ДЖЕК ЛЮДОВИКО (правильно написала) и сегодняшняя дата. Неплохой рисунок, он загипнотизировал Генри, как будто заставил посмотреть на себя чужими глазами. Она изобразила его с опущенной головой, в глазах за линзами очков чувствовалась грусть. Точно так, как он и хотел выглядеть, и она это четко уловила. Он был горд собой, как и всегда, когда кто-то верил в его придуманный образ.

Он задумался: любопытно, Кейт рисовала каждого, кого встречала, или только тех людей, которые ее заинтересовали, чем-то поразили? И кто этот сосед с первого листа, чей портрет она подписала АЛАН ЧЕРНИ, и почему он шел за ней в тот вечер? Он что, следил за ней?

Почти неосознанно Генри послунывил кончик пальца и поднес его к рисунку. Ему позарез хотелось размазать глаза на рисунке, как-то его изменить, что, возможно, посеет панику в душе Кейт, когда она снова заглянет в альбом. Чего он по-настоящему хотел, так это полностью убрать глаза. Он вспомнил журналы «Тайгер бит», которые собирала его сестра Мэри, и как он методично закрашивал глаза мальчикам из ее любимых групп, превращая «Хэнсон бразерс» в безглазых зомби. Иногда он брал красную ручку и дорисовывал кровь, текущую из их глаз и ртов. Когда он проделал это со школьным альбомом сестры, мать повела его к психиатру – единственному в Старке (штат Нью-Йорк). Толстая дамочка средних лет по имени Нэнси была настолько тупа, что Генри без труда убедил ее, будто сестра его мучает, а он всего лишь вынужден защищаться. Тогда ему было восемь лет. Сестре – двенадцать. Психиатр, должно быть, внушила матери, что проблемы у дочери, а не у сына, потому что Генри больше не таскали к Нэнси, а сестра начала посещать ее регулярно. Генри прекратил уродовать вещи Мэри, но нашел другие способы поиздеваться над ней – не оставлявшие следов. Простые способы. Он начал распускать слухи, разрушившие ее дружеские отношения. Позаботился, чтобы ее уволили с первой работы в аптеке, сделав так, чтобы все считали ее воровкой. В течение долгого времени добавлял ей небольшие дозы антифриза в «Гаторейд^[47]», пока она не попала в больницу, где пролежала неделю. В одиннадцатом классе она бросила школу и уехала из города с наркоторговцем. Пять лет спустя прислала им открытку – привет из Сан-Диего – и все.

Иногда он подолгу думал о своих родных, и, как всегда, воспоминания веселили его и в то же время вызывали чувство стыда за их бездарность. Родители все еще жили вместе, обитали в том же доме в Старке. Во время нечастых разговоров по телефону он иногда лгал, что нанял частного детектива для поисков сестры, и они благодарили его и говорили, что молятся за ее счастье, где бы она ни находилась. Но в их голосе не было энтузиазма. На самом деле они не хотят, чтобы она нашлась, они уже привыкли жить вдвоем. Им не нужно, чтобы дети возвращались. И Генри хорошо это понимал. Он не виделся с ними десять лет.

Генри снова сосредоточился на эскизе. Он решил наступить на горло своим желаниям и не затирать глаза Алана Черни. Это, наверное, будет слишком. Кейт вызовет полицию и, скорее всего, съедет. Он нашел страницу со своим изображением и растушевал некоторые линии на лице, а потом сделал несколько мазков влажным пальцем в области глаз, изменяя их ровно настолько, чтобы они выглядели рассредоточенными.

Удовлетворенный, он закрыл альбом и закинул его под кровать. Интересно, как долго он здесь сидит? Он резко встал, и комната внезапно поплыла перед глазами. Он был голоден и пошел на кухню посмотреть, достаточно ли там еды, чтобы перекусить чем-нибудь. Если нет, не страшно – в его рюкзаке полно злаковых батончиков.

В тот вечер Кейт пришла домой около восьми. Генри сидел в темноте в гостевой комнате. Он не стал прятаться. Если она направится в его сторону, у него будет достаточно времени нырнуть в шкаф. А если не успеет спрятаться и будет обнаружен – ну что ж, Кейт придется умереть. Генри представил, как бы отреагировал Корбин. Это уже более личное – ведь она его семья, его кровь? Или, наоборот, не столь важно – он же с ней никогда не спал? Так или иначе, такое событие поможет вырвать его из убежища в Лондоне. Он *должен* будет возвратиться в Бостон. Генри обдумывал внезапно пришедшую идею, как вдруг в спальне материализовался белый кот, которого он видел в подвале. Заскочил в комнату и вытаращился своими желтыми, сверкающими в темноте глазами. Генри шикнул на него. Кот непонимающе наклонил голову в сторону, развернулся и вышел.

Он ждал и слушал. Слышно было, как открылась и закрылась входная дверь. Он уже подумал: может, Кейт снова ушла, но засомневался и продолжал оставаться на месте. Через пятнадцать минут она прошла по коридору и направилась в медиазал, или как там называл Корбин эту берлогу с темными панелями и мягким кожаным диваном. Генри подождал пять минут и вышел в прихожую. Лампа у кожаного дивана, который стоял спинкой в сторону выхода, была включена, и он видел ее макушку и слышал сухой звук перелистывания страниц. Она читала. Генри тихо наблюдал, дожидаясь, когда перевернется следующая страница. Она, должно быть, читала медленно и вдумчиво, подумал он, и тут же услышал, как книга брякнулась на пол, а голова Кейт съехала со спинки дивана. Она уснула.

Он подошел поближе. Она была наполовину прикрыта скомканным одеялом. Одна рука вывернулась так, что ладонь смотрела вверх, а суставы пальчиков лежали на щеке. Он немного понаблюдал за ней, изумляясь, как людей удерживает в теле такой хрупкий материал, как кожа. Даже при тусклом освещении лампы он видел, как под кожей бежит кровь. Она сделала пару жевательных движений, и сухожилия на шее зашевелились. Она начала похрапывать, переместилась вниз по дивану. Веки были сжаты так, как будто она пыталась зажмурить глаза, чтобы не видеть снов, которые проигрывались в ее голове. Генри попятился к выходу, развернулся и пошел на кухню. Нашел молоко и выпил немного прямо из бутылки.

Потехи ради он собирался лечь спать на кровать Корбина – вероятность, что Кейт проспит на диване всю ночь, была велика. Но отбросил шальную мысль. Он и так вдоволь потешился. Проспит под кроватью в гостевой комнате. Это самое безопасное место.

Он поставил молоко в холодильник, услышал царапанье в дверь, ведущую из подвала. Он открыл ее и впустил дурацкого кота. Тот потерялся о ногу. Генри наклонился, поднял его, перевернул и взялся рукой за голову, которая была размером не больше теннисного мячика. Кот замурлыкал. Смог бы он раздавить коту голову руками? Вероятно, смог бы. Он начал сдавливать кошачий череп, но передумал и швырнул животное на пол. Кот рванул в гостиную, не подозревая, насколько был близок к своей смерти. Вот будет забава, когда Кейт снова обнаружит в квартире кота и будет ломать голову, как ему удалось вернуться.

Генри возвратился в гостевую комнату, залез под кровать и закрыл глаза. Он не устал, но уже давным-давно изобрел способ, как заставить себя уснуть в любой момент. Он представлял себя плывущим по огромной реке. Впереди него находились люди, родившиеся до него, все, кого он знал, – пока они плыли, взросли, старели и погружались один за другим под воду, когда их настигали время, болезни или неудачи. Вокруг него барахтались ровесники, овцы, ходившие с ним школу в Старке. Их называли детками из колледжа, и они вели себя так, будто собирались жить вечно. Его коллеги и клиенты неистово молотили ногами и руками по воде, лишь бы остаться на плаву. А за ним были люди помоложе, новые тела пытались встроиться в поток, и их становилось все больше, а передние ряды редели. И как только изображение в голове становилось четким – группа человеческих тел с Генри по центру стабильно двигалась вперед, – он позволял себе нырнуть под воду, чтобы рассмотреть болтающиеся конечности в бурной пене реки. Генри знал, что может цапнуть кого-то за ногу, как черепаха, хватаящая утенка, и потянуть на темное холодное дно реки, где он сможет дышать, а они нет.

С такими мыслями он заснул. И спал без сновидений.

Глава 33

Генри оставался под кроватью, пока Кейт не ушла. Это было около полудня.

Она встала рано, еще до рассвета. Повторное появление кота ее явно напугало. Она закричала: «Привет!» Потом, чуть позже, на десять секунд включила свет в гостевой комнате. Он затаил дыхание, прикидывая, что будет, если она заглянет под кровать, но этого не случилось. Она выключила свет, и несколько часов Генри слушал, как она бродит по квартире.

На некоторое время стало тихо, и Генри подумал, что она снова пошла спать или, может, даже ушла. Потом послышались голоса откуда-то из-за двери. Характерная речь с акцентом Кейт и голос другой женщины – явно постарше. Он забеспокоился, что это детектив. Неужели Кейт позвала полицию, чтобы обыскали квартиру? Но потом голоса исчезли, и дверь закрылась. Он был почти уверен, что Кейт ушла. Этой уверенности хватило, чтобы вылезти из-под кровати.

Он встал, щелкнули коленные суставы. Покрутил руками, чтобы размять получше кисти. Повращал головой и выскочил из комнаты. Ему было хорошо. Кейт ушла. Это чувствовалось в воздухе.

Он умылся в гостевой ванной, сменил рубашку. Он взял с собой дезодорант без запаха. Если он собирается жить с Кейт какое-то время, важно, чтобы его запахи были как можно более нейтральными. На кухне на одной из верхних полок Генри нашел полкоробки «Райс чекс»^[48]. Он насыпал их в миску и залил небольшим количеством обезжиренного молока. Такое безобидное воровство, как ему показалось, никто не заметит. Злаки были безвкусными, но напомнили ему о Корбине. Последний раз он ел «Райс чекс» давным-давно, наверное, в выходные, которые они провели вместе в Нью-Эссексе. С тех пор он ни разу не прикасался к ним.

Он вымыл миску и поставил ее на место, потом побродил по квартире, составляя план. Он пошел в спальню, чтобы взглянуть на альбом Кейт: хотелось снова посмотреть на свой портрет, но альбома под кроватью не оказалось. Она забрала его с собой.

Он вспомнил о чулане в подвале. Хотя у него имелись отмычки, он пошел на кухню к ящику, в котором, насколько ему известно, Корбин хранил запасную связку. Он схватил ключ с соответствующей биркой и спустился в подвал. Он открыл чулан Корбина, притворив за собой дверь, и

с фонариком в руках начал обследовать маленькое пространство. В коробках хранились аккуратно сложенные комиксы. Там он нашел барбекюшницу, а также несколько постеров в рамках, которые студенты раньше любили вешать в комнате общежития или на съемной квартире. Автомобили. Обнаженные девушки. Генри стало интересно, зачем Корбин хранит их. Одним из таких постеров была обложка альбома «Шоколад и сыр» группы «Уин». Тело женщины с пышной грудью, свисающей ниже края постера. Генри нащупал складной ножик. Он решил немного прооперировать постер.

После обеда Кейт ненадолго вернулась. Генри спрятался в гостевой комнате, но она вскоре снова ушла. Он отправился в ее спальню, где на полу лежали только что снятые джинсы, еще хранившие ее тепло. Он понюхал их и не обнаружил почти никакого запаха, кроме слабого аромата детской присыпки. Куда она пошла и зачем переоделась? Он заглянул в ванную. Зубной щеткой недавно пользовались, она была еще влажной. Он положил ее в рот и всосал мятный привкус ворсинок.

Порезав постер, Генри вместо удовлетворения почувствовал волнение и тревогу. Ему хотелось драйва. Пусть вернется Корбин, или приедет полиция, или Кейт обнаружит его прячущимся в шкафу – карманный ножичек надежно держится между пальцев. Он сделал несколько выпадов, потом нашел непечатую бутылку водки и, открыв ее, налил в наполовину заполненный льдом стакан. Несколько часов спустя (Кейт еще не успела вернуться) Генри метался по квартире, голодный и раздосадованный. Его лицо онемело и покалывало от выпитой водки. Он решил пойти погулять и, припрятав свой рюкзак в шкафу гостевой комнаты, вышел через черный ход сто первого дома и отправился в ночной город. Перед тем как уйти, он положил на место в ящик ключ от кладовки, а себе взял ключ без бирки, предположив, что это запасной от квартиры, а также ключ с биркой «ОМ» – наверное, от квартиры Одри Маршалл. У него были отмычки, но с ними долго возиться – всегда лучше иметь настоящие ключи. Он прошел через парк Коммон к темному бару «Предложение», который он любил, съел там два крылышка и выпил несколько бокалов пива «Хайнекен».

– Ты улетел, – констатировала барменша.

Он посмотрел на нее и в первую секунду вообще не сообразил, о чем речь, а потом все вспомнилось. Саманта. Последний курс Государственного колледжа Бэй. Ей пришлось взять академический отпуск на один семестр, так как за обучение платила бабушка, а сейчас она в дорогом доме престарелых, и надо как-то решить вопрос с финансовой помощью. Генри также вспомнил то, о чем Саманта ему не говорила: у нее булимия, с

которой она много лет борется, и это заметно по отечности лица и потрескавшейся зубной эмали; она спала с каждым хоть чуточку приятным ей парнем, а многие были вовсе не приятны; она отвратительно себя чувствовала большую часть времени.

– Не улетел, просто пытаюсь поесть, – огрызнулся Генри.

– Поняла, – сказала Саманта и заткнулась. Видимо, почувствовала, что он не хочет с ней разговаривать и несколько раздосадован. Он ненавидел, когда кто-то угадывал его мысли, тем более тупая барменша. Он раскусил кость цыпленка и высосал костный мозг.

Генри вернулся на Бери-стрит, проверил окна Корбина со стороны тротуара и решил, что Кейт еще не пришла. Либо же сразу отправилась спать. Так или иначе, он таки отважится пойти к ней в квартиру. Он вошел в пустой подвал, если, конечно, не считать кота, который всегда ошивался там.

– Иди сюда, киса-киса-киса, – бормотал он, тыча пальцами коту в подбородок. Даже ему самому показалось, что слова прозвучали немного невнятно. Не слишком ли много он выпил? Может, лучше пойти домой в Саут-Энд и проспаться? Он потер колючую челюсть кота. Тот уже не мурлыкал и, едва Генри попытался убрать руку, вцепился в нее обеими лапами и вонзил когти. Генри от неожиданности отшатнулся, а усатый зверь, злобно зашипев, умчался прочь, пока его не прибили. Генри посмотрел на разодранную руку. На месте царапин кожа припухла, появились капельки крови, как конденсат на стекле. Он попробовал на вкус свою соленую кровь. Рана начинала жечь.

Вместо того чтобы пойти в апартаменты Корбина, Генри поднялся по лестнице в квартиру Одри Маршалл. Он не был там с тех пор, как убил ее. Открыл ключом замок и вошел внутрь. Шторы были открыты, а ночь настолько светла, что он мог ориентироваться без света. На полу виднелись метки, оставленные следователями, а также отмеченная лентой площадь на кафельном полу в кухне, где он оставил тело Одри. Заметили ли они расположение руки и то, что указательный палец направлен в сторону квартиры Корбина? Генри ослабил. Выкладывание тела Одри было самым забавным приключением за последние годы, с тех пор как они с Корбином убили Клер на кладбище. Зарезав Одри, он получил свободу выбора, что с ней делать дальше. Сначала пришло в голову перерезать ее пополам. Он даже придумал способ, как распилить ее вдоль позвоночника, но отбросил эту мысль. Хотя идея презентовать два куска Одри, две идеальные половинки для каждого из них чуть не вскружила ему голову. Однажды он все-таки сделает это, но в одиночку вряд ли получится.

Он бродил по квартире. Некоторые вещи Одри – одежда, книги – были уложены в коробки, которые стояли в спальне. Возможно, родственники начали собирать ее пожитки, но не смогли справиться с эмоциями и бросили. Генри пришла в голову мысль: а что было бы, если бы он умер? Приехали бы его родители за вещами? Конечно нет. Они никогда не выезжали из Старка. Разве что если бы уродка Мэри объявилась, но ради него – точно нет. Они немного боялись его, и он знал это. Он слышал страх в голосах родителей, когда звонил домой. Такая легкая заминка, а потом: «Здравствуй, Генри». Разговор всегда напоминал беседу со священником, сообщающим, что продажи церковной выпечки в этом году недостаточны и церкви требуется помощь.

Генри посмотрел из гостиной на пустой двор, потом заглянул в квартиру напротив. Там было движение, свет на кухне. Генри стало интересно. В окне были он и она. Парень пересек тускло освещенную гостиную и направился на кухню к русоволосой девушке. Генри начал пристально всматриваться, и ему показалось, что это Кейт, хотя он не был уверен. Парень снова вернулся на кухню – высокий, с растрепанными черными волосами. Похож на того, с кем Генри столкнулся на улице, – Кейт нарисовала его в своем альбоме. Не лишено смысла. Они каким-то образом встретились, и теперь этот парень трахает Кейт. Когда она приехала сюда? Три дня назад? Она не теряет времени зря.

Он наблюдал около двадцати минут. Он не мог видеть всего, что происходило на кухне, но похоже, что они ели за стойкой. Парень снова зашел в гостиную, порывшись в углу – может, взял еще бутылку – и вернулся на кухню. На свету стал виден его профиль, большой нос. Генри подумалось, что парень, вероятно, еврей. Он начал скучать, а скука его немного раздражала. Ему захотелось, чтобы Кейт вернулась в их квартиру, свернулась калачиком и заснула в своем гнездышке, свитом из одеял на диване. Он хотел наблюдать, как подергиваются мышцы ее лица, слушать ее дыхание, понимая, что каким-то образом какая-то ее часть, животная часть, чувствует, что на нее смотрят. Всегда так было.

По крайней мере, сейчас у него есть ночлег. Он вернулся в квартиру Корбина и направился напрямиком в спальню Кейт за альбомом. Он опять валялся под кроватью. Генри посмотрел на портрет парня и убедился, что это тот самый человек из квартиры на противоположной стороне дома. Он указательным пальцем надавил на оба глаза, стараясь не очень их размазывать. То что надо – результат ему понравился. Глаза видоизменились, но это отличие было едва уловимо, хотя его было как раз достаточно, чтобы закинуть нотку сомнения в разум Кейт.

Он сходил в туалет и направился в свою гостиную. Выглянул в окно в сторону реки. Ночное небо было ясным, были видны разбросанные звезды, что является редкостью для большого города. Он лег на кровать поверх покрывала, сложил руки на животе и погрузился в свой сон с рекой.

Кейт вернулась рано утром. Генри хотел было спрятаться под кровать, но не стал беспокоиться по этому поводу. С кровати проще слушать, что происходит. Утром она ответила на телефонный звонок, и он услышал, как она спрашивала у кого-то на другом конце провода, есть ли ордер. Очевидно, приедет полиция, значит, пора уходить. Снова на какое-то время наступила тишина, и он надеялся, что она либо вздремнула, либо ушла. Он обулся, собрал рюкзак и решил выдвигаться. Он сможет снова прийти этой ночью к Кейт. Или, может, имеет смысл явиться в образе Джека Людовико и попробовать соблазнить ее. Ему показалось, что это будет довольно легко.

Он бесшумно прошел на кухню, потирая руку в том месте, где его поцарапал кот, и увидел, что дверь, ведущая на лестницу в подвал, открыта. Она, наверное, спустилась туда сама. Внезапно возникло решение уйти через парадную дверь. Это будет довольно безопасно, особенно с учетом того, что Кейт сейчас в подвале. Он вышел из квартиры и зашагал по коридору, как вдруг услышал шаги, доносящиеся с лестницы, и легкий треск полицейской рации. Мозг лихорадочно перебирал варианты. Пройти как ни в чем не бывало мимо полиции. Вернуться в квартиру Кейт. Он вспомнил о ключе с пометкой «ОМ» и откопал его у себя в кармане. Открыл дверь Одри, нырнул под полицейской лентой и оказался внутри, запыхавшись от напряжения. Было слышно, как полицейские громяют в коридоре. Женский голос раздавал указания – он услышал что-то насчет тонкого ножа. Мужской голос переспросил: «Как филейный?» Он не разобрал ответа. Они постучались в дверь Кейт. «Да, как филейный», – мысленно подтвердил Генри. Он досчитал до тридцати и вышел из квартиры Одри. Спустился по лестнице в вестибюль, и вот он на улице, где светло и ветрено. Он набрал полные легкие воздуха и чуть не засмеялся вслух от того, насколько близко он был к провалу. Его чуть не поймала полиция. И что бы случилось? Он рассказал бы ту же самую историю, которую поведал Кейт. Он встречался с Одри Маршалл и пришел в ее квартиру оплакать ее. Спускаясь по Бери-стрит к парку, он прокручивал в голове мнимую беседу с полицейскими. Он заставил бы их поверить, что является неудачником, потерявшим любовь из-за соседа-мерзавца Корбина.

Вымышленный разговор был таким приятным, что он почти не заметил за собой слежку. Но все-таки уловил каким-то шестым чувством.

Ощутил, как любой человек даже с закрытыми глазами ощущает кожей тепло и понимает, что солнышко выглянуло из-за облака. Он резко свернул налево на другую улицу. Посреди квартала прямо на тротуаре росло огромное дерево. Он быстро добежал до него и прислонился к стволу – так, чтобы тот, кто шел за ним с Бери-стрит, не увидел его.

Через пятнадцать секунд он услышал приближающиеся торопливые шаги и увидел, как новоявленный бойфренд Кейт по имени Алан промчался мимо, как человек, потерявший собаку.

– Вы не меня ищете? – спросил Генри, и парень дернулся, как рыба, подцепившаяся на крючок.

Глава 34

Генри провел очень приятный день с Аланом Черни. Его фамилию он видел на рисунке Кейт. Они вместе пошли в небольшой местный бар в трех кварталах от Бери-стрит. Генри продолжал играть скорбящего друга и выложил Алану свои предположения относительно того, что Корбин – серийный убийца, уродующий своих жертв.

Он рассказал о Рейчел Чесс, которую нашли убитой на пляже Нью-Эссекса, как раз там, где живет мать Корбина. Алан был сосредоточенным, но чувствовал себя некомфортно. Генри уговорил его пропустить парочку бокалов пива, и после этого он стал более разговорчивым. Лицо снова налилось краской. Пока они говорили, Генри пытался понять, что за человек этот Алан. Они были примерно одного возраста. Видимо, он достаточно удачлив или богат, если живет в Бикон-Хилле. Он казался типичным еврейским интеллектуалом – думал, что умнее всех, но при этом так нервничал, что ума никто и не заметил. Он хорошо изучил этот тип в Колледже Аврелия. Но было что-то еще, чего он не мог прочитать, – как размытая строка текста в простой книге. Прежде всего, Алан слишком беспокоился по поводу Одри. Или это было беспокойство о Кейт? Так или иначе, Генри позаботился о том, чтобы Алан внимал каждому слову. И роль убийцы Генри отвел непосредственно Корбину, так же как и в разговоре с Кейт. Он обрисовал его как психа, а себя выставил бывшим бойфрендом, который готов мстить.

Алан выпил несколько бокалов пива, становясь все более и более оживленным. Генри не отставал не только по количеству хмельного напитка, но и по уровню опьянения. Они выглядели как два первокурсника, обсуждающие философские доктрины в комнате общежития. Алан продолжал ерзать на скамейке, мерно постукивая ногой. Генри подумалось, что собеседник *достаточно* вовлечен. И пока они беседовали, у Генри в голове сформировалась стройная фантазия. Они вместе с Аланом убивают женщину – возможно, даже Кейт или, может, совсем незнакомую. Неспеша убивают ее и укладывают, разделив на две части, ровно по центру. И никто, кроме них, не будет знать, зачем они это сделали. Хотя, вероятно, Корбин будет знать. Корбин точно будет знать, что произошло. Потом фантазия улетучилась, и Генри ощутил странное чувство стыда – не совсем как после измены, что-то типа отчаяния. Он испытывал потребность воспользоваться личным опытом и попытаться сыграть спектакль с кем-нибудь еще.

– С вами все в порядке? – беспокоился Алан.

– Да, извините, – заверил Генри. – Я иногда проживаю такие моменты, когда вроде все нормально, мир точно такой, каким он должен быть, а потом до меня доходит, что ее больше нет. Одри мертва. И мир никак не воспрепятствовал этому.

Губы Алана сжались. Он кивнул с пониманием. Генри выпрямился и как будто впервые взглянул на Алана. Он не станет вторым другом. Он лопух. И будет идеальной марионеткой.

– Извини, дружище, – сказал Генри. – Я говорю все о себе да об Одри. А ты как поживаешь? Наверняка у тебя есть девушка.

Алан минуту колебался. Генри уже ждал рассказа о том, что он делал прошлой ночью с Кейт, но Алан ответил:

– Нечего и рассказывать. У меня была девушка. Мы жили вместе, а затем она съехала. Но тебе не стоит это слушать.

– Нет, пожалуйста. Я хочу знать. Мне нужно прекратить думать о своей ситуации хоть на миг. Пожалуйста, расскажи мне.

Алан говорил, а Генри прокручивал одну и ту же мысль: *«Может, этот парень и правда должен стать марионеткой»*. Генри хотелось, чтобы Корбина арестовали по делу Одри Маршалл. Может, не арестовали, а подозревали. Это была часть игры. Скорее всего, ему не нужно, чтобы Корбина арестовали. Бывший дружок, конечно, попытается добраться до него. Но с этим можно справиться. Выследить Генри Вуда совсем не легко. Не то чтобы невозможно, но нелегко, особенно с тех пор, как он официально изменил имя. Нет, Корбин в тюрьме – это совсем не то, чего хотел Генри. Здорово играть с тем, кто не в клетке.

У Генри созрел план. Он снова обратил свое внимание на Алана, который продолжал тараторить о какой-то девушке по имени Куинн. Их глаза встретились, и Алан, как будто смутившись, внезапно перестал говорить, извинился и пошел в туалет.

Бар был пустой, если не считать двух мужчин в свободных рубашках, сидящих у стойки и смотрящих спортивные новости по телевизору. Генри вытащил из рюкзака нож, все еще находившийся в пластиковом пакете. Рискованно держать оружие убийства у себя так долго, но сейчас оно как раз кстати. Он вынул его из пакета, сжав лезвие между боковыми поверхностями пальцев, чтобы не оставить отпечатков. Алан был с кожаной сумкой размером с чемоданчик. Генри открыл ее. Внутри лежал планшет, книга *«Хроники заводной птицы»*^[49] и толстая пачка нераскрытых конвертов – почта, с которой он еще не работал. Генри зарылся на самое дно. Там затерялся маленький черный зонтик, и он

затолкал нож под него, вернув сумку на место как раз в тот момент, когда Алан вернулся в бар.

– Мне нужно идти, – сказал Алан.

– Конечно. Понимаю, – согласился Генри. Они оплатили чек наличными и вышли из бара вместе, Алан перекинул сумку через плечо.

Генри позвонил на горячую линию отделения полиции Бостона из таксофона возле университетской поликлиники. Он на всякий случай надел перчатки.

– Я знаю, кто убил Одри Маршалл, – сказал он в трубку.

– Можно ваше имя, сэр?

– Я бы предпочел не говорить. Я звоню из таксофона, мне страшно. – Генри говорил высоким дрожащим голосом.

– Могу я спросить, чего вы боитесь?

– Алана Черни боюсь. Он живет в том же доме, что и Одри Маршалл, и я почти уверен, что это он убил ее.

– Можете сказать номер его квартиры?

– Нет, не могу. Не знаю. Но его окна как раз напротив квартиры Одри. Несложно отыскать. Все, что вам нужно...

– Ладно, конечно. Мы найдем. Это легко. Почему вы считаете, что Алан Черни причастен к делу Одри Маршалл?

– Потому что у него есть нож, которым он убил ее. Он у него в сумке.

Генри повесил трубку и, опустив голову вниз, пошел прочь. Он не видел ни одной камеры видеонаблюдения, но все равно не был уверен, что их там нет.

Глава 35

Возвратившись в свою квартиру, Генри поставил альбом «Братство» группы «Новый порядок»^[50] на такую громкость, чтобы не вызывать ни у кого недовольства. Как только он повесил трубку, сразу понял, что принял правильное решение. Пришло время немного отвести удар от Корбина. Даже если Алана и не осудят, Генри уже замутил воду. Занятно будет наблюдать за всем этим со стороны. На данный момент его работа выполнена.

Он долго принимал бодрящий душ, затем оделся, заново включил альбом и лег на застеленную кровать. Он собирался отпустить Кейт. Когда сегодня утром он уходил из ее квартиры, думал, что это временно. Тем не менее сейчас лучше держаться подальше. Он закрыл глаза, двигая стопой в ритм музыки. Он плыл по своей реке, холодной и освежающей, и заснул, оставаясь на поверхности, – довольный, а может быть, даже счастливый.

Он проснулся в темной холодной квартире оттого, что продрог. Он проспал слишком долго, и, когда поднялся, воздух казался таким тягучим, что он снова чуть не лег. Его грызли сомнения: не зашел ли он слишком далеко со звонком в полицию? Алан Черни не знал его имени, ему он просто представился Джеком, но он мог описать его. То же самое могла сделать Кейт. Она даже могла его нарисовать. Генри решил, что пора, пожалуй, прекращать свое участие в игре, которая сложилась с Кейт, Корбином и Аланом. Он расставил свои капканы, и пришло время уходить. Ему и так чрезвычайно везло – сегодня утром едва улизнул от полиции, так что следующие несколько недель он не будет выходить из своей квартиры, разве что только затем, чтобы добраться в офис в Ньютонвилле.

Он сделал бутерброд с сыром, выпил стакан молока и пошел распаковывать рюкзак. Аккуратно выложил все, что брал с собой в дом Кейт, – рубашки, перчатки, шапку, дезодорант, злаковые батончики, пустую бутылку на случай, если нигде будет помочиться, носки с резиновыми пупырышками, чтобы не поскользнуться, прибор ночного видения и абсолютно новые ножны филейного ножа. Все было на месте, кроме лайкровой лыжной шапки, в которой он спал, чтобы не оставлять волосы. Он порылся в карманах рюкзака, потом проверил в штанах и куртке. Ее нигде не было. Он вспомнил, что надевал шапку минувшей ночью, когда спал под кроватью в гостевой комнате. Потом стало жарко, и он ее немного подвернул. Это последнее, что он помнил. Должно быть, ночью она

соскользнула с головы и, вероятно, так и осталась под кроватью. Где же еще ей быть?

Он вышел в ночь.

Перед тем как пойти к Кейт, чтобы найти свою лыжную маску, Генри еще раз навестил квартиру Одри Маршалл. Он понимал, что это последняя возможность.

Стоял на темной кухне, вдыхая воздух, погружаясь в воспоминания...

Прокручивал в голове не то, как резал, – нет, это довольно тяжело, – а то, как она выглядела в конце процесса, когда лежала разрезанной, вытянув руку, как бы указывая в направлении квартиры Корбина. На полу было так много крови, что он стал просто красным, ярким постаментом для девушки, связавшейся не с тем мужчиной. Генри закрыл глаза, стоял совершенно неподвижно и смаковал этот момент. С закрытыми глазами он чувствовал себя невидимым. Так думает зажмурившийся ребенок: если он не видит, значит, и сам становится невидимым. Только дети ошибаются, а Генри – нет. Он был невидимым. Почти. Никто не мог его увидеть, кроме Корбина. Но Корбин никак не мог воспрепятствовать.

Он спустился по лестнице, ведущей в подвал, затем направился вверх к квартире Корбина. Приближаясь к двери, он услышал тихое бряцанье, и ему показалось, что это щелчок закрывающейся двери. Он остановился, прислушался. Ничего. Затем преодолел оставшиеся ступени и остановился возле двери, ведущей в квартиру. Он долго прислушивался. Пока нет достаточной уверенности, что можно открыть дверь, – внутри было слышно движение, глухой звук шагов. Генри сел на верхнюю ступеньку и стал ждать. Он умел быть терпеливым. Все, что ему нужно сделать, – это забраться в гостевую спальню, забрать шапку и уйти.

За стеной послышался звук смыва воды. Снова шаги и наконец тишина. Он подождал, по его ощущениям минут двадцать, а затем взялся за дверную ручку и повернул ее. Дверь не заперта. Приятно, но подозрительно. Такое произошло впервые. Неужели Кейт просто забыла? Он открыл дверь и шагнул в освещенную лунным светом кухню. В квартире тишина. Он закрыл за собой дверь и направился через прихожую в сторону гостевой спальни. Приглушенные звуки и мерцающий свет в конце коридора свидетельствовали о том, что включен телевизор и Кейт, вероятно, спит на диване перед ним. Генри нырнул в спальню, лег на роскошный ковер возле кровати и стал нащупывать растопыренными пальцами на мягком ворсе потерянную лыжную шапку. Пришлось залезть поглубже, но он таки нашел свою скомканную шапку. Вздохнув с облегчением, он встал на ноги и затолкал ее в карман куртки. Он уже

собирался выходить из спальни, как вдруг почувствовал движение в прихожей. Должно быть, встала Кейт. Но нет, вроде с другой стороны. Генри отступил, наблюдая за тенями, движущимися в дверном проеме. Кто-то вошел в комнату, где стоял телевизор. Генри чувствовал себя в спальне как в ловушке, поэтому быстро направился в другую сторону – в гостиную. В ее пещерной темноте он чувствовал себя гораздо лучше. Там, возле двери, стоял огромный шкаф, и Генри спрятался в его тени, застыв в ожидании.

Кто же здесь? Он предположил, что, возможно, Алан пришел повторить опыт прошлой ночи. Тем не менее Генри ждал, пытаясь выяснить, что же происходит. Он внимательно прислушивался, но все, что мог услышать, – приглушенные звуки телевизора.

Неожиданно появился Корбин. Здесь не может быть ошибки. Даже его остриженные волосы не смогут сбить с толку. В прихожей был Корбин, и внутри Генри что-то обрушилось, как скала, погружающаяся в воду. Страх и возбуждение.

– Ты пришел, – сказал Генри. В своих фантазиях он сотни раз говорил Корбину эту фразу, желая показать, что они по-прежнему связаны крепкими путами. Генри подумалось, что оно того стоило и неважно, что будет дальше.

– Что ты здесь делаешь, Генри? – спросил Корбин менторским тоном – как учитель, воспитывающий ученика.

Генри начал говорить, что-то объяснять, но внезапно понял, что у Корбина в руке нож и он приближается. Генри увернулся от выпада, и его накрыло волной радости, вызванной выбросом адреналина. Он запрыгнул на Корбина и свалил его на деревянный пол, прижав к полу и сражаясь за нож. Нож был уже почти у него в руке, но вдруг выскользнул, и Генри инстинктивно отклонился назад. Корбин бросился на него, сел верхом и чуть не вонзил ему нож в лицо, но тот прошел мимо и встрял в пол. Генри смог дотянуться до него здоровой рукой, прыгнул на Корбина и полоснул его по горлу. Так легко. Корбин рухнул на пол. В сумеречном свете вытекающая из горла кровь казалась черной, как смола.

Генри встал и, спотыкаясь, начал отступать. Очень болела рука. Он посмотрел на нее – кровь сочилась в рукав, а большой палец свисал – явно было разрезано сухожилие. Он быстро осмотрелся в поисках чего-то, чем можно остановить кровь, и вспомнил о шапке в кармане. Он отложил нож, вынул здоровой рукой шапку и присел, чтобы перебинтовать руку. Он осторожно приложил палец к скользкому материалу и обмотал руку, заправив остатки ткани так, чтобы повязка не развязалась. Это нужно было

сделать сейчас. Корбин все еще издавал мягкие булькающие звуки, и Генри снова переключил внимание на него.

Они больше не были одни. В гостиную вошла Кейт и присела над скрученным телом Корбина. Она не заметила Генри. Он поднял нож с пола и встал. Он наблюдал, как мир останавливается в этой застывшей картине. Корбин умирает, и ангел в белом уже рядом с ним.

Корбин перевел взгляд, и на короткий миг его глаза встретились с глазами Генри, оба смотрели друг на друга после стольких лет разлуки. Корбин жестикулировал залитой кровью рукой, двигал пальцами и пытался что-то сказать Кейт. Она обернулась. Обернулась как раз в тот момент, когда Генри прыгнул ей на спину. Он услышал, как из ее легких вырвался воздух и голова глухо ударилась о пол. Он воткнул ей нож в спину, попав в лопатку. Вытащил и снова вонзил на всю глубину лезвия рядом с позвоночником. Справившись, Генри отошел от девушки и сел на пол. Корбин все держался рукой за горло. Генри придвинулся ближе, посмотрел ему в глаза – открытые, но рассредоточенные. Во рту друга пузырилась кровь.

Все испортил громкий стук в дверь и женский голос:

– Полиция. Откройте.

В считанные секунды Генри прикинул варианты. Может, побежать в подвал? Поток мыслей прервала Кейт. С торчащим ножом в спине она встала, поковыляла к входной двери и открыла. Так просто, словно ждала гостей на коктейльную вечеринку. Генри вынул из кармана куртки маленький карманный складной нож, обнажил лезвие, схватил Корбина за плечи и оттащил его на себя, чтобы орудовать им, как щитом. Вошла женщина-полицейский, вытащила оружие. Генри видел, как она оценивает обстановку, как ее взгляд мечется от Кейт к Корбину, а затем к Генри, который, прикрываясь Корбином, держал нож у его раненой шеи. В воздухе сгустился запах крови.

Женщина шагнула в комнату, нацелив пистолет на Генри.

– Отпустите его и покажите свои руки. – Держа пистолет правой рукой, левой она нащупывала рацию на поясе.

Генри остановился, продолжая держать нож. Он был в некотором смысле благодарен судьбе, что дело дошло до этого.

Глава 36

Детектив Роберта Джеймс тщательно прицелилась, выдохнула и впервые в своей жизни пальнула из «Глока»^[51] в живую мишень. Пуля сорокового калибра попала в верхнюю губу улыбающегося парня, и улыбка провалилась внутрь, а он упал на пол. Нож, упиравшийся в шею истекающего кровью мужчины, брякнулся на пол.

Пока по рации вызывали подкрепление, Роберта Джеймс опустилась на колени и осмотрела мужчину с раной на шее. Кровь вытекала быстро, хотя и не била фонтаном. Она повернулась к Кейт и спокойно попросила чистых полотенец.

– Он мертв? – спросила Кейт. Ее голос звучал настолько беззаботно, словно она вообще не понимала, что произошло.

– Не знаю. Мне нужны полотенца, чтобы остановить кровотечение. – Она встала и только тогда заметила ручку ножа, торчащую под углом девяносто градусов в верхней части спины девушки, как раз за плечом. – Я сама возьму, Кейт. Оставайтесь здесь. Где они?

– В ванной, там дальше, – пояснила Кейт. Она начала вертеться с забавным выражением лица. – В моей спине что-то есть? – Она потянулась рукой назад, и детектив Джеймс остановила ее, схватив за руку и опустив конечность вниз. Глаза Кейт блеснули. Детектив поняла, что девушка в шоковом состоянии.

– Мне нужно, чтобы вы сели прямо здесь и не касались своей спины. Скорая уже в пути.

Она оставила Кейт и помчалась в ванную. Стащив с вешалки полотенце, она вернулась и с облегчением отметила, что Кейт осталась на месте, а ее руки аккуратно лежат на коленях.

– Это Корбин, – сказала Кейт, когда детектив проходила мимо.

– Кто? – не поверила своим ушам детектив Джеймс, прижимая полотенце к кровоточащей ране на шее.

– Он. Мой кузен Корбин Делл. Он пытался спасти меня. – Ее голос был чересчур спокойным, как голос говорящего во сне.

Джеймс держала полотенце, оно темнело и становилось мокрым от крови. По крайней мере, нож не задел сонную артерию, иначе он бы уже умер. Однако крови парень потерял много. Она посмотрела ему в лицо. Оно было как на фото, которые она видела. Его глаза остекленели, и она попросила:

– Корбин, держитесь.
Ей показалось, что она заметила понимание в его взгляде.
– Он умер? – спросила Кейт.
– Нет, еще жив. Скорая прибудет с минуты на минуту. Расскажите, что случилось.
– Корбин разбудил меня и заставил спрятаться в шкафу. Он пытался спасти меня. Я должна была оставаться в шкафу.
Джеймс услышала сирену и помолилась про себя, чтобы это была *их* скорая. Она прижала два пальца к виску Корбина. Нащупала пульс. Биение чувствовалось, но очень-очень слабое.
– Вы спасли ее, Корбин, – констатировала детектив, надеясь, что он слышит.
– Привет, Сандерс, – поздоровалась Кейт, и Джеймс повернула голову. Белый кот подошел к Кейт и потерся о ее ногу. Кейт погладила его по спине, оставив полоску крови на его безупречно чистой шерсти. Сирена становилась громче.

Шестью часами ранее детектив Джеймс вошла в свою квартирку в Уотертауне с некоторым чувством облегчения. Слава богу, что ФБР официально взялось за дело Одри Маршалл. Она посчитала, что начиная с субботы, когда нашли тело, она спала, возможно, часов двадцать, не больше. А сейчас уже вечер вторника. Она налила себе «Славной куропатки»^[52] со льдом и переоделась в майку, в которой любила спать, и пижамные шорты с логотипом «Селтикс»^[53]. Их ей подарили родители, и они ей нравились, но не из-за логотипа, а потому что были удобны. Пижамные штаны она не любила и даже в самый холодный период бостонской зимы предпочитала шорты. Она легла на диван и поставила стакан себе на живот. На прошлое Рождество ей подарили не только пижаму, связанную с «Селтикс». От племянницы она получила кружку: та всегда ей делала подарки, а от сестры – розовую футболку с длинными рукавами, все это тоже с логотипом «Селтикс». Ясно, что она в семье ассоциировалась с одной вещью. *Она фанатка «Селтикс», так что, если не знаете, что подарить, тащите что-либо с его логотипом.* Она была как тот старый дядька, который любил гольф, и все дарили ему вещички, связанные исключительно с гольфом. Посыл сестры тоже совершенно очевиден; облегающая розовая футболка предполагала, что ей еще не поздно подцепить мужика.

Она немного приподнялась и сделал глоток виски. И почему она

думает о шмотках? *«Потому что выдохлась»*», – сказала она себе.

Она закрыла глаза. В памяти всплыл – так же, как это безжалостно и систематически происходило в последние три дня, – образ Одри Маршалл, лежащей на кухонном полу, разделанной, как кусок мяса. Она села на диване, сделала еще глоток виски и вытянулась во весь рост, слушая, как хрустят позвонки.

Зазвонил мобильный, и она сразу подсознательно поняла, что это шеф, – еще до того, как увидела его имя на экране.

– Решил, что тебе будет интересно. После того как ты ушла, поступил анонимный телефонный звонок из таксофона в Саут-Энде. Мужчина заявил, что он друг Одри Маршалл, но назвать себя не пожелал. Сообщил только, что наш убийца – Алан Черни и у него есть этот чертов нож.

– Боже. Откуда он знает?

– Он не сообщил.

– Наверняка сам и подбросил.

Марк рассмеялся и, как всегда, закашлялся от смеха.

– Подумал, что ты захочешь быть в курсе, хотя понимаю, что ты собиралась немного поспать.

– А ну-ка поподробнее. Тан в курсе? – Абигейл Тан – агент ФБР – назначена ведущей по делу.

– Ага. Пошла получать ордер на обыск.

– Что она думает по этому поводу? – спросила Джеймс.

– Она не говорила, но хотела, чтобы я рассказал тебе. Что ты думаешь об этом?

– Это наш Джек, я уверена. Полагаю, именно он и подставил Алана Черни. Правда, не знаю почему.

– Наверное, Тан думает примерно так же.

– Но все же давай дадим ход этому ордеру и, если найдем нож, арестуем Черни. Сможем, по крайней мере, больше узнать о Джеке и получить что-нибудь...

– О, Роберта, надо бежать. Перезвоню.

Он закончил разговор. Джеймс хотела сделать глоток виски, но на дне стакана остался только лед. Она ходила по комнате, обдумывая полученную информацию.

Джек становится дерзким, и это означает, что он вот-вот просчитается. Во всяком случае, есть надежда. Теперь он стал главным подозреваемым, несмотря на то, что Корбин Делл бесследно исчез из квартиры в Лондоне. Корбин был каким-то образом причастен ко всему, но Джеймс не верилось, что именно он убил Одри Маршалл. Маловероятно. Она полагала, что

убийца – тот, кто называет себя Джеком Людовико. По всей видимости, до этого он убил как минимум двух женщин: Рейчел Чесс в Норт-Шоре в штате Массачусетс и четырнадцатью годами ранее Линду Алчери в Коннектикуте. Обе женщины, как и Одри Маршалл, были разрезаны после убийства. Рейчел Чесс нашли на пляже в Нью-Эссексе, недалеко от дома матери Корбина Делла. Имя Корбина всплыло, когда Джеймс изучила документы. Он знал погибшую, но следствие им не заинтересовалось, потому что на момент убийства он был за границей. Джеймс не нашла также никакой связи между Линдой Алчери, мертвой девушкой из Коннектикута, и Корбином Деллом. Ее нашли мертвой в старом лагере бойскаутов за городом. Причиной смерти стал удар головой о булыжник, но перед тем как ее закопали, ей порезали лицо, одежду, были срезаны куски кожи с туловища. Почему никто не связал его со вторым убийством в Нью-Эссексе? Причина смерти отличается, но посмертные повреждения такие же или, во всяком случае, чрезвычайно похожи. И вот теперь третье убийство – другая женщина с такими же повреждениями. Приехало ФБР. Джеймс слышала, что кто-то в полиции называет убийцу «иллюзионистом-неудачником»^[54]. *Он пытается разрезать своих женщин пополам.*

Абигейл Тан, несмотря на возраст – а ей не дашь больше двадцати пяти, – оказалась весьма компетентной. Вчера Джеймс рассказала ей, что она нарыла в документах по Алчери.

– Две подружки упоминали при даче показаний, что Линда недолго встречалась с неким Хэнком. Обе запомнили, как его зовут, но никто не смог назвать фамилию. Хэнка так и не нашли.

– И вы думаете, что этот Хэнк?..

– Мне кажется, что человек, называвший себя тогда Хэнком, сейчас зовется Джеком Людовико.

– С чего вы взяли, что он не тот, кем представляется, – другом, ищущим ответы на тяжелые вопросы?

– Почему же он не пришел к нам за ответами? И почему Одри Маршалл не упоминает его в своем дневнике? – Джеймс не говорила вслух, но она каким-то образом поняла, что в обоих убийствах фигурирует некий незнакомец, который не выходит на передний план. Ей показалось, что это, вероятнее всего, один и тот же человек и имя его – не Хэнк и не Джек.

– Ладно, но если он убийца, почему здесь ошивается? Зачем приходил и разговаривал с Кейт Придди?

– Думаю, он пытается повесить убийство на Корбина Делла. Рука мертвой Одри Маршалл указывала на квартиру Делла. Коронер сказал, что конечность была выложена таким образом уже после смерти. Он хочет,

чтобы мы думали, будто это Корбин, – вот почему он здесь слоняется. Возможно, убийство Рейчел Чесс было его первой попыткой подставить Корбина, но не сработало.

– Может, стоит опубликовать его портрет, сделанный Кейт Придди?

Джеймс уже думала об этом.

– Еще не время. Мне кажется, он не местный, и если рисунок появится на первых полосах, он уедет из города. Сейчас он дерзок. Возвращается на место преступления, чтобы поговорить с соседями. Давайте подождем, посмотрим, появится ли он снова.

И вот он объявился, пытаясь подставить по какой-то непонятной причине Алана Черни.

Джеймс взяла телефон, чтобы позвонить шефу, но мобильный завибрировал в руке, и она так и не успела набрать нужный номер. Абигейл.

– Вы получили ордер? – спросила Джеймс.

– Еще нет, но я говорила с Дитрихсоном. Он согласился задержаться на работе.

– Нужна компания?

– Поэтому я и звоню.

Они встретились в здании суда и получили ордер на обыск квартиры Алана Черни по адресу: Бери-стрит, 101, который с такой неохотой подписал Альберт Дитрихсон. Джеймс убедила его, что анонимный звонок, зафиксированный этим утром, – не единственная причина обыска.

– Вы брали показания у Алана Черни после того, как обнаружили тело? – спросил судья, собирая свой чемоданчик после окончания рабочего дня.

– Да. Не я лично, а офицер Карен Гибсон. Она сказала, что он сообщил, будто лично не знаком с Одри Маршалл, но знал ее в лицо. Она доложила, что он странно себя вел.

Судья поднял одну бровь и посмотрел на Джеймс.

– Она упоминала, что подразумевается под словом «странно»?

– Сообщила, что он казался сильно потрясенным смертью в его доме. Непонятно, по какой причине – потому что убийство произошло по соседству или он знал жертву более близко, чем заявлял. И вот еще что. Кейт Придди, кузина, проживающая в квартире Корбина Делла, уже познакомилась с Аланом Черни. Она рассказывала, что он наблюдал за Одри Маршалл через окно.

– Откуда? С улицы?

– Нет. Из своего окна. Их квартиры находятся друг напротив друга

через двор. Это дом п-образной формы.

– Понял, – сказал судья. Выражение его лица ни капли не изменилось, когда он подписывал ордер.

Через час Джеймс встретила с Абигейл Тан на Бери-стрит, 101 и вместе с Майком Гаэтано и Андре Дамуром из отдела вошла в квартиру Алана Черни и вручила ордер. Он был заспанный и очень пьяный – с мутными глазами и невнятной речью. Почти сразу побежал в туалет, чтобы проблеваться. Они нашли кожаную курьерскую сумку, на которую указывал анонимщик, изъяли и упаковали нож. Абигейл произвела арест.

Вернувшись в полицейский участок, Джеймс дала Алану, отказавшемуся от адвоката, чашку кофе и отвела его в комнату для допросов. Его настроение было неустойчивым – от покорности до паники.

– Я не убивал Одри Маршалл, – сказал он, когда она вела его в комнату. – Вы же знаете это, правда?

– Агент Тан проведет дознание через несколько минут, и вы сможете ей все рассказать.

Детектив собиралась оставить Алана наедине с самим собой, дать ему подумать несколько минут. Когда она собиралась выходить, он выпалил, чуть ли не плача:

– Это не аллергия. – Она уже слышала от него странное утверждение, когда надевала ему наручники.

Джеймс остановилась. Она знала, что должна оставить его одного до официального допроса, но все равно повернулась к нему.

– Вы должны пойти и проверить Кейт Придди, – попросил он. – Он сказал, будто следы на руках – из-за аллергии, но он врет. Это Сандерс поцарапал его, но Сандерс царапает людей только в подвале. В подвале Сандерс становится агрессивным, именно там был исцарапан Джек. Он приходил через подвал. Думаю, что он следил за Кейт. У меня плохое предчувствие. Честное слово, очень плохое.

– Сандерс? – переспросила Джеймс.

– Кот, он всегда рядом. Он дружелюбен, но если попытаться погладить его в подвале, он поцарапает вас. Джек проходил через подвал. Вот так он и заходит в дом.

Джеймс сказала:

– Кто-нибудь побудет здесь, Алан, хорошо?

Через час Джеймс наблюдала за началом допроса, и Алан, который, казалось, уже протрезвел, продолжал твердить Абигейл Тан про кота. Теперь Джеймс поняла, что это значит. У нее даже волосы на голове зашевелились.

Она выехала из участка и направилась на Бери-стрит, 101. С минуту посидела в машине, вглядываясь в пустые окна дома. Не мешало бы проверить квартиру. Она тихонько постучит в дверь, послушает и, если ничего не услышит, поедет к себе домой.

– Привет, Санибел, – поздоровалась она со швейцаром, которому уже не было надобности показывать свой значок. – Только загляну к Кейт Придди из 3D. Она ждет меня.

Она подошла к двери и сразу же услышала звуки драки внутри, потом грохот, как будто мешок песка уронили на бетонный пол. Она вытянула из кобуры пистолет и постучала в дверь. Ей бы подкрепления, но уже слишком поздно – времени не осталось.

Глава 37

Парамедики скорой помощи осмотрели человека, в которого выстрелила детектив Роберта Джеймс, и констатировали смерть на месте происшествия.

Кейт Придди доставили на скорой в Массачусетскую больницу общего профиля, где дежурные хирурги вытащили из ее спины двенадцатисантиметровый нож. Каким-то образом лезвие не задело ни спинной мозг, ни главные артерии. Была немного повреждена кость. Также ей поставили дополнительный диагноз «сотрясение мозга». Но теперь врачам и медсестрам, присутствовавшим на операции, на всю жизнь запомнится история о девушке, выжившей после явно смертельного ножевого ранения.

Корбина Делла привязали к каталке и увезли на другой машине скорой помощи. Парамедикам удалось остановить кровотечение, но он потерял слишком много крови. Он умер по дороге в больницу.

Как только агенту Тан сообщили о том, что произошло на Бери-стрит, допрос Алана Черни был прерван. Парень просидел несколько часов в комнате для допросов и в конечном счете уснул, положив голову на стол. Допрос завершился рано утром следующего дня, после чего все обвинения сняли и его отпустили.

Когда в среду днем Кейт Придди открыла глаза, она увидела детектива Джеймса.

– Я жива, – произнесла Кейт.

– Да.

Джеймс положила руку Кейт на плечо и наблюдала за тем, как девушка закрыла глаза и снова уснула.

Когда Кейт снова проснулась, медсестра проверила ее показатели жизнедеятельности.

– Привет, – улыбнулась Вики Уилсон, увидев, что Кейт приоткрыла глаза. Вики была в восторге оттого, что ухаживает за знаменитой пациенткой, но все же пыталась скрыть возбуждение: – Как мы сегодня себя чувствуем? – спросила она.

– Жажда мучает.

– Я, наверное, принесу вам ледяной стружки, дорогая. Что еще могу

для вас сделать?

– Детектив, – слабо прохрипела Кейт.

– Сыщик?

– Нет. Детектив Джеймс. Роберта. – Кейт сглотнула. Очень болело горло.

– Закончу здесь, милая, и пойду поищу детектива Джеймс, хорошо?

Кейт снова закрыла глаза.

В очередной раз придя в себя, она увидела рядом со своей постелью Роберту Джеймс.

– Расскажите мне все, – сказала она.

Джеймс улыбнулась.

– Я расскажу вам все, что мы знаем, ладно?

– Корбин мертв?

– Да, Корбин Делл мертв.

– А что с Джеком Людовико?

Джеймс сделала паузу, за время которой Кейт пришла ужасная мысль, что ему удалось сбежать.

– Человек, которого вы знаете как Джека Людовико, тоже мертв. Он известен под разными именами, и мы все еще пытаемся выяснить настоящее. Вам о чем-нибудь говорит имя Генри Вуд?

Кейт покачала головой, вызывая тем самым вспышки боли в шее и плече. Должно быть, это отразилось у нее на лице, потому что детектив Джеймс сказала:

– Подробнее мы поговорим позже. Вы будете рады узнать, что ваши родители уже на полпути в Америку.

– Как здорово.

– Мужчина, Алан Черни... Он очень хочет видеть вас. Он сейчас здесь, в больнице.

– Не сейчас, хорошо? – попросила Кейт, закрывая глаза.

– Разумеется. Спите.

Джеймс встала. Кейт снова открыла глаза и спросила:

– Как Корбин Делл вернулся в Америку? Кажется, вы говорили...

– Что мы отслеживаем паспорт. Да, мы следили. Но он воспользовался чужим паспортом, голландским.

– Почему?

– Мы еще не знаем всего, Кейт. Есть предположение, что мужчина, которого вы знали как Джека Людовико, известный также под именем Генри Вуд, сделал Корбина Делла своей мишенью – скорее всего, пытался его подставить, повесить на него убийство.

– Значит, Корбин не убийца?

– Нам многое предстоит разгадать, Кейт. Сейчас мы всего не знаем.

– Они оба находились в квартире. Как?..

– Как они попали внутрь? У Корбина был ключ, а у Джека нашли отмычку. Вероятнее всего, он пользовался черным ходом, ведущим в подвал.

– И как долго он заходил в апартаменты? – Во рту у Кейт пересохло.

– Мы этого не знаем, но его следы, по данным судмедэкспертов, обнаружены по всей квартире. Я вам все расскажу, как только станут известны достоверные факты. А сейчас, Кейт, я думаю, вам нужно отдохнуть.

– Ладно, – не стала спорить Кейт и закрыла глаза. Она чувствовала боль в верхней части спины и у основания черепа, и эта боль распространялась, разливалась по всему телу и становилась сильнее. Потом она услышала, как стул детектива шаркнул по линолеуму, и почувствовала, что снова одна. Она пыталась открыть глаза, но обнаружила, что нет сил даже на это, и снова уснула.

Джеймс вернулась в зону ожидания, где сидел Алан Черни: на коленях – непрочитанная книга, на лице – надежда.

– Она еще не готова к встрече с вами, – объявила Джеймс Алану.

– Ладно, – согласился он. – Подожду еще немного.

– Но она не отпрянула в ужасе, когда я упомянула ваше имя, – сказала Джеймс, почему-то желая его успокоить. Ей показалось, что он нравится Кейт, и не только потому, что, возможно, спас ей жизнь, убедив Джеймс вернуться на Бери-стрит. Он оказался прав насчет царапин на руке Генри. Коронер подтвердил, что отметины на руке Генри-Джека действительно оставил кот.

Алан улыбнулся.

– Ну, это уже что-то.

Джеймс отошла на достаточное расстояние и позвонила в полицейский участок. Съехалось подкрепление ФБР, Абигейл Тан сменил старший агент Колин Унгер, выглядевший как модель из проспекта по набору на военную службу. Джеймс дозвонилась шефу и отчиталась о состоянии Кейт.

– Я сообщу ФБР, что она в ясном сознании и готова отвечать на вопросы.

– Чуть погодя. Она будет потрясена.

– Вы думаете, что она все знает?

– О чем? О Генри Вуде? Нет, ничего. Она в курсе, что произошло этой

ночью, когда ее чуть не убили, вот и все. Она все рассказала еще тогда, когда у нее в спине торчал нож. Она хотела знать, виновен ли Корбин.

– Что вы ей сказали?

– Сказала, что поговорим позже. Она еще слишком ранима.

Закончив разговор с шефом, она задумалась о полароидной фотографии, которую нашли в квартире Генри Вуда. На ней был запечатлен Корбин Делл. В дождливый день он стоял над разрытой могилой, в которой лежало тело женщины-брюнетки. В одном углу фото виднелось старое надгробие – значит, снимали, предположительно, на кладбище. Корбину на фото, по мнению Джеймс, было около восемнадцати лет. Тяжело понять выражение лица. По глазам видно, что он, пожалуй, в шоке, но поза расслабленная, губы немного приоткрыты. Этот образ преследовал Джеймс последние тридцать шесть часов, перекрыв впечатление от той мясорубки, которую она увидела в квартире Кейт и которую сумела остановить, оборвав с помощью пистолета человеческую жизнь. Это не спасло Корбина Делла, но, возможно, помогло выжить Кейт Придди.

Это было нечто.

Через четыре часа агенты Унгер и Тан приехали в больницу, чтобы допросить Кейт.

– Вы же хотите, чтобы я там присутствовала? – спросила Джеймс.

– Да, – подтвердил Унгер. У него был легкий южный акцент. Джеймс предположила, что он из Северной Калифорнии.

– Окей. С удовольствием. Мы не можем ее будить, но готовы подождать, пока она сама проснется.

Им не пришлось долго ждать. Через полчаса пришла медсестра и сообщила, что Кейт проснулась и снова спрашивает детектива Джеймс. За эти полчаса Абигейл Тан ввела Джеймс в курс дела, рассказав о том, что удалось выяснить. Пятнадцать лет назад Корбин Делл и Генри Вуд учились по одной и той же программе в Лондоне. В этот период там произошло убийство английской студентки Клер Бреннан из той же школы бизнеса. Преступление не раскрыто до сих пор. Она пропала без вести, когда оба парня – и Корбин, и Генри – находились в Лондоне. Ее тело обнаружили на старом кладбище в северной части города. Тогда по подозрению в совершении этого преступления так никого и не задержали.

– Она тоже была изувечена после смерти? – спросила Джеймс.

– Нет, на ней повреждений не было, – сообщила Тан.

– Вот как.

– Ага, вот так.

– А что вы думаете по этому поводу? Они вместе убивали женщин?

– Все выглядит именно так, – подтвердила Тан. – Генри и Корбин познакомились в Лондоне и вместе убили Клер Бреннан. Они сделали фото, а позже, возможно, повторили подобное преступление уже здесь, в Америке. Сначала убили Линду Алчери, а потом Рейчел Чесс.

– Когда убили Рейчел Чесс, Корбина Делла не было в стране, – заметила Джеймс.

– В настоящий момент Корбин Делл, если верить документам, также находится за границей.

– Ладно. Довод принимается. Тогда что? Они вместе убивают Одри Маршалл, а потом Корбин Делл возвращается с целью убить кузину? Как-то не очень вяжется.

– Да, понимаю. Не очень, – согласилась Тан. – Надеемся, что Кейт поможет нам распутать дело.

– Она рассказывала мне, что произошло той ночью. Из ее слов выходит, что Корбин появился в квартире внезапно. Он разбудил ее и приказал, чтобы она спряталась в шкафу. Сказал, что в квартире опасный тип и надо переждать. Так он сказал. А когда она вышла из убежища, Корбин уже лежал на полу и истекал кровью. На нее напали сзади.

– И потом появились вы, – предположила Тан.

– Да, потом пришла я.

Кейт проснулась, и Агент Унгер при некотором содействии агента Тан допрашивал ее около двадцати пяти минут. Она повторила слово в слово то, что рассказывала перед этим детективу Джеймс. Ни больше ни меньше. В конце беседы глаза Кейт начали закрываться, и она произнесла:

– Это, наверное, я.

– Что вы? – задал уточняющий вопрос агент Унгер.

– Я виновата. Я притягиваю психопатов, как магнит.

– На данный момент я не знаю всего, Кейт, но точно знаю, что в этом нет вашей вины. Нисколько. – Джеймс решила, что ей, пожалуй, нравится агент Унгер, несмотря на его стрижку-ежик и слишком серьезное пристрастие к тренажерному залу.

Выйдя в коридор, Унгер спросил у Джеймс, на что намекала Кейт.

– Пять лет назад на нее напал бывший бойфренд. Это случилось в Англии. Он запер ее в шкафу и покончил с собой.

– Великоду-у-ушно. – Унгер растянул слово, и оно прозвучало скорее как ругательство.

– Ага.

– Но нет же никакой связи?

– По нашим сведениям – нет, – подтвердила Джеймс. – Полагаю, это

просто случайность или она действительно психоманит, в чем сама призналась.

Она произнесла это в шутку, но Унгер нахмурил брови, как будто воспринял ее слова серьезно.

– Ах, бедняжка, – сказал он и добавил: – Ты собираешься рассказать ей, что Генри Вуд как минимум два дня прятался в ее квартире?

Джеймс уже размышляла над этим. Криминалисты нашли отпечатки пальцев Генри Вуда по всей квартире: на кухне, почти во всех комнатах, где обитала Кейт. Они также нашли волосы, и результаты экспертизы ДНК показали, что он спал под кроватью в гостевой комнате.

Джеймс вспомнила просьбу Кейт о том, чтобы от нее ничего не скрывали:

– Ага, расскажу ей.

Когда родители Кейт наконец прибыли в больницу, часы приема уже закончились, но Джеймс провела их мимо полицейских в палату, где спала Кейт.

Они полчаса смотрели на дочь, стараясь не будить ее.

– Пойдем поселимся в гостинице, а потом вернемся, – шепотом предложил жене Патрик Придди.

– Займись этим сам, дорогой, а я останусь здесь.

Но отец Кейт не успел уйти. Кейт открыла глаза и, увидев обоих родителей, заплакала – впервые с тех пор, как ее положили в больницу.

Корбин Делл был официально опознан своим братом Филипом Деллом, приехавшим из Нью-Эссекса. Детектив Джеймс не виделась с ним, но психотерапевт, присутствовавший на процедуре, чтобы в случае необходимости помочь справиться с утратой близкого человека, сказал, что Филип не проявил никаких эмоций и все твердил, что ему нужно вернуться к маме, потому что она не привыкла оставаться одна.

Агенты ФБР допросили Филипа Делла. Абигейл Тан рассказала Джеймс, что он никогда не слышал о Генри Вуде. Когда его стали расспрашивать об учебе брата в Лондоне, Филип Делл сказал, что не припоминает о поездке Корбина в Лондон. Когда у него спросили о Рейчел Чесс и ее отношениях с Корбином Деллом, Филип ответил, что сексуальная жизнь брата его не касается.

В тот день, когда Кейт Придди выписывали из больницы, она согласилась увидеться с Аланом Черни. С тех пор как Кейт оказалась в

больнице, парень приходил туда каждое утро, как на дежурство. Он вошел в комнату Кейт, бледный и нервный, держа в руках белый букет. Кейт сидела на кровати, рисуя в новом альбоме, который вчера принесли родители. Она уже написала портреты четырех медсестер и двух врачей.

– Спасибо за цветы, – сказала Кейт, когда Алан вручил их ей. Они сильно пахли, и Кейт не прекращала гримасничать, пока ставила их в вазу на столе.

– Они ужасно пахнут, – смутился Алан. – Извини.

– Нет, совсем нет. В любом случае лучше, чем эта палата.

– Слышал, что тебя сегодня выписывают.

– Так мне сказали, но я не поверю, пока это не произойдет.

– Чем собираешься заняться?

– Родители сняли номер в гостинице за углом, так что, полагаю, переночую там. А потом – домой.

– Ты не собираешься остаться здесь и окончить курсы?

Кейт рассмеялась.

– Нет, не думаю. Где же мне жить?

– Ну, ты могла бы остановиться у меня. Не проблема. Я бы хотел...

– Спасибо, Алан, но нет...

– Полностью понимаю и принимаю. Я просто хотел, чтобы ты знала, что предложение остается в силе. Реальное предложение. Я и не ожидал, что ты скажешь «да».

– Как оно там?

– Где? На Бери-стрит?

Кейт кивнула.

– Безумие. Первые сутки весь дом был оцеплен из-за орды журналистов. Сейчас в оцеплении только твое крыло, но полицейские не прекращают приезжать и уезжать, и новостные фургоны почти все время припаркованы рядом. Ты знаешь, что меня арестовали?

– Я все знаю. Роберта – детектив Джеймс – рассказала мне все подробности. Во всяком случае, заверила, что ничего не утаила. Она сказала, что после твоего задержания она вернулась ко мне в квартиру благодаря тебе – твоим словам.

– Если честно, то вся та ночь у меня как в тумане. Помню, что приходил к тебе. Еще раз прошу прощения за это, но я действительно не помню, о чем мы говорили. Потом я пошел домой, уснул, а следующая картинка – полиция задерживает меня, и все, о чем я думал, – это то, что ты в опасности. Я был уверен в этом.

– Он прятался в моей квартире. Когда я жила там.

– Знаю. Об этом пишут в газетах. Ужасная ситуация.
– Что еще там пишут?
– Слышала о нераскрытом убийстве в Лондоне?
– Детектив Джеймс рассказывала. Это тоже они?
– Все выглядит именно так. Сохранились результаты экспертизы ДНК с того места преступления, так что если это они, то, полагаю, полиция будет точно знать. Длинная история. Должен выйти телефильм, его прямо сейчас запускают в производство.

– Чувствую, что все непросто.
– Журналисты уже связывались со мной, просили об эксклюзивном интервью. Предлагали деньги.

– Да? – воскликнула Кейт. – И что ты собираешься делать?
– Ничего. Меня все это не волнует. Я беспокоюсь о тебе.
– Думаю, со мной все будет хорошо, честно. Может, я пока еще в шоке, но по какой-то причине все обошлось без особой психологической травмы и страхов. Я должна была умереть – дважды, правда, – а я здесь и все еще жива. Я знаю, что это прозвучит странно, но я счастлива. Расскажи больше о том, что ты прочитал в газетах.

Они еще немного поговорили. Алан живописал обо всем, что произошло той ночью, когда Корбин Делл и Генри Вуд умерли. Он даже рассказал Кейт, как его бывшая девушка Куинн связалась с ним, предложив выпить где-нибудь.

– Думаешь, она хочет вернуться к тебе, когда ты стал знаменитым?
– Мне кажется, она просто хочет узнать подробности.
– Пользуйся своей известностью. Она мимолетна. – Кейт слабо улыбнулась.

Этой улыбки было достаточно, чтобы Алан осмелился высказаться. Он немного пододвинулся к ней на литом пластиковом стуле.

– Есть разговор, – сказал он. – Я заранее прошу прощения.
– Тебе не обязательно толкать речь, – продолжала улыбаться Кейт.
– Я собираюсь сделать это только один раз, а потом я уйду. Речь будет короткой. Обещаю.

После сообщения Алана Кейт кивнула и пообещала подумать. Алан поблагодарил ее и вышел из палаты. По крайней мере, он сказал свое слово. Он рассказал правду или почти правду. Признался, как много для него значит их ночь, как он расстроился из-за того, что вломился к ней в квартиру через подвал. Он был искренне уверен, что она должна остаться на некоторое время в Америке и дать их отношениям шанс. И это было далеко от того, что он на самом деле чувствовал. Хотя они только-только

познакомились, он уже понимал, что любит ее.

Джим и Лина Вуд ехали восемь часов из Старка в Нью-Йорк, чтобы опознать своего сына. Они были удивлены, что их не отвели в подвал морга, где тело Генри лежало бы под простыней и только лицо было бы открыто. Они видели такое в многочисленных телешоу и полагали, что в реальной жизни происходит так же. Но вместо этого их отвели в стерильный хорошо освещенный офис и показали фотографии лица Генри на фоне какой-то голубой простыни. Конечно же, это их сын. Никто не удивился.

Джим захотел развернуться и ехать обратно в Старк, но Лина уговорила мужа остаться здесь на ночь. Они нашли мотель к западу от города. Напротив была закусочная, в которой, похоже, можно было поужинать. Раньше Джим не согласился бы на такую авантюру, но теперь его навыки вождения, особенно ночью, были уже не такими, как раньше.

После ужина они вернулись в мотель. Джим нашел по телевизору трансляцию игры по бейсболу. Они не говорили о Генри. Они много разговаривали о нем, когда он был моложе. Они также молились о нем. То, что его жизнь закончилась, ни потрясло их, ни дало им чувства покоя. Это просто факт. С ним было что-то не то, но сейчас он в руках Бога. Ужасно, что он убивал женщин. По крайней мере, сейчас он не может больше никого убить.

Джим заснул во время игры, и Лина выключила телевизор. Дыхание Джима было тяжелым, с хрипами. Она переживала, но подумала, что одну ночь он как-нибудь сможет провести без маски для сна при апноэ.

Перед тем как уснуть, она позволила себе эгоистический порыв – один миг воспоминаний о Генри, когда он был еще младенцем, пяти или шести месяцев от роду. Она клала его себе на ноги, когда сидела на диване, держала его за крошечную грудку и нежно подергивала, а Генри заливался смехом и заглядывал ей в глаза.

Она отпустила воспоминания и приказала себе больше никогда об этом не думать.

Глава 38

– Я решила, что хочу остаться здесь на некоторое время, – сказала Кейт следующим вечером в большой гостинице недалеко от больницы. Она ужинала с родителями в ресторане «Фольяж» – одном из трех ресторанов, не нацеленных на командировочных с солидными представительскими расходами.

– Почему? – спросила мама, и полная ложка дрожащего крем-брюле остановилась перед ее губами.

– Где? – спросил отец.

– Совсем на чуть-чуть. Мне сложно это объяснить. Я, наверное, сяду на паром до Провинстауна и проведу парочку ночей в одиночестве. Я не...

– Мы могли бы поехать все вместе, милая, – предложила мама.

– Нет, я хочу побыть одна. Боюсь, что если сразу же поеду в Англию и вернусь в ваш дом, то больше никогда его не покину. Это всего лишь на несколько дней.

К удивлению Кейт, родители согласились без особого сопротивления. Они пошли с Кейт к консьержу и навели справки о курсировании паромов непосредственно из Бостонской бухты до Провинстауна на краю полуострова Кейп-Код. Консьерж предложил забронировать номер в отеле на полуострове, но Кейт заявила, что сама найдет где остановиться. Родители предложили забронировать билеты до Лондона, но она ответила, что сама позаботится о билетах, когда будет готова вернуться домой.

– Только ненадолго, хорошо, дорогая? – попросила мама.

– Бабушка с дедушкой не поверят, что мы позволили тебе остаться после всего, что случилось, – пробурчал отец.

– Скажите им, что я уже взрослая девочка и скоро вернусь.

Родители посадили Кейт на паром во второй половине дня, незадолго до того, как должны были лететь в Англию. Перед отъездом Кейт позвонила из отеля детективу Джеймс и сообщила, куда она направляется, – на случай, если вдруг появятся дополнительные вопросы. Хотя она сомневалась, что будут вопросы. Суд не предполагался. Корбин Делл и Генри Вуд умерли в один день, вместе.

– Провинстаун – милое местечко, – отметила детектив.

– Я слышала.

– Берегите себя, Кейт. Вы многое пережили.

– История моей жизни, – вздохнула Кейт.

Среднего размера паром, попыхивая, вышел из Бостонской бухты на просторы Атлантического океана, поблескивающего под безоблачным небом. Все девяносто минут пути Кейт стояла на передней палубе и смотрела на солнце, иногда закрывая глаза. Она действительно не знала, что делает. Она только понимала, что не хочет прямо сейчас возвращаться домой к сюсюканью родителей, вопросам родственников и друзей или, еще хуже, их молчанию. И она не смогла бы вернуться и в квартиру на Бери-стрит. И она до сих пор не приняла решение насчет Алана Черни. Хотя он был прав, когда говорил ей тогда в больнице, что в ту ночь между ними произошло что-то особенное. Действительно произошло. Она тоже чувствовала это. Но она также ощущала пробуждение того животного страха, того ужаса оттого, что твоя жизнь и твое счастье находятся в чужих руках.

Кейт заметила длинную полосу Кейп-Кода, мерцающую вдоль горизонта. Потом она смогла разглядеть высокий каменный монумент и водонапорную башню, возвышающуюся над городом среди тесно набитых зданий. Паром вошел в провинстаунскую гавань, утыканную пришвартованными суденышками, и причалил к бетонной пристани. Она сошла по шаткому трапу на твердую землю. Ее немного подташнивало от морского путешествия, но все равно она была счастлива оттого, что оказалась на новом месте, что она чужестранка.

Она сошла с парома и взяла себе жареных моллюсков, присев на улице за деревянный столик, хотя на улице было довольно прохладно. Она понимала, что сезон еще не начался, на календаре только что перевернута страница с апреля на май, но в заведении уже довольно много народа. Кейт знала, что Провинстаун знаменит геями, но местные жители и гости, прогуливающиеся мимо Кейт, пока она обедала, казались такими же разными, как и в любом другом месте, где она бывала. Накачанные юноши в парах и группами, семьи туристов, две старушки в зимних пальто, и обе тащат велосипеды. Толстяк в деловом костюме курит сигару, мимо пробегает стайка двадцатилетних девушек в регбийных куртках. После обеда Кейт бродила по городу и, наконец, остановилась в мини-гостинице на Хоулэнд-стрит. Спартанский номер оказался то что надо: окрашенные деревянные полы, кровать с балдахином, узкое окно с видом на воду, телевизор отсутствует.

Она осталась там на три дня – совершала длительные прогулки, читала романы Барбары Пим, которые нашла в книжном магазине города, обедала в основном за длинной изогнутой стойкой португальского ресторана в восточной части города. Страх не покидал ее. Когда она в

темноте возвращалась домой, все подозрительные прохожие преследовали именно ее, а в тени домов копошились убийцы и насильники. Днем Кейт все время ждала, когда пьяный водитель вылетит на узкий тротуар Коммершел-стрит и начнет давить пешеходов. Она видела облака, предвещающие бурю, которой снесет крыши с обветренных домов. И она даже наблюдала за Джорджем Дэниэлзом. Как всегда, видела его в походке незнакомцев и стрижке официантов. Смешно, что ее все еще преследовал Джордж и к нему не присоединились Корбин Делл и Генри Вуд. Она знала, что Генри, или Джек, как она продолжала называть его в мыслях, в конце концов появится в ее снах. Она еще увидит его дерганую походку и белые зубы. И ничего страшного не случится. Он не сможет ей больше навредить.

Она задумалась, попадет ли когда-нибудь Корбин в ее кошмары. Появились веские доказательства того, что он был вовлечен по меньшей мере в два убийства – студентки в Лондоне и девушки в штате Коннектикут. Детектив Джеймс рассказала, что эксперты доказали его причастность к тем преступлениям. Однако в убийстве Одри Маршалл он не участвовал.

Он вернулся из Лондона, чтобы спасти ее. Кем бы он ни был, он изменился, не правда ли?

Когда Кейт собирала вещи, чтобы уехать из Провинстауна, из стопки свитеров, которые она так ни разу и не надела, выпал листочек бумаги. Это была записка от мамы:

«Милая, невероятно тяжело выпустить тебя из поля зрения и не забрать домой, но отец настоял. Сказал, что все будет отлично, и я согласилась. Хочу, чтобы ты знала: мы гордимся тобой. Мы знаем, что жизнь у тебя получилась не самая легкая и тебе пришлось пережить худшее. Дважды. Я всегда волновалась за тебя, но не сейчас. С тобой все будет хорошо. Скоро увидимся дома. Люблю тебя, дорогая. Мама»

Кейт несколько раз перечитала записку и положила ее между страниц какой-то из книг.

Она вернулась в Бостон ранним вечером. В городе было теплее, чем на полуострове, на небе собрались облака, в воздухе витал запах дождя. Она взяла такси из гавани на Бери-стрит, ожидая, что водитель начнет расспрашивать, что произошло в доме, но он всего лишь помог выгрузить ее сумку и оставил на тротуаре в наступающих сумерках. В доме ничего не изменилось. Не было ограждающих полицейских лент, журналистских фургончиков. Единственное, что она заметила, – это то, что по улице медленно

прогуливалась молоденькая парочка и, проходя мимо дома, девушка показала рукой в направлении окон квартиры Корбина Делла.

Кейт зашла в вестибюль и удивилась, увидев на посту Боба: обычно по вечерам он не работал. Привратник, в свою очередь увидев ее, удивился еще больше.

– Здравствуйте, мисс, – сказал он. – Рад вас видеть.

– Привет, Боб. Я пришла увидеться с Аланом Черни. Вы не знаете, дома ли он?

– Сейчас проверю. – Он взял телефон и после короткого разговора направил Кейт вверх в сторону крыла Алана.

У нее не было никаких намерений. Просто хотелось снова его увидеть. Когда Кейт Придди подходила к двери Алана Черни, сердце ее забилось. Она оказалась открытой. На пороге, нервно улыбаясь, стоял он. Кейт поставила сумку и шагнула прямо к нему в объятия.

Об авторе

Питер Свенсон – автор романов «Убить лучше по-доброму» и «Девушка с часами вместо сердца». Имеет дипломы Тринити-колледжа, Массачусетского университета в Амхерсте и Колледжа Эмерсона. Живет с женой в Соммервилле (штат Массачусетс), где и работает над следующим романом.

notes

Генри Джеймс (1843–1916) – американский писатель, за год до смерти принял британское подданство. Его романы считаются вершиной американского психологического реализма. В конце XIX века возрождает жанр мистического рассказа о привидениях.

Классический тип палаццо в Венеции – трехэтажное (реже двух-или четырехэтажное) здание с величественным фасадом, выходившим на улицу, и уютным двором.

Бордер-терьер – порода охотничьих собак, которую давно разводят в Великобритании. Это старая естественная порода, не претерпевшая искусственного искажения.

Паблик-гарден, основанный в 1837 году, стал первым общественным ботаническим садом в США.

Спидстер – двухместный спортивный автомобиль с открытым верхом, без боковых стекол.

Эгг-ног – сладкий коктейль на основе сырых куриных яиц и молока, гоголь-моголь по-американски. Является традиционным рождественским напитком.

Роман «Волчий зал» написала британская писательница Хилари Мэнтел.

Ракетбол – спортивная игра с мячом, проходящая на прямоугольном закрытом корте. Немного напоминает сквош, но с упрощенными правилами.

То, что в русском языке называется залысинами на лбу, в английском языке имеет название «вдовый пик». Есть поверье, что женщина с таким треугольничком волос на лбу переживет своего мужа или же это признак раннего вдовства.

«Изгоняющий дьявола» – классический фильм ужасов 1973 года, снятый режиссером Уильямом Фридкином, экранизация произведения Уильяма Питера Блэтти. Фильм был номинирован на десять премий «Оскар» и получил две из них.

Портер – темное пиво с сильным ароматом солода и насыщенным вкусом.

Выход на биту (at-bat – *англ.*) – бейсбольный термин.

Кладдахское кольцо – тип традиционного ирландского кольца, которое преподносится в знак дружбы, а также используется в качестве обручального. Кольцо изготавливается в форме пары рук, которые держат сердце, увенчанное короной.

«Реддит» («Reddit») – социальный новостной сайт, на котором зарегистрированные пользователи могут размещать ссылки на какую-либо понравившуюся информацию из интернета.

Лимон, олилки? (англ.)

Проявление остеопороза.

Да, она прелесть (*англ.* pretty).

Flat of the Hill (*англ.* flat – равнина).

Beacon Hill (*англ.* hill – холм).

«Бостон глоуб» («The Boston Globe») – американская ежедневная газета, крупнейшая в Бостоне.

«Ред сокс» – профессиональная бейсбольная команда, базирующаяся в Бостоне. Домашний стадион команды «Фэнуэй-парк» построен в 1911–1912 годах.

Лобстер-ролл – сэндвич с лобстером, приготовленный особым образом.

Провинстаун – город, известный как гавань и богемный туристический центр.

«Ярлсберг» – норвежский полутвердый сыр с характерным сладковатым пикантным вкусом.

Палм-Бич – современный курортный город в США.

«Околдована, взволнована и смущена» («Bewitched, Bothered, and Bewildered») – песня Шинейд Мэри Бернадетт О’Коннор.

«Фантастическая четверка» – первая команда супергероев комиксов компании «Марвел комикс».

«Пентхаус» – эротический развлекательный журнал для мужчин.

Гинкго – реликтовое дерево, которое относится к самым ранним растениям на Земле. Вырастает до сорока метров в высоту и четырех с половиной метров в диаметре.

Кейп-Код – полуостров на северо-востоке США, в 120 км от Бостона.

Аспид – природный шифер черного цвета.

Кэмден-маркет – самый популярный блошиный рынок в Лондоне.

Имеется в виду пиво «Стелла Артуа».

Международный аэропорт недалеко от Бостона.

Гатвик – второй по величине аэропорт Лондона после Хитроу.

Бутик-отель – дорогая гостиница с небольшим количеством номеров, отличным сервисом и эксклюзивным дизайном в каждом номере.

Релив-питчер, или реливер, в бейсболе – это питчер, сменяющий по ходу игры стартового питчера.

Фильмы категории В – малобюджетные, снятые малоизвестными режиссерами, в которых участвуют малоизвестные актеры.

Медиация – одна из технологий альтернативного урегулирования споров с участием незаинтересованного посредника.

Фитинг – фасонная деталь, которой соединяют трубы: муфта, тройник, колено, ниппель, угловой поворот и тому подобное.

«Убер» – мобильное приложение для вызова такси или частных водителей.

Технологический пузырь – гигантский взлет IT-компаний, после которого, как правило, начинается падение.

Страна Оз – волшебная страна, описанная в детской книге американского писателя Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из Страны Оз».

Энди Уорхол – американский художник, продюсер, дизайнер, писатель, коллекционер, заметная личность в истории современного искусства.

«ЛинкдИн» – социальная сеть для поиска и установки деловых контактов.

«Уолмарт» – сеть супермаркетов, торгующих широким ассортиментом товаров по ценам ниже средних.

«Гаторейд» – общее название серии спортивных напитков, производимых компанией «ПепсиКо».

«Райс чекс» – сухой завтрак в виде рисовых подушечек с минерально-железистыми и витаминными добавками.

«Хроники заводной птицы» – роман японского писателя Харуки Мураками о человеке, ищущем смысл жизни.

«Новый порядок» («New Order») – британская электроник-рок-группа,
«Братство» – ее четвертый студийный альбом.

«Глок» – семейство пистолетов, разработанных австрийской фирмой «Глок». Пистолеты получили широкое распространение по всему миру.

«Славная куропатка» («The Famous Grouse») – марка шотландского виски (скотча).

«Бостон Селтикс» – американский профессиональный баскетбольный клуб.

По всей видимости, имеется в виду герой сериала «Ясновидец» Чарли Хаверфорд.